

*З. Жаде, Е. Куква,
С. Ляшева, А. Шадже*

Российская идентичность на Северном Кавказе

Министерство образования и науки Российской Федерации
Адыгейский государственный университет
Российское философское общество

З. Жаде, Е. Куква, С. Ляшева, А. Шадже

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Научный редактор
и руководитель исследовательского проекта
доктор философских наук, профессор
А.Ю. Шадже

Москва – Майкоп
2010

УДК 316.31.4(470.6)
ББК 60.59
Р76

Печатается по решению ученого совета АГУ

Издание осуществлено при поддержке Министерства
образования и науки РФ
(фундаментальное исследование 1.1.09)

Рецензенты: член-корреспондент РАН,
доктор философских наук, профессор
М.К. Горшков
доктор философских наук, профессор
Ю.Г. Волков
доктор философских наук, профессор
К.Х. Делокаров

Р76 **Российская идентичность на Северном Кавказе /**
З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже ; под общ. ред.
А.Ю. Шадже. – М. : Социально-гуманитарные знания; Май-
коп : ООО «Качество», 2010. – 248 с.
ISBN 978-5-901715-88-8 (Социально-гуманитарные знания)
ISBN 978-5-9703-0270-5 (ООО «Качество»)

Предлагаемая коллективная монография «Российская идентичность на Северном Кавказе» посвящена междисциплинарному переосмыслению многоуровневой идентичности, анализу актуальной проблемы формирования российской национальной идентичности в полиэтноконфессиональном регионе в условиях модернизации России. С учетом особенностей российского Северо-Кавказского региона авторы рассматривают трансформацию идентичности в условиях активизирующейся глобализации. Данная работа является продолжением коллективной монографии «Многоуровневая идентичность» исследовательского коллектива.

Книга предназначена специалистам в области межэтнических отношений и всем, кому не безразлична судьба России и российского Северного Кавказа.

УДК 316.31.4(470.6)
ББК 60.59

ISBN 978-5-901715-88-8 (Социально-гуманитарные знания)
ISBN 978-5-9703-0270-5 (ООО «Качество»)

© Жаде З., Куква Е., Ляушева С., Шадже А., 2010
© Оформление. ООО «Качество», 2010

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Adyghe State University
The Russian Philosophical Society

Z. Zhade, E. Kukva, S. Liaoucheva, A. Chadje

THE RUSSIAN IDENTITY IN THE NORTH CAUCASUS

Science Editor and Chief of the Research Project
Doctor of Philosophy, Professor
A. Chadje

Moscow – Maykop
2010

The edition is carried out with support of the Ministry of
Education and Science of the Russian Federation
(Basic Research 1.1.09)

Reviewed by: Corresponding Member of RAS,
Doctor of Philosophy, Professor
M. Gorshkov
Doctor of Philosophy, Professor
Yu. Volkov
Doctor of Philosophy, Professor
K. Delokarov

The Russian Identity in the North Caucasus /
Z. Zhade, E. Kukva, S. Liaoucheva, A. Chadje. – Moscow :
Social-Humanities Knowledges; Maykop : LLC “Kachestvo”,
2010. – 248 p.
ISBN 978-5-901715-88-8 (Social-Humanities Knowledges)
ISBN 978-5-9703-0270-5 (LLC “Kachestvo”)

The monograph “The Russian Identity in the North Caucasus”, offered to readers by a group of authors, addresses the new interdisciplinary comprehension of multilevel identity and the formation of the Russian national identity in a multi-ethnic-confessional region in the conditions of Russia’s modernization. Taking into account features of the Russian North Caucasian region the authors shed new light on transformation of identity in the current era of intensifying globalization. This book continues and develops the theoretical concerns presented in the monograph of the same authors entitled “Multilevel Identity”.

The book is intended for experts in the field of interethnic relations and for people who are not indifferent to the destiny of Russia and the Russian North Caucasus.

ISBN 978-5-901715-88-8 (Social-Humanities Knowledges)
ISBN 978-5-9703-0270-5 (LLC “Kachestvo”)

70

**- ЛЕТИЮ АДЫГЕЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

Мы приняли вызов современной эпохи – глобализацию. Ответ на этот вызов проецируется в плоскость нашей идентификации: **МЫ – РОССИЯНЕ**, и в этом единстве мы можем и должны ощутить богатство нашего разнообразия.

...Задача заключается в том, чтобы мы научились вести диалог, новый диалог человека с человеком, новый диалог человека с природой и нести гражданскую ответственность за судьбу нашего общего российского дома.

Авторский коллектив

ВВЕДЕНИЕ

Формирование российской идентичности в наши дни представляет собой актуальную теоретическую и практическую проблему. В Северо-Кавказском регионе она усложняется по некоторым нерешенным экономическим, политическим и социокультурным проблемам. Предлагаемая книга З. Жаде, Е. Куквы, С. Ляушевой и А. Шадже «Российская идентичность на Северном Кавказе», на мой взгляд, интересна и полезна тем, что авторский коллектив, опираясь на исторически сложившиеся социально-культурные традиции в регионе, делает попытку осмыслить современную реальность и наметить контуры в будущее через идентичность.

Безусловны сложность и познавательная глубина рассмотрения проблемы формирования российской идентичности в многоэтничном и многоконфессиональном обществе. Рассматриваемый регион насколько богат и интересен, настолько противоречив и сложен. Несмотря на трансформацию северокавказского общества, этнический фактор оказывает заметное влияние на все сферы жизнедеятельности. Именно поэтому мне представляется убедительной и важной позиция авторов о выявлении смысла и эвристической ценности этнокультурной, региональной, российской и геополитической идентичностей. Закономерно обращение внимания авторов на то, что в познании региона значимо и рассмотрение религиозного фактора.

Сосуществование разных идентичностей наряду с общероссийской, безусловно, серьезная социально-полити-

ческая проблема. Однако сие не признак слабости нашего государства, скорее – свидетельство его исторической уникальности. Культурная идентичность определяет государственную монолитность, потому что единство страны может проявиться лишь через разнообразие этносов и идентичностей, через их взаимодействие и взаимообогащение. Диалог культур открывает путь к осмыслению и переосмыслению самоидентификации.

Современные культурно-идентификационные процессы подтверждают значимость идентичности в процессе формирования эффективного механизма регулирования этнополитических процессов, а также в прогнозировании властными структурами этнополитической ситуации в регионе. Сосуществование и взаимодействие различных видов идентичностей зависят от степени понимания того, что основой интеграции идентичностей могут стать духовные ценности, формирующие в общественном сознании чувство принадлежности к единому российскому государству, то есть представить себя россиянами (независимо от этнической и конфессиональной принадлежности) – ощутить себя людьми одной культуры и как сообщество одной (общегражданской, российской национальной) идентичности. Это важно для национальной безопасности, сохранения единства и целостности российского государства и определения Россией достойного своего места в глобализирующемся мире. Это важно и для Северного Кавказа, поскольку интеграция этнической, региональной и национальной идентичностей выступает как фактор обеспечения стабильности в регионе.

Приятно отметить, что исследовательская группа плодотворно занимается изучением социокультурных процессов на Северном Кавказе: работая по российским и международным грантам, получила значимые научные результаты, опубликованные в реферируемых изданиях, поддержанные в отечественной науке и у зарубежных коллег. Авторский коллектив первым обратился к исследованию этнокультурной идентичности на Северном Кавказе и осуществил комплексный подход в анализе разных уровней идентичности. Коллективная монография «Многоуровневая идентичность» признана «Лучшей научной

книгой 2006 г.» по результатам конкурса на лучшую научную книгу 2007 года среди преподавателей высших учебных заведений, проходившем в Сочи в сентябре 2007 г., и получила Диплом Фонда развития отечественного образования. Коллектив авторов этой книги получил Диплом лауреата премии Конкурса научных работ по кавказоведению и регионоведению Юга России имени Юрия Андреевича Жданова 14 декабря 2007 г.

Любое исследование значимо по своему прикладному значению. Радуется, что полученные научные результаты коллектива находят практическое применение в образовательном процессе, а также при разработке практических рекомендаций, ориентированных на повышение эффективности национальной политики, прогнозирование и корректирование этнополитической ситуации в регионе.

Наконец, отмечу, что перед нами издание авторов, болеющих за судьбу России и российского Северного Кавказа. Можно сказать, что новая книга З. Жаде, Е. Куквы, С. Ляушевой и А. Шадже нацелена на воспитание нашей молодежи гражданственно; побуждает к формированию толерантного сознания, диалогичного мышления и патриотической позиции в условиях модернизирующейся России. В этом я вижу ценность предлагаемой монографии.

**Ректор
Адыгейского государственного
университета
профессор**

Р.Д. Хунагов

ГЛАВА 1

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ МНОГОУРОВНЕВУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

1.1. Опять идентичность?!

ктуализация исследовательского интереса к проблеме идентичности связана с распадом Советского Союза, трансформацией общества, сопровождавшейся духовным вакуумом и идентификационным кризисом. В рамках возрождения этнических культур доминировали работы по этнической идентичности. Исследования идентификационного пространства России, формирования российской национальной идентичности актуализировались в последнее время.

В современной гуманитарной науке идут поиски определения путей интеграции граждан современной полиэтноконфессиональной России. В связи с этим актуализируется проблема формирования российской национальной идентичности в научном и практическом аспектах. Трансформация российского общества остро поставила в нашей стране вопрос об осознании индивидуальной и групповой социальной идентичности, интеграции и дезинтеграции, солидарности, сплоченности и системы ценностей. Отсутствие общей идентичности как высшей ценности россиян опасно вдвойне и становится одним из важнейших факторов нестабильности. Формирование российской национальной идентичности необходимо для сохранения единства России, чтобы она не раскололась на «этнические квартиры», а, сплотившись, сохранив свое культурное богатство – этноконфессиональное разнообразие, – заняла свое достойное место в глобализирующемся мире.

Наиболее явственно ощущается потребность в консолидации граждан в одном из важнейших регионов России – Северо-Кавказском, который является сложнейшей, исторически сложившейся системой, характеризующейся своей структурированностью, полиэтничностью, поликонфессиональностью и повышенной социальной, экономической и этнополитической напряженностью, которая испытывает глубокие противоречия. В процессе социокультурной трансформации и модернизации традиционного уклада жизни народов северокавказского общества исторически сложившаяся здесь этническая карта подвергалась серьезной деформации. В последние 15 лет стал нарастать динамизм в межэтнических взаимодействиях и отношениях, в переходе от традиционных норм и форм жизни к инновационным, в переоценке ценностей, в формировании новой социальной модели жизнеустройства. Эти процессы уже размывали традиционные социокультурные основы народов северокавказского общества, однако не привели к ослаблению роли этнического фактора, который остается влияющей доминантой на ситуацию. Это актуализирует поиски оптимального соотношения традиций и инноваций, механизмов самоорганизации и управления социальным развитием Северного Кавказа. В условиях активизации этнического и религиозного самосознания нелинейное взаимодействие этнической, региональной, российской национальной идентичностей протекает довольно остро и напряженно. При этом российская национальная идентичность не стала доминирующей, образ «россиянина» слабо воспринимается в массовом сознании и в элитарных кругах.

Проблема формирования российской национальной идентичности приобретает ценностное значение в рассматриваемом регионе по ряду причин.

Во-первых, проблема формирования российской национальной идентичности не стала предметом социогуманитарного знания. Во-вторых, интеграционный потенциал российской национальной идентичности еще не выявлен и не используется. В-третьих, отсутствуют нетрадиционные подходы в разработке российской на-

циональной идентичности как цементирующей основы разных видов идентичностей (этнокультурной, региональной, религиозной и т.д.) и использование ее эвристических возможностей в разработке региональной национальной политики.

На Северном Кавказе комплексное исследование по формированию российской идентичности не проводилось, хотя разработка этой проблемы занимает все более значимое место в регионе. Обозначены некоторые, на наш взгляд, интересные подходы к рассматриваемой проблеме. Так, С.Ю. Иванова анализирует факторы, влияющие на формирование позитивной общегосударственной идентичности и патриотизма [1]. С позиций конфликтологии рассматривает макросоциальную российскую идентичность В.А. Авксентьев [2]. Предметом исследования Ю.Г. Волкова являются идеологические основы национальной идентичности [3]. Сформулирована идея «цепочки идентичностей» В.В. Черноусом, определившим в ней место российской. Рассмотрена кавказская идентичность в процессах российской социокультурной трансформации [4].

Обзор научных информационных источников (не только вышеперечисленных) свидетельствует о том, что:

- во-первых, проблема формирования российской национальной идентичности как интеграционной основы полиэтноконфессионального Северо-Кавказского региона не стала предметом междисциплинарного исследования;
- во-вторых, имеющиеся работы в основном базируются на классической методологии;
- в-третьих, исследуя проблему формирования российской национальной идентичности на Северном Кавказе, обходят возможность совмещения/интеграции различных видов идентичностей, что имеет немаловажное значение для данного региона.

Для Северного Кавказа проблема формирования общероссийской идентичности есть отражение и продолжение проблемы социальной интеграции. Она обусловлена еще более масштабным, всеохватывающим процессом – модернизацией, залогом которой и является

социальная интеграция. Можно сконструировать цепочку из этих понятий: «коллективная (российская) идентичность – социальная интеграция – социокультурная модернизация».

Известно, что Северный Кавказ относится к обществам, в большей степени тяготеющим к традиции, чем к новации. Данная особенность северокавказского общества в терминологии изучаемой нами проблемы выглядит как тяготение к этнонациональному, нежели к национально-гражданскому восприятию реалий этнической и социально-политической сферы региональной и общероссийской действительности.

Мнение о том, что региональная идентичность может явиться источником дезинтеграции, дискуссионно. Например, В.И. Пантин утверждает, что «в ряде регионов набирают силу процессы утверждения собственных региональных идентификационных моделей, усиливается осознание локальной особенности в ущерб представлениям об общей идентичности российского гражданина. Утверждение локальных характеристик идентичности в противостоянии общероссийским представляет серьезную угрозу для продвижения ее национальных интересов» [5].

На наш взгляд, региональная идентичность, умело вплетенная в систему многоуровневой идентичности, может стать ресурсом социальной интеграции.

Все это позволило нам обратиться к переосмыслению многоуровневой идентичности в контексте постнеклассической парадигмы. На наш взгляд, актуально нетрадиционное переосмысление традиционных проблем.

Цель предлагаемой монографии – рассмотреть проблему формирования российской национальной идентичности в полиэтноконфессиональном регионе в новой парадигме развития.

Данная работа может быть рассмотрена, с одной стороны, как продолжение «Многоуровневой идентичности», с другой – ряд положений предыдущей книги в ней уточняются, углубляются, рассматриваются в новой парадигме.

Идентичность в наших исследованиях – историческая ретроспекция. Наш исследовательский коллектив впервые обратился к изучению идентичности, в частности феномена кавказской идентичности, контекстуально [6] и в явном виде [7] в конце XX века. Поскольку наши публикации по кавказской идентичности вызвали наибольший интерес и научную дискуссию в отечественной науке, остановимся на этом феномене. Не собираюсь заняться «разъяснительной работой» или навязыванием читателю утопичных мыслей, попробуем вступить в диалог, поразмышлять, переосмыслить кавказскую идентичность в новых условиях.

Нетрудно заметить, что даже в рамках активного возрождения этнонациональной феноменологии в отечественной науке этот термин практически не использовался, если не сказать, что он употреблялся лишь как отрицательное понятие, т.е. кавказская идентичность отождествлялась с современным кавказофобским имиджем или лицом кавказской национальности.

Но памятен же и иной кавказский имидж? Мужество, героизм, благородство горцев, воспетые А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Л.Н. Толстым, не могут в одно мгновение быть зачеркнутыми! А свидетельства европейских авторов, побывавших на Кавказе в XIII–XIX веках и восторженно описавших в своих воспоминаниях необычайную душевную щедрость горских народов?

Рассматривая Кавказ в российском и мировом контексте, признанный специалист по Северному Кавказу и наш соотечественник Ю.А. Жданов выявляет конструктивное содержание кавказской идентичности, помогает увидеть за «лицами кавказской национальности» уникальный географический, геополитический и культурный массив. Отмечая с горечью прошлые и современные конфликты и конфронтации, он отмечал: «Кавказ хранит в себе и ныне мощные исторические традиции. На планете не существует региона, где жили бы длительно и совместно сотни народов... Это удивительное многоцветье является драгоценным сокровищем всего человечества... Поэтому художественная и научная мысль Кавказа концентриро-

вала свое внимание вокруг проблемы межнациональных отношений, сотрудничества и взаимопомощи народов. Традиции Кавказа в этом смысле неисчерпаемы» [8].

В контексте рассуждений о кавказской идентичности вспоминается выступление «Кавказская идентичность в современной России» на первом социологическом конгрессе «Общество и социология: новые реалии и новые подходы», которое не было понято и принято многими участниками. Реальное бытие региональной идентичности, в частности кавказской, аргументировала ведущая нашей секции «Этнический фактор в социальных отношениях» Л.М. Дробижева. Позже, на IV Российском философском конгрессе «Философия и будущее цивилизации» в Москве (24–28 мая 2005 г.), С.Н. Иконникова отметила, что в России «на смену этнической идентичности приходит региональная идентичность». Она проявила интерес к нашим исследованиям по кавказской идентичности, поддержала полученные нами научные результаты.

Между тем западные коллеги часто обращаются к данному феномену, о чем свидетельствуют зарубежные публикации, оригинальные проекты и научные мероприятия. И это ощущалось во время лекции о кавказской культуре и кавказской идентичности в Боннском университете [9]. Аудитория, собравшая немецких кавказоведов, не подвергала сомнению вопрос о существовании «кавказскости». Наоборот, они в поиске смысла и ценности этого явления, практического применения в решении северокавказских проблем.

Возвращаясь к нашим рассуждениям, отметим, что они кое-кому могут показаться «не соответствующими духу времени», продиктованными желанием искусственно создать культ кавказскому фактору или же его «мифологизировать». Конечно же, сегодня не может идти речь об идеализации племенных или этнических качеств и нравов в их исходной первобытной форме. И вряд ли стоит воспринимать кавказскость как мифологизированное явление, обязательно ведущее к этнонационализму или сепаратизму.

Хотелось отметить, что онтологизация кавказской региональной идентичности не отвергает общероссийс-

кую идентичность. Для кавказца ощущать себя россиянином совсем не означает потери этнического чувства, равно как самоидентификация со своей этнической культурой вовсе не отрицает включенности в российское общество, российскую культуру. Это естественное состояние человека как гражданина Российской Федерации, отождествляемого со своим народом. На самом деле мы все – россияне. Любой из нас, независимо от этничности, осознает и признает истинность суждения о том, что в России существует реальная историческая, социальная и культурная общность, не исключая, а предполагающая этническую принадлежность, в том числе и кавказскую.

Осмысление и переосмысление кавказской идентичности осуществляется в последние годы в постсоветской России в связи с формированием общероссийской идентичности. Многие ученые признают сегодня, что кавказская идентичность представляет собой реально существующий феномен. Она, как и этническая идентичность, иллюстрирует многообразие мира культуры. Можно не говорить о ней, не замечать ее, но от этого он (феномен) не перестает существовать. В культурной жизни региона все еще значима кавказская идентичность, ценностное отношение к ней сохраняется у многих представителей кавказских этносов. Сегодняшнее наше обращение к исследованию кавказской идентичности обусловлено необходимостью совмещения ее с различными видами идентичности.

Новое время требует нового подхода к осмыслению и переосмыслению социальных реалий прошлого и настоящего. В связи с этим считаем необходимым отметить ряд положений. *Первое* связано с тем, что в современных условиях рассматриваемый феномен не следует мифологизировать и идеализировать. Но и без анализа кавказской идентичности трудно разобраться с совмещением/интеграцией различных видов идентичностей в северокавказском обществе.

Второе: в последнее время кавказская идентичность изменилась содержательно, она трансформировалась,

а потому и изменились наши представления о ней. Однако нет сомнения в том, что перспективы российского государства в условиях современности связаны с укреплением единства нашей страны, что означает поиск общей социокультурной основы совмещения этнической, региональной и российской идентичностей, а также выявление интегративных возможностей российской национальной идентичности.

Третье: следует сказать о появившихся новых видах региональной идентичности на Юге России: «северокавказская идентичность» и «южанин». Как известно, эти изменения связаны с учреждением федеральных округов, когда в политическом лексиконе появилось новое понятие «Юг России». Вслед за ним появились еще термины «Южный федеральный округ» и «Северо-Кавказский округ». Вероятно, эти понятия могут иметь право на существование в сфере политики, коль сами политики ввели их. Однако они не могут содержательно заменить понятия «Кавказ», «Северо-Кавказский регион». Естественно они и не тождественны понятию «кавказская идентичность», содержание которого наполнялось исторически не в сфере политики, а в социокультурном пространстве Кавказа.

Безусловно, кавказская идентичность изменилась. Осознавая это, и обращаемся к ней. Наибольший интерес представляли и представляют для нас: концептуализация этого феномена, содержательная наполненность и введение его ценностного содержания в практическую (политическую) плоскость. При этом вполне явственно осознаем, что она трансформировалась в современных условиях.

Отрадно отметить, что наш междисциплинарный идентификационный проект собрал коллектив с разнообразными научными интересами, который знает о современных видах и процессах идентичности не понаслышке. «Концептуальное взросление» идентичности способствовало углублению процесса поиска собственного лица в области исследования идентичности. В рамках наших исследований защитили докторские диссер-

тации: по философии Ляушева С.А. на тему «Личность в традиционной культуре адыгов» в 2004 г. в Ростовском государственном университете (ныне Южный федеральный университет) и по политологии Жаде З.А. на тему «Геополитическая идентичность России в условиях глобализации» в 2007 г. в Кубанском государственном университете. В 2005 г. защитила кандидатскую диссертацию по социологии Куква Е.С. на тему «Этническая идентичность в Республике Адыгея: социологический анализ».

Нами разработана концепция идентичности, развивая понимание социальной идентичности Э. Эриксона: социальная идентичность трактуется с точки зрения полипарадигмальности как многоуровневая идентичность, как структура – процесс; выделяемые уровни: этническая, региональная, российская национальная, цивилизационная, геополитическая и религиозная идентичности не составляют альтернативу, наоборот, взаимопроникают и взаимодополняют друг друга [10].

Важно отметить, что наши исследования по идентичности не остались незамеченными в отечественной науке [11], за что благодарны своим коллегам. Научная дискуссия по полученным нами результатам стимулирует нас, и представляется, что выведет на поиск новых характеристик идентичности, т.е. на осмысление ее *креативности* и *инновационности* в условиях модернизации российского общества и глобализирующегося мира.

В настоящее время нами осуществляется фундаментальное исследование на тему «Культурно-идентификационные процессы в Северо-Кавказском регионе в условиях глобализации».

Примечания:

1. *Иванова С.Ю., Лутовинов В.И.* Современный российский патриотизм. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – 320 с.

2. *Авксентьев В.А., Попов М.Е.* Идентичность как проблема региональной и национальной безопасности // Идентичность и интеграция: Опыт России и Германии (Юг России – Северный Кавказ). Сборник материалов международной научно-практической конференции 15–17 июня 2009 г. (г. Пятигорск). – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2009. – С. 63–67; *Авксентьев В.А.* Северный Кавказ: репо-

1.1. Опять идентичность?!

литизация этничности и конфликтологические сценарии развития // *Обозреватель*. – 2006. – № 7.

3. *Волков Ю.Г.* Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2006. – 256 с.

4. *Черноус В.В.* Этноконфессиональная идентичность у народов на Северном Кавказе в современном научном дискурсе // *Идентичность и интеграция: Опыт России и Германии (Юг России – Северный Кавказ)*. Сборник материалов международной научно-практической конференции 15–17 июня 2009 г. (г. Пятигорск). – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2009. – С. 93–96.

5. *Пантин В.И.* Самоопределение как ресурс модернизации // *Независимая газета*. – 2010. – 30 марта.

6. *Дамениа О.Н.* К проблеме идентификации кавказской культуры // *Вестник АГУ*. – Майкоп: Изд-во АГУ. – 1998. – № 1. – С. 55–60.

7. *Шадже А.Ю.* Кавказская идентичность в современной России // *Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи»*. – СПб.: Изд-во «Скифи», 2000. – С. 324–325.

8. *Жданов Ю.А.* Солнечное сплетение Евразии. – Ростов-на-Дону – Майкоп: Адыг. респ. изд-во, 1999. – С. 23.

9. *Shadzhe Asijet.* Zum Problem des ethnischen Faktors in der kaukasischen Kultur. – Edingen – Neckarhausen. (Германия, 2003); *Шадже А.Ю.* Кавказ: взгляд из Бонна. – Бонн – Майкоп: Изд-во «Аякс», 2002. – С. 68.

10. См.: *Многоуровневая идентичность / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляушева, А.Ю. Шадже*. – М.: Российское философское общество; Майкоп: ООО «Качество», 2006.

11. См.: *Тхагапсоев Х.Г.* Постижение Кавказа: новые ракурсы // *Научная мысль Кавказа*. – Ростов-на-Дону, 2003. – № 2. – С. 49; *Салов Е.* Многоликая идентичность // *Социально-гуманитарные знания*. – 2008. – №1. – С. 322–328; *Барков Ф.А., Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В.* Этнос в глобализирующемся мире / отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С. 134–135; *Гаджиев К.* Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2010. – № 2. – С. 64; *Паин Э.А.* Распутица: Полемиические размышления о предопределенности пути России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 56–57 и др.

1.2. Идентичность в новой парадигме развития

В отечественной и зарубежной социальной науке нет концепции, анализирующей современные этносоциальные процессы и определяющей перспективы модернизационного развития Северного Кавказа. Сложившиеся кавказоведческие концепции не раскрывают сути основных тенденций и противоречий российских трансформаций в регионе. Имеющиеся исследования носят в основном описательный характер, что также не дает понимания региональных процессов в условиях перехода к инновационной модели социального устройства жизни.

Во многом это объясняется сложившейся классической методологической базой, стереотипом мышления о регионе, достаточно привлекательными этнографическими сюжетами, создавшими экзотический, геоэтнографический образ кавказского общества.

Представляется, что продолжение и углубление изучения идентичности, в частности многоуровневой идентичности, прежде всего должно основываться на ряде методологических и теоретических положений.

Первое положение – понятийный дискурс. В современной России трудно воспринимается содержание понятий «российская идентичность», «российская нация», «государство-нация» и т.д. Здесь ряд причин. *Первая причина* связана с тем, что идея сплочения и единения населения России блекнет перед «угрозой усиления идеологии имперского шовинизма». По словам Э.А. Паина, «в современной России почти две трети опрошенных видят «врагов государства» в представителях других народов, живущих на территории страны, при этом лозунг «Россия для русских» поддерживают около 60% опрошенных, что почти в три раза больше, чем, скажем, во Франции в период наивысшей популярности Ж.-М. Ле Пена. К тому же в России уровень ксенофобии нарастает беспрецедентно высокими темпами, и она вместе с несоветскими геополитическими амбициями является пока единственным инструментом политической мобилизации масс» [1].

Эта ситуация усугубилась последними событиями в нашей стране – терактами в Москве и на Северном Кавказе.

Вторая причина, как отмечалось нами неоднократно в своих публикациях, связана с дискуссионным характером базового понятия «нация» и отсутствием единства в отечественной науке по определению его содержания. Говоря о проблеме российской национальной идентичности, безусловно, мы не сводим ее лишь к дискурсу. Само по себе внедрение понятий «нация», «российская нация» не достаточно для реализации национальной идентичности. Использование понятий необходимо, но еще недостаточно [2].

Тем не менее обратимся к реальности. Рассматривая проблему идентичности в полиэтничном регионе именно в ракурсе гражданства, т.е. принадлежности к гражданской идентичности, которая является самой универсальной формой объединения населения любого государства, отметим, что в России гражданство пока не выполняет свою функцию в полной мере. Исследования указывают на то, что российская идентичность не стала доминирующей. Например, все еще имеет место непонимание соотношения российской и этнической идентичности, т.е. их зачастую противопоставляют.

Что касается политической практики, то заметно изменение дискурса в сфере нациестроительства. Совершенно справедливо отмечает В.А. Тишков, что пока никто, кроме Путина и Медведева, не произносит вслух название нашей гражданской нации – российская. «Заметным и замечаемым стало употребление в публичном пространстве и, прежде всего, в выступлениях Президента РФ понятия нации не в этнокультурном значении, а в смысле государственной общности – политической нации. В таком значении понятие нации и производное от него определение «национальный» (доход, интересы и т.д.) в Посланиях Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию в 2000 г. употреблялось 10 раз, в 2007 – 18 раз. В Послании Президента РФ Д.А. Медведева в 2008 г. 6 раз употреблялось само понятие нации в значении государс-

твенной общности. Оно находит выражение в дискурсе через такие определения, как «российская нация», «гражданине России», «мы как нация», «мы – народ России», «единственный народ России» [3]. В 2009 г. в Послании Д.А. Медведева базовое понятие «молодая нация» и производное от него понятие «национальный» употреблены 19 раз. Если политическая элита страны в своих высказываниях предлагает усилия для формирования образа России, россиянина, российской идентичности, то политическая элита российских регионов осторожничает с этими понятиями. На это указывает контент-анализ СМИ ряда республиканских газет Северного Кавказа.

Отметим, что в области науки и образования формированию российской нации и национальной идентичности сполна не подчинены гуманитарная наука, образование и просвещение нашей страны.

В России о российской нации и российской идентичности впервые были высказаны идеи в начале 1990-х гг. В.А. Тишковым [4]. Наш исследовательский коллектив, «переболев» этнической и региональной идентичностями в рамках этнической феноменологии, поддержал идею нации-государства в начале 2000 г. и обозначил свои подходы к рассматриваемому концепту.

По поводу идеи нации-государства в отечественной науке продолжается полемика. В мировой науке распространено мнение о том, что переход от имперского типа государства к государству-нации в России не завершен. Новая Россия – уже не империя, но она еще и не государство-нация. В государствах с давними демократическими традициями понятия гражданского демократического государства и гражданской нации настолько слились, что стали взаимозаменяемыми и часто пишутся через дефис – nation–state. В России гражданская нация не сложилась ни на культурно-ценностном, ни на институциональном уровнях [5]. Между тем В.А. Тишков пишет, что «процесс формирования гражданской нации достаточно давно и успешно идет в России, а в каком-то смысле или в какие-то событийные моменты следует говорить о российской нации как о свершившемся факте общественного созна-

ния» [6]. Видимо, авторы вкладывают разные смыслы в понятие «гражданская нация», чем и обусловлено наличие противоречивых оценок.

Представляется, что сложившиеся два подхода к нации в отечественной науке – нация-этнос (этнонация) и нация-согражданство (гражданская нация), безусловно, отражаются на выработке государственной национальной политики и состоянии межэтнических отношений. Однако не следует противопоставлять эти подходы. Наш методологический ориентир представляет собой синтетический подход. Нам близка во многом позиция Э. Паина, считающего неправомерным полное отождествление нации с гражданством в рамках этнополитической интеграции [7]. Представляется, что «российская нация» будет содержать в себе элементы гражданско-территориальной и этнокультурной общности.

Между тем подчеркнем, современная реальность – ориентация на развитие гражданской нации, слабо воспринимается в общественном сознании россиян, а в некоторых политических кругах порой встречает отторжение. Эти понятия нуждаются в уточнении, поскольку от их дифференциации зависит решение многих социально-экономических и политических проблем.

Второе положение связано с тем, что идентичность является открытой системой, вступающей во взаимодействие с различными видами идентичности. Именно эта характерологическая особенность позволила ей приобрести множественный характер в современном мире. Это неудивительно, поскольку идентификация идентичности осуществляется по разным основаниям. Идентифицировать себя человек может на разных уровнях, он вынужден всегда определять себя в условиях меняющейся ситуации. Идентифицировать себя ему приходится постоянно, независимо от окончательной определенности той общности, к которой он себя относит. Ведь сама эта общность есть величина постоянно меняющаяся, как, впрочем, и самоидентифицирующийся человек. Отсюда следует, что самоидентификация представляет собой открытый процесс.

Совершенно справедливо отмечает З. Бауман, что «вместо разговора об идентичностях, унаследованных или обретенных, более уместным и соответствующим реальностям глобализирующегося мира выглядело бы исследование *идентификации*, никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены [8].

Таким образом, идентичность можно рассматривать как объемный, многогранный и собирательный концепт, вбирающий в себя содержание множества разных идентичностей. Перефразируя О.Н. Астафьеву, можно заключить, что «открытость концепта и его качественные характеристики позволяют вписать его в *концептосферу* постнеклассической науки», тем самым отмечая его отличие от классических определений идентичности.

Третье положение вытекает из предыдущего – идентичность не является некой исторической заданностью, имеющей статичный характер. В этой связи кратко сформулируем два взаимосвязанных тезиса: во-первых, идентичность – подвижная категория, несмотря на то, что в ней сохраняется некоторое инвариантное содержание; во-вторых, идентичность всегда вписана в определенный социокультурный контекст, формирующий ее содержание.

Раскроем суть этих тезисов на примере социокультурного пространства Кавказа. Новое понимание и выявление социального потенциала идентичности возможны лишь при рассмотрении ее социальных корней, связав культурно-исторический подход с особенностями конкретного общества, где она формировалась.

Осмысление рассматриваемой проблемы на уровне регионального сообщества возможно через понимание социальных изменений последних лет в контексте общего процесса модернизации России и глобализации мира. Но важно учесть не менее важную сторону: необходим анализ социокультурной реальности, в которой формируется идентичность, осуществляется поиск своего «я» и «мы», а

также соотнесение себя с определенной общностью. Такой подход связан с рассмотрением общественного устройства региона.

В процессе выявления специфики социокультурного пространства региона важно определить элементы, из которых складывалось кавказское общество как нечто единое. Как отмечалось в предыдущих изданиях, отправным положением наших рассуждений является тот факт, что Кавказ является горной территорией и домом крайне оригинальных и ценных цивилизаций. Представляется важным отметить два положения. Первое – это взаимодействие природы и человека. Оно может быть выражено в ряде парадигм: привязанность человека к естественной среде, не враждебность человека к природе, а гуманное отношение к ней. Здесь формировалась культурно-экологическая особенность горного образа жизни кавказских народов и экологическое мировоззрение горцев. Тип отношения человека по отношению к природе был обусловлен исторически. Второе положение – взаимосвязь био- и этносоциокультурного разнообразия. Природное разнообразие повлияло на формирование структуры социальной системы Кавказского региона. Этим во многом объясняется то этносоциокультурное разнообразие, которое сложилось в условиях горных и предгорных территорий Кавказа [9].

В процессе социокультурной трансформации и модернизации традиционного уклада жизни народов северокавказского общества исторически сложившаяся здесь этническая карта подвергалась серьезной деформации. Как отмечалось выше, в последнее время стал нарастать динамизм в межэтнических взаимодействиях и отношениях в переходе от традиционных норм и форм жизни к инновационным, в переоценке ценностей. Эти процессы уже размыли традиционные основы социального жизнеустройства народов северокавказского сообщества, однако не привели к ослаблению роли этнического фактора. В понимании экзистенциального смысла общественного устройства региона важно учесть тот факт, что этнический фактор остается еще влияющей доминантой.

Ныне Северный Кавказ является сложнейшей, исторически сложившейся гео-, экономико-, политико-, социо-, этнокультурной системой, которая серьезно повреждена, но еще окончательно не погибла. В ее функционировании важная роль принадлежит этнокультурному разнообразию. Сущностью рассматриваемого общества является культура (этнические культуры) и ее базисные ценности. Несмотря на модернизацию северокавказского общества, этнический фактор, как отмечалось выше, продолжает играть важную роль в регионе. Этнокультурные традиции, как известно, устойчивы, они обновляются медленно в рассматриваемой системе. Ценность сущности культурной самобытности в ее социальном потенциале. Именно поэтому в современной ситуации важно понимание эвристического потенциала этнического фактора и использование его в практической жизни.

Говоря о ценностном отношении к этническим культурам, в частности и к этнокультурным традициям, представляется возможным отметить, что их роль в жизни человека и человеческих взаимоотношениях велика. И постулирование единства исторически сложившегося социокультурного пространства, безусловно, не самоцель. Главное, на наш взгляд, понимание того, что культура представляет собой *смысловую основу всей жизни*. Учет культурной специфики важен еще и потому, что культурные традиции составляют основу самобытности, являются системообразующими и наиболее устойчивыми элементами, благодаря которым происходит саморазвитие северокавказского общества как системы.

Известно, что мир культуры создается человеком с определенным образом, стилем жизни и мировоззрением. Культура служит одновременно питательной средой для человека. Перефразируя М. Хайдеггера, можно сказать, что культура является домом бытия человека. Но человек не только создает культурный мир, он живет в нем как действующий субъект, идентифицируя себя с определенной этнической общностью, соблюдая этнокультурные традиции.

Что касается понятий «традиция» и «инновация», то они будут обстоятельно рассмотрены в третьей главе. Мы остановимся на философском статусе термина «традиция», определяя его тем, что он включает в себя весь комплекс обладающих какой-либо ценностью норм поведения, форм сознания и институтов человеческого общения, характеризуя связь настоящего с прошлым, точнее, степень зависимости современного поколения от прошлого или приверженности к нему [10].

Понимая правомерность противопоставления традиции инновациям и современности, мы рассматриваем ее в контексте более общего понятия «развитие». Сами традиции не статичны, они динамичны. С точки зрения диалектической концепции, традиция становится участником процесса развития или, как принято говорить, диалога «нового» со «старым». Сохранение традиций возможно не в чистом виде, а в «снятой» форме. «Сохранить – это значит видоизменить. Это общий закон как органического, так и социокультурного мира» (М. Розанов).

Отметим, что мы придерживаемся в основном точки зрения российских авторов, для которых традиция – феномен принципиально динамичный и саморазвивающийся. Традиции в современном обществе приобретают новое содержание. Мы далеки от воскрешения прошлого в виде традиций, однако нами делается попытка реализовать ценности конкретных традиций, понять смысл «прошлого опыта в новых условиях».

Традиции не следует рассматривать как абсолютную ценность, несопоставимую со всеми остальными ценностями. Их следует понимать как ключ к осмыслению и пониманию других ценностей северокавказского общества, а также как основу новаций. Традиция, обновляясь, становится источником развития. Инновация может утвердить себя через культурные традиции. Это определяет место, роль и силу этнокультурных традиций в полиэтническом обществе.

Итак, осмысление северокавказского социокультурного пространства позволяет понять, что на социальное

жизнеустройство народов активное влияние оказывает поддержание этнического фактора. Есть существенное положение, на которое следует указать: несмотря на этно- и конфессиональное разнообразие, на Северном Кавказе сложилась единая региональная культура, ядром которой выступают традиционные ценности.

Проблема целостности социокультурного пространства Кавказа, в частности Северного Кавказа («кавказская цивилизация», «кавказская культура», «кавказская идентичность» и т.д.), привлекает внимание исследователей разных методологических направлений. Это расширяет рамки междисциплинарного поиска для понимания процессов самоорганизации северокавказского общества и объяснения взаимосвязи этнического, регионального, культурного, социально-экономического и политического развития.

В процессе совместного проживания и взаимного сотрудничества северокавказские этносы выработали социокультурные ценности, можно сказать, своеобразную кавказскую (северокавказскую) идеологию. Это – ментальная совместимость различных человеческих сообществ, мирное сосуществование этносов и конфессий, осознание того, что разнообразие – это реальность жизни, умение понимать, доверять и помогать друг другу, ценить общение и сотрудничество. Пожалуй, эти ценности стали смыслом сосуществования людей.

В процессе трансформации традиционного уклада жизни народов северокавказского общества исторически сложившееся региональное сообщество подверглось серьезной деформации. В регионе произошли серьезные изменения: эрозия традиционной культуры и морали, криминализация определенной части населения и т.д. Безусловно, сказались и российская имперская политика, и опыт депортации горских народов, поднявших «высокую этническую alertность» (А.С. Панарин), и многое другое.

При этом нельзя сказать, что на уровне северокавказского регионального сообщества предпринимаются активные меры по формированию образа «мы – россияне». Хотя эта проблема связана с общественно-политичес-

кой жизнью страны и региона. Этот образ очень хрупок, трудно представляем еще на ментальном уровне населения. Поэтому «российская идентичность» нуждается в концептуализации, понимании и выявлении ее ценностного потенциала.

Для решения вопросов самоидентификации, являющихся поистине судьбоносными, важно формировать теоретический образ единого государства и чувство принадлежности к нему. Совершенно справедливо отмечает В.А. Тишков, что «ограниченный научный багаж и уже сложившаяся ментальность не позволяют отечественным экспертам и практикам представить себе россиян как людей одной культуры и как сообщество одной идентичности, а не как заключенное в общие границы собрание носителей одинаковых паспортов» [11]. Важно концептуализировать понимание российским сообществом самого себя и своего места в глобализирующемся мире. Без теоретических представлений о рассматриваемой проблеме невозможно осуществлять практические шаги.

Региональная северокавказская общность имеет сложную структуру. Ее совмещение с многоуровневой идентичностью – непростая проблема. Представляется важным формирование у северокавказских народов понимания того, что рассматриваемый образ «мы – россияне» не нацелен на унификацию культур и культурных традиций на базе определенной социокультурной парадигмы. Следует отметить, что имеющиеся виды идентичности в северокавказском обществе не только не противоречат друг другу, а взаимодополняют друг друга. Основой существования их могут стать общие базовые ценности – исторически сложившиеся социокультурные ценности, на основе которых получают свое развитие этнические и региональные общности в составе российского полиэтничного общества в условиях формирующейся российской гражданской нации.

Четвертое положение – необходимость усиления междисциплинарного подхода в исследовании идентичности. Это, как отмечалось выше, представляется не только возможным, но и наиболее эффективным.

Методологически корректная соотнесенность концепций, понятий, положений разных дисциплин позволяет рассмотреть одни и те же проблемы с различных позиций, способствует не только объективной оценке социальных процессов, но и осмыслению идентичности в контексте динамики прошлого, настоящего и будущего. Нами предпринята попытка интегрировать философский и исторический подходы в системном осмыслении Северо-Кавказского региона [12], философско-культурологический, политологический и социологический подходы в рассмотрении многоуровневой идентичности [13].

Междисциплинарный анализ, с одной стороны, выводит на целостное осмысление региона, направленное на определение путей развития. С другой стороны, такой подход позволяет осмыслить и понять разные стороны проблемы идентичности, вписать ее в контекст российских и глобальных изменений, рассматривая «горизонтальные» и «вертикальные» связи и изменения на разных уровнях идентичности.

Пятое положение – сочетание полипарадигмального подхода к изучению идентичности, синтез разных методологических ориентиров. Исследовательские традиции отечественных кавказоведов по-прежнему основаны на методологической базе лишь классической науки, ограничиваясь, скорее, феноменологическим подходом. В данной работе будет осуществлена попытка преодоления собирательно-описательного объяснения исследуемого объекта – полиэтничного социума, что позволит раскрыть его новые признаки и характеристики, понять механизм функционирования полиэтноконфессионального социума через идентичность. Исследование Северо-Кавказского региона в рамках новой парадигмы развития позволит глубже раскрыть и понять сложившуюся в регионе социальную реальность. А это, в свою очередь, нацелит на социальную интеграцию населения и определение путей мирного развития региона.

В этом плане эффективно обращение к методам неклассической и современной, постнеклассической науки.

В рамках постнеклассической науки возникает возможность понять и объяснить функционирование северокавказского общества как сложной нелинейной саморазвивающейся системы. К примеру, методологическая специфика синергетического анализа полиэтничного общества заключается в том, что он вскрывает механизм развития, указывая на наличие в обществе альтернативных путей его развития, а также показывает, что развитие носит необратимый характер. Отсюда следует несостоятельность постановки исследовательского вопроса восстановления прошлого и кавказской идентичности в том виде, в каком она исторически формировалась.

Сказанное не означает, что методология изучения Северо-Кавказского региона сводится лишь к синергетической парадигме. Представляется, что данный метод «работает» эффективно, если дополняется системным, диалектическим, информационным и иными подходами.

Безусловно, здесь необходимо учитывать особенности самой синергетической методологии к изучению общества как неприродной системы. Как справедливо отметил М.С. Каган, отличительное качество социальной реальности – «зависимость соотношения сил порядка и хаоса в историческом процессе не только от объективных факторов и от случайностей, особенно действенных в состояниях бифуркаций, но и от свободы воли исторических деятелей, микро- и макрогрупп, а в определенных обстоятельствах и народных масс» [14]. Сказанное позволяет утверждать, что от деятельности человека зависит «стихийное или сознательное порождение хаоса» в обществе, а значит, и само существование общества. Поэтому есть основание считать, что стиль мышления, с одной стороны, определяет познание и переосмысление функционирования северокавказского общества, с другой – судьбу общества. Если линейное мышление разрушает общество, то нелинейное поддерживает его саморазвитие. Это касается и формирования российской идентичности.

Шестое положение – взвешенный подход к использованию концепций, понятий и теоретических положений,

выработанных зарубежными исследователями. Изучение проблем идентичности, равно как и в целом северокавказского общества, в строгих рамках определенных западных теорий вряд ли будет объективным, поскольку наша реальность зачастую не вписывается в эти рамки. Так, современные теории этноса (примордиалистские, инструменталистские, конструктивистские) не отражают сущностных характеристик этничности в современных условиях. Или, скажем, модели и сценарии зарубежных конфликтологов по урегулированию конфликтов на Северном Кавказе не приносят результатов, а порой оказываются совершенно неприемлемыми. Нельзя также при мерить разные идентификационные проекты и сценарии западных стран к нашей стране и ее регионам.

Без учета специфики России, Северо-Кавказского региона и особенностей кавказской социокультурной среды теоретическое осмысление и практическое решение региональных проблем невозможны. Для выявления особенного необходим сравнительный анализ, т.е. исследования *изнутри* и *«со стороны»* необходимо соотносить друг с другом, что позволит выявить наряду с особенным и общее, объединяющее.

Седьмое положение вытекает из предыдущего: важный источник идентичности – память, в частности историческая память. В рамках новой конструктивистской методологии представляется возможным в центр исследовательского внимания поставить сознание и поведение человека, его место и отношение к другим не просто как отдельного индивида, но и члена определенной социальной и этнической группы, представителя определенного общества, определенной социокультурной среды. Более того, данная методологическая стратегия направлена на реализацию программы поиска актуальной идентичности «кто я» или «кто мы» в определенном обществе и в современном изменяющемся мире.

В этом контексте память можно рассматривать как некоторое отношение к другому, которое обладает специфическими формами существования и определенными способами постижения своего содержания.

Охарактеризуем память. Начиная с древних греков, проблемой памяти интересовались многие мыслители прошлого. Обращение к проблеме памяти наблюдается в текстах древнегреческих философов и средневековых мыслителей, которые рассматривали память как внутреннее, сущностное свойство человека, способное отразить, сохранить и передать последующим поколениям многообразие окружающего мира.

Американский историк А. Мегилл отмечает, что «в современном прочтении речь идет о новом виде памяти... В новом мышлении память рассматривается как объект, имеющий самостоятельную ценность, а не только как способ получения или хранения большего, чем прежде, объема знания о прошлом» [15].

Заметим, что в русской философии конца XIX – начала XX вв. наблюдается обращение к рассмотрению памяти в контексте изучения проблем человека. Например, творческий характер памяти человека у Н.А. Бердяева, связь памяти человека с Богом у П.А. Флоренского и т.д.

В чем же смысл памяти?

Основной смысл памяти связывают с «опытом». «В этом эмпирическом смысле «историческая память» обозначает опыт людей, которые на самом деле участвовали в обсуждаемых исторических событиях. Точнее – историческая память обозначает восстановление и преобразование этого опыта в нарратив» [16].

Рассматривая содержание памяти, часто подменяют ее воспоминанием. Ученый Австрийской академии наук Й. Файхтингер отмечает, что в большинстве западных языков существует различие между объективной историей и историей, записанной очевидцем, равно как и между памятью и воспоминанием. Понятия «память» и «воспоминание» часто употребляются как синонимы, однако понятие памяти следует воспринимать как собирательное понятие для свойственного определенной культуре, нации, эпохе набора образов, текстов и ритуалов, благодаря культивированию которых стабилизируется ее (культуры) автопортрет, с тем чтобы отмежеваться от другой культуры. Под воспоминанием понимаются ин-

дивидуальные или коллективные акты доступа к прошлому [17].

Нас интересует воспоминание прошлого не только в сознании индивида. Поэтому обратимся к «коллективной памяти». Совершенно справедливо отмечает А. Мегилл, что «коллективная память возникает в том случае, когда множество людей участвует в одних и тех же исторических событиях. Тогда можно говорить о том, что эти люди имеют коллективную память о данных событиях, но не в смысле некой надиндивидуальной памяти – поскольку нет «памяти» вне индивидов, но в том смысле, что каждый человек имеет (в границах своего собственного сознания) образ, опыт или гештальт, который пережили также и другие люди. Кроме того, эти образы или гештальты в большей степени совпадают, иначе память не была бы «коллективной» [18].

В научной литературе встречается еще понятие «социальная память». Она не является тождественной понятию «коллективная память». Социальная память – основа исторической памяти, т.е. ее социокультурное пространство помогает определить смысл исторической памяти.

Французский ученый М. Хальбвакс утверждает, что социальная память воспринимает из «прошлого лишь то, что является жизненно важным, что поддерживается и продолжает жить в сознании той или иной группы» [19]. Он показал, что память – это социальный, а не только индивидуальный феномен; она детерминирована существующими в обществе категориями понимания.

Анализируя память, важно остановиться еще на социальном смысле памяти и социокультурном ценностном содержании. Сначала рассмотрим соотношение понятий «память», «традиция» и «ностальгия». Это важно, поскольку в определенных ситуациях они зачастую отождествляются.

Исходя из вышеприведенного определения традиции, можно сказать, что память и традиция не тождественны, они не могут подменять друг друга, но могут сосуществовать. В рамках определенной культуры и культурной традиции может быть рассмотрен и выявлен смысл памяти.

Память и ностальгия тоже не являются тождественными понятиями. Ностальгия (от греч. nostos – возвращение и algos – боль) – тоска по родине. В научной литературе встречается более широкое толкование этого понятия – как тоска по прошлому. Однако память не следует сводить только к прошлому или подменять прошлым. В памяти фиксируется значимое, т.е. смысл этого значимого.

Память ценна тем, что она соединяет человека с прошлым, формирует представление родины и чувство самосознания. Обратившись к этносу, отметим, что пренебрежение к прошлому, этнокультурным ценностям нарушает естественный процесс саморазвития этноса. Глубинные аспекты истории этноса довольно активно работают на формирование идентичности. Память связывает прошлое, настоящее и будущее. Прошлое зафиксировано в разных формах памяти. Безусловно, прошлое в современной жизни приобретает новое содержание. При оценке прошлого из настоящего мы соотносим его с современностью, а это позволяет выявить новые смыслы прошлого, что изменяет контекст существования прошлого. Поэтому мы находим в прошлом новое содержание, новый смысл и новое понимание.

В этом плане интересны исследования памяти в контексте постнеклассической науки. Например, А.В. Дахин, рассматривая ключевые синергетические концепты в контексте теорий исторического памятования, выявляет онтологические пределы «динамического хаоса» и «динамического порядка» применительно к социальной реальности – тонкое осмысление диалектики социальных функций хаоса, которое способно «понижать» или «повышать» уровень социальной организации общества. Автор отмечает, что есть два варианта развития событий [20]. Это: 1) технократический, когда изменение состояния структур памяти сопровождается, с одной стороны, снижением значимости/доли гуманитарных структур социально-исторического памятования (разрушением этнокультурных локальных сообществ, разрушением бинарной гендерной организации

культуры, разрушением «коротких» отношений между людьми, разрушением морально-этических регуляторов поведения и т.д.) и структур памяти биосферы, а с другой стороны, сопровождается ростом значимости/доли технико-технологических форм памяти; 2) гуманитарный вариант, когда изменение состояния структур памяти сопровождается снижением роли технических форм памяти и, одновременно, сохранением/ростом роли и доли гуманитарных структур социально-исторической памяти, то есть тех, носителем которых является живое человеческое сообщество.

Подводя промежуточный итог: основа идентичности – память, а этнокультурной идентичности – память этноса, сохраняющиеся в ней культурные традиции. Но мы не абсолютизируем память и традиции как базовые составляющие этнокультурной идентичности. Соглашаясь с точкой зрения В.М. Межуева, важно наполнить данное методологическое положение философским содержанием: «Наши надежды, цели и идеалы значат для нас не меньше, чем наши традиции». Действительно, живя в поликультурном глобальном мире с разрушенным культурным самосознанием, мы ощущаем кризис традиционной культурной идентичности (этот вопрос будет рассмотрен в четвертой главе книги). Поэтому вопрос о своей культуре, точнее культурной (этно- и национальной) идентичности, – «всегда новый вопрос, который каждое поколение решает по-своему, соотносясь с изменившимися обстоятельствами и условиями. В доставшейся мне от предков культуре я могу от чего-то и отказаться, что-то изменить или взять у другого народа». Это значит, что в основе культуры, которую мы считаем своей, лежат не только наши происхождение, окружение, воспитание, то есть не только внешняя по отношению к нам необходимость, но и наша личная свобода выбора [21]. Сказанное в полной мере относится и к разным видам культуры и этнокультурным идентичностям.

Восьмое положение связано с необходимостью рассмотрения идентичности на религиозном уровне.

Активизируются религиозный фактор и религиозная идентичность. Важно сказать об отношении к исламу, и в третьей главе эта проблема будет рассмотрена. Здесь отметим лишь тот факт, что в связи с экстремизмом и терроризмом растут мифы вокруг ислама. О нем судят по фундаменталистам, хотя именно они искажают ислам. В «медицинских» сурах Магомет учил замиряться любыми способами, не враждовать, находить общий язык. В мягком исламе именно на этом концентрируется внимание. Это важно, потому что к концу века 80% населения мира будет жить в странах Азии и Африки, а в Европе – всего 5% [22].

В связи с тем, что в последнее время многие заинтересованные лица культивируют агрессию, злобу, ненависть друг к другу, засоряя наше социокультурное пространство и воздух, важно осмыслить и переосмыслить священные книги всех религий, в частности и Коран. Восхищение моралью Корана, миролюбием и нравственной чистотой Ислама высказывали многие известные люди [22].

Предвосхитив ряд вопросов и упреков, отметим, что отношение к Корану затронуто нами в контексте рассматриваемой проблемы, т.е. религиозной идентичности на Северном Кавказе, о чем будет сказано позже.

Наконец, **последнее положение** связано с осмыслением прошлого опыта в нашей стране. Говоря о формировании российской идентичности, есть смысл обратиться к советскому периоду. Безусловно, это трагичный и сложный период, и его нельзя рассматривать по схеме «черный-белый». Однако осмыслить значение «советскости» как социокультурного феномена в духовной истории российского народа весьма поучительно.

Надэтническая идентичность – «советскость» – формировалась в рамках советской культуры. Под этой общностью понималась самоидентификация с Советским Союзом, определение «кто мы?» по отношению к своей стране. На формирование этой идентичности работали культура, политика, вся идеология страны. Безусловно,

наблюдалась чрезмерная идеологизация. Тем не менее, ценностный смысл этого феномена заключался в том, что он работал на сплочение и единение граждан, а также им задавались некоторые параметры развития страны.

Понимание надэтнической общности в современной России основано на новых ценностно-мировоззренческих ориентациях, которые формируются на основе гражданской культуры с сохранением социокультурного разнообразия. Понятно, что многие сложившиеся формы в прошлом не вписываются в современность. А вот содержание, ценностный смысл, созвучный современности, напрашивается на переосмысление и использование. Например, *ценным является опыт формирования (с ограничением) чувства принадлежности к единой стране, именуемой Советским Союзом.* «Советскость» позволяет выявить новые смыслы прошлого, что изменяет контекст существования прошлого. Поэтому мы находим в прошлом новое содержание, новый смысл и новое понимание.

Что касается отношения к прошлому, согласны с точкой зрения А.А. Гусейнова, которая имеет прямое отношение к нашей национальной идентичности и формирующей ее интеллигенции. Послушаем его: ныне живущее поколение не может быть судьей по отношению к предыдущим. Нет у него такого права, прежде всего нравственного. Величайшая нравственная истина гласит: «Не судите, да не судимы будете». Она применима не только к индивидуальной этике, но и к социальной; не только к взаимоотношениям личностей, но и к взаимоотношениям поколений. Это не значит, что мы не можем, не должны критически анализировать уроки прошлого, действия наших предков. Можем и должны, но во вторую очередь и в определенной нравственной тональности. Прежде всего, наше отношение к прошлому и предыдущим поколениям должно быть *благодарным* – за то, что они сделали возможным наше существование. Далее – надо понимать, что прошлое во всей своей противоречивой полноте – не только в своих достижениях и светлых страницах, но и

1.2. Идентичность в новой парадигме развития

в своих ужасах, жестокостях, позорных страницах – это *наше* прошлое, *наша* история [24].

На рассматриваемую проблему, проблему национальной идентичности, стоит посмотреть именно с этой точки зрения. В связи с этим востребованным является формирование представлений о конструктивной роли надэтнической общности, которая рассматривается как духовное единение граждан страны, как механизм преодоления напряженности в российских регионах.

Переосмысление опыта формирования «советскости» может осуществить региональная элита при условии объединения усилий науки и политики. Представляется важным:

- использование в теоретическом решении данной проблемы эвристических идей современной науки, включив в исследовательское пространство идентичности «социокультурные практики»;

- активизация работы научной и политической элиты страны над утверждением понятий «российская нация» и «российская идентичность», показывая интегрирующий потенциал этих феноменов;

- использование потенциала элиты и средств массовой коммуникации для формирования интегрирующего образа понятия «россиянин» и восприятия его в массовом сознании;

- конкретизация в ориентации власти и дискуссиях научных кругов главного положения, связанного с тем, что российская идентичность и российская нация совсем не влекут за собой унификацию.

Подводя итог, отметим, что:

- проблема идентичности актуализирована на повестке дня современности на микро-, мезо- и макро-уровнях;

- наиболее эффективным является исследование идентичности не только в рамках классической, но и неклассической, постнеклассической парадигм, что позволяет открыть новые смыслы и характеристики;

- методологическая база социальной (социокультурной) синергетики позволяет раскрыть механизм взаимо-

действия традиций и новаций, взаимосвязь этнической и российской идентичностей, а также выявить социокультурные риски в условиях нестабильности и неустойчивости, усиливающиеся под влиянием активизирующейся глобализации;

– рассматривая многоуровневую идентичность как сложную открытую систему, следует подчеркнуть, что эти уровни не исключают друг друга, а взаимодействуют друг с другом, сосуществуя по принципу дополнительности¹;

– идентификацию необходимо рассматривать с учетом социокультурных условий, в которых она формируется; для нашего исследования – это социокультурное пространство Северо-Кавказского региона;

– российская идентичность формируется через отношение к прошлому, к нашей национальной идентичности – «советскость»; мы можем и должны анализировать опыт формирования этой надэтнической общности «в определенной нравственной тональности», извлекая уроки, положительный опыт и ценность этой эпохи, тем самым показывая образец достойного уважительного отношения к прошлому; другими словами, сохранить человеческое в себе и получить право называть себя «русской нацией»;

– поиск идентичности в современных условиях осуществляется как на рациональном, так и на религиозном уровнях;

– говоря о совмещении/интеграции разных видов идентичности, мы не имеем в виду воспроизводство этнической идентичности в ущерб российской; нами предпринимается попытка совмещения этих видов идентичности, понимания эвристического смысла и ценности российской идентичности, понимания ее возможностей для российских этносов и ее регионов.

¹ Принцип дополнительности, сформулированный Н. Бором для объяснения корпускулярно-волновой природы света и элементарных частиц, в отношении социальных и социокультурных явлений предлагается применять с определенной долей условности.

Примечания:

1. Паин Э. Патриотизм и национализм // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 4. – С. 72.
2. См.: Паин Э. Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России. – М.: РОССПЭН, 2009.
3. Дробижьева Л.М. Введение // *Российская идентичность в Москве и регионах* / отв. ред. Л.М. Дробижьева. – М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. – С. 6.
4. *Российская нация: становление и этнокультурное многообразие* / отв. ред. В.А. Тишков. – М., 2008. – С. 4.
5. Паин Э. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. – С. 10–13.
6. Тишков В.А. *Российская нация: становление и этнокультурное многообразие* / отв. ред. В.А. Тишков. – М., 2008. – С. 4.
7. Паин Э. *Между империей и нацией...* – С. 124–131.
8. Бауман З. *Индивидуализированное общество* / пер. с англ. ; под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – С. 192.
9. См.: Шадже А.Ю., Дамениа О.Н. Динамика социокультурных трансформаций на Северном Кавказе // *Социально-гуманитарные знания*. – М., 2002. – № 5. – С. 59–71; Шадже А.Ю. К переосмыслению северокавказского общества // *Социально-гуманитарные знания*. – М., 2007. – № 5. – С. 287–300.
10. Толстых В.И. *Традиция* // *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. – М.: Мысль, 2001. – Т. 4. – С. 87.
11. Тишков В. *Культурное многообразие в современном мире // Диалоги об идентичности и мультикультурализме. Материалы 11 Ежегодного семинара Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2–8 октября 2004 г., Ренн*. – М., 2005. – С. 6.
12. См.: Шадже А., Шейджен Э. *Северокавказское общество: опыт системного анализа*. – М.–Майкоп, 2004.
13. См.: *Многоуровневая идентичность*. – М.–Майкоп, 2006.
14. Каган М.С. Синергетическая парадигма – диалектика общего и особенного в методологии познания разных сфер бытия // *Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве*. – М., 2002. – С. 40.
15. Мегилл А. *Историческая эпистемология: Научная монография (перевод Кукарцевой М., Кашаева В., Тимонина В.)*. – М., 2007. – С. 94.
16. Мегилл А. Указ. соч. – С. 112.
17. Файхтингер Й. По ту сторону методичного национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе // *Вопросы философии*. – 2007. – № 9. – С. 7.
18. Мегилл А. Указ. соч. – С. 113.

Глава 1. Переосмысливая многоуровневую идентичность

19. *Halbwachs M.* Das kollektive Gedachtnis / Mit einem Geleitwort von Prof. Dr. H. Maus. – Marburg, 1967. – S. 68.

20. *Дахин А.В.* Синергетическая парадигма: коррекция по проблеме исторического памятования // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – С.157–182.

21. *Межуев В.М.* Этнология – антропология – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: Материалы международной научной конференции, состоявшейся 3–5 апреля 2008 г. – М.: Издательство «Весь Мир», 2009. – С.126–127.

22. *Дробизева Л.М.* Этничность и власть: лимиты демократии и социальные практики // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВПСЭН, 2003. – С. 223.

23. См.: *Харун Яхья.* Чудо Корана. Научные, исторические и математические феномены / пер. с турецкого. – М.: Издательский Дом «Культура Пабблишинг», 2005. – С. 402.

24. См.: *Гусейнов А.А.* Выступление на «круглом столе» «О нравственности, патриотизме, культуре и бескультурье (актуальный разговор на вечные темы)» // Вопросы философии. – 2009. – № 11. – С. 13–14.

ГЛАВА 2

МОДИФИКАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

2.1. Этнокультурная размерность российской национальной идентичности

 процесс самоидентификации в современном мире определяется ускорением динамики социальной дифференциации, являющимся одним из индикаторов модернизации [1]. Широкий выбор потенциально значимых для современного человека ориентиров, связанных с развитием информационного общества, предопределяет дробность социальной идентичности, актуализируя то одну, то другую ее составляющие [2]. Модернизированная структура индивидуальной и коллективной идентичности выглядит не только как множественная, многоуровневая – происходит ее фрагментация на всех уровнях. Р. Брубейкер и Ф. Купер, осуществляя анализ категории и практики идентичности в современном мире, утверждают, что ее преобладающими характеристиками являются множественность, фрагментированность и пластичность, а сами идентичности «создаются, изменяются и множатся» [3]. Появляются качественно новые постмодернистские идентификации, в частности связанные с общностями, сплотившимися с помощью средств коммуникации (виртуальные) [4]. При этом традиционные общности как объекты самоопределения и отождествления не утрачиваются. Ярким примером последних является этническая группа, актуальным в этом отношении становится и более современное надэтническое образование – гражданская нация.

Анализ видов (уровней) идентичности, складывающихся в условиях полиэтноконфессиональной России,

был осуществлен в предыдущей работе авторского коллектива [5]. На новом этапе осмысления проблемы концепция многоуровневости рассматривается не столько с точки зрения структурирования идентификационной матрицы индивидуальных и коллективных субъектов российской действительности, сколько с позиций анализа «укрепления национальной идентичности другими уровнями» [6]. Это становится возможным при принятии базового предположения о сложной структурированности самой национальной идентичности.

Данная характеристика национальной идентичности не вызывает сомнений. Один факт ее длящегося формирования на территориальных и социокультурных пространствах России свидетельствует как о ее значимости, так и о сложности. Опираясь на эти, по большому счету не оспариваемые в мировой науке, характеристики идентичности, попытаемся проанализировать национальную идентичность на предмет сложности ее структуры. Базовые составляющие российской национальной идентичности выделены Н.Г. Денисовым: социокультурная, этнорегиональная, конфессиональная и гражданская [7]. Его поддерживает Г. Зверева, утверждая, что «понятие «российская нация» покрывает и вбирает в себя все возможные идентичности: цивилизационную, этническую, религиозную, региональную, социально-групповую и т.п. В нем реализуются принципы иерархической и сетевой организации множества идентичностей» [8].

Таким образом, мы придерживаемся взгляда, что сложная структура национальной идентичности «соткана» из цивилизационных, гражданских, этнокультурных, конфессиональных, социально-психологических и иных составляющих. Все эти размерности национальной идентичности находятся в состоянии динамического взаимодействия, соприсутствия, сосуществования.

Макро- и микроуровни национальной идентичности

С.Ю. Иванова и М.М. Шульга прослеживают трехуровневую модель социокультурной идентичности. Она включает макроидентичность, имеющую две модификации (национально-государственная и цивилиза-

2.1. Этнокультурная размерность российской идентичности

ционная); мезоидентичность (социально-групповая) и микроидентичность, позволяющую увидеть индивида в неповторимой уникальности взаимоотношений с обществом [9]. Давая такую характеристику структуре идентичности в России, авторы отмечают наличие кризиса на всех трех уровнях.

Идентичность характеризуется как специфически коллективное явление, подразумевающее фундаментальное и последовательное тождество между членами одной группы. Данный постулат может быть понят объективно (как тождество объективных характеристик) или субъективно (как вытекающее из опыта, прочувствованное или осознанное тождество) [10]. Национальная идентичность вбирает как объективную, так и субъективную интерпретации. К объективным характеристикам отнесем общность территории государства, языка, обязательства и права по отношению к другим членам национально-государственной общности и государству. К субъективным – осознаваемые и переживаемые общечеловеческие ценности, государственные и общекультурные символы, социально-политические установки, отношения, оценки и нормы общности, которые определяют место личности и общности в социуме [11]. Указанные представления позволяют констатировать, что проблема национальной идентичности приобретает и макросоциальное, и личностное измерение [12], а самоидентификация с государственно-национальной общностью возможна на макро- и микроуровнях, причем одновременно, и необходимо их органичное взаимодействие.

При этом следует не забывать, что артикулируемый современной наукой «кризис национальной идентичности» становится повсеместным, или глобальным (С. Хантингтон). В условиях кризиса на первый план выходят короткие социальные связи, на основе которых формируются значимые для личности жизненные ориентиры. Местное (традиционное, неофициальное [13]) сообщество, в котором проходит повседневная жизнь, является более притягательным по сравнению с «неосознаваемой» большой территорией с нечеткими социально-

политическими и социокультурными контурами. Учитывая это, государство и общество, заинтересованное в повышении уровня солидарности, укреплении чувства общности, должно использовать это кризисное состояние с позиций поиска новых источников развития. Они могут проявиться в использовании для формирования национальной идентичности чувства общности с первичными, традиционными группами: семьей, друзьями, школой, этническими, конфессиональными, профессиональными группами, предполагающими более короткие идентификационные связи.

Таким образом, национальная идентичность как разновидность макросоциальной идентичности может формироваться и через микроуровень идентификационной матрицы личности и группы, что говорит о возможностях и путях консолидации, свойственных гражданскому обществу – «человеческому измерению любого государства» [14]. Это является еще одним доказательством непродуктивности идеи противопоставления национальной и других видов идентичностей, в частности – этнической.

Официальный и обыденный уровни

Основываясь на предыдущую классификацию компонентов национальной идентичности, а также на концепцию, предполагающую две разновидности национализма – «горячий» (идеология) и «холодный» (банальный, обыденный) [15], выделяем в структуре национальной идентичности обыденный и официальный компоненты.

При этом исходим из нескольких оснований. Во-первых, идентификация и ее формы – личностная и групповая – предполагают отнесение, отождествление себя с какой-либо реальной общностью, либо устоявшимся в коллективном сознании образом общности (полипарадигмальная интерпретация идентичности, вобравшая примордиалистское и конструктивистское основания). Во-вторых, в объекте идентификации – нации – содержится как социально-культурный, так и потестарный (государственно-политический) компонент, что позволяет выделить в этом виде идентичности два уровня: социально-психологический и идеологический.

2.1. Этнокультурная размерность российской идентичности

Отправным моментом для нас является представление о нации К. Вердери как основном «операторе всеохватывающей системы социальной классификации», имеющем два аспекта – политический и символический (идеологический) порядок, с одной стороны, и мир социального взаимодействия и чувства – с другой [16]. Таким образом, степень консолидации на данном уровне зависит от двух переменных: политической и социокультурной.

Для выявления специфики идентификации с нацией интересен следующий взгляд на ее виды. «Первый – осознанные чувства, для которых нация является объектом активной привязанности, а второй – повседневные (обыденные – **Е.К.**) практики и взаимодействия, которые порождают глубокое ощущение принадлежности, ощущение того, что ты «дома»». (Дж. Борман) [17]. При таком понимании естественным, первичным, более привлекательным, более стабильным является второй способ идентификации, а первый есть способ выражения соотношения государства и его подданных через институт гражданства, основанного на патриотизме.

Ю.Д. Гранин утверждает, что «мы – граждане российского государства» – уровень политико-культурной идентификации [18]. По предпринятой нами типологии российская национальная идентичность, с одной стороны, отнесена к официальному типу. Это объясняется потестарной составляющей – идентификацией с политическим объектом – государством, идеологической и символической наполненностью. С другой – может быть также отнесена к обыденному типу в связи с тем, что идентификация с российской нацией включает повседневные практики. Идея обыденной национальной идентичности, или банального национализма, состоит в том, что нация лежит на поверхности современной жизни. «Короткие слова: «мы», «здесь», а не громкие и пафосные фразы постоянно, но редко осознанно, напоминают о родине, не позволяя забыть о «нашей» национальной идентичности» [19]. Важной становится не столько формальная, чисто юридическая сторона вопроса, сколько факт «чувствова-

ния и сопричастности к России индивидуумов и народов как к своему Отечеству» [20].

Таким образом, российская национальная идентичность, являясь, как уже было отмечено, макросоциальной идентичностью, выступает как надэтническая и представляет собой структуру самосознания, соединяющую субъективно осознаваемые и переживаемые общечеловеческие ценности, государственные и общекультурные символы, социально-политические установки, отношения, оценки и нормы надэтнической общности, которые определяют место личности и общности в пространственно-временном континууме культуры. С одной стороны, она синтезирует социокультурную идентичность сообщества граждан, этнические идентичности и политическую связь с государством, базируясь на принципах согражданства (в контексте этатистской концепции нации); с другой стороны, структурирует социокультурную идентичность в мировое сообщество [21].

Так, по мнению Л.М. Дробижевой, взгляд на российскую национальную идентичность через призму ее социокультурных, цивилизационных оснований выявляет две доминирующие черты образа России. Внутренняя составляющая образа соединяет представления о стране, имеющей европейские и азиатские начала, большой, богатой культурным наследием и ресурсами, которыми гордятся, с представлением о попранном достоинстве, потерях и ущербах от революций, войн, неразумной перестройки. Внешняя компонента образа – нахождение на стыке Западной и Восточной цивилизаций, геополитическая составляющая: положение в мировом сообществе [22].

В научной литературе сформировалось два небезызвестных подхода к пониманию нации – «гражданский» или «этнический». Однако нынешние реалии показывают, что представленные в качестве «гражданской» или «этнической» модели нации правильнее рассматривать как преобладание определенной интерпретации [23]. В пользу сочетания официальной и обыденной составляющей говорит и то, что та же гражданская модель

2.1. Этнокультурная размерность российской идентичности

непрерывно содержит значительный этнокультурный компонент. Отмечают, что чем слабее, недоразвитее гражданская составляющая, тем важнее культурный компонент в конструкции нации. Более того, по мнению Э. Смита, гражданский подход к понятию нации редко бывает естественной идеологией всего общества. Ее, как правило, отстаивают правительство, политические элиты и этническое большинство. Меньшинствам же присуща этническая трактовка нации, особенно когда возникает угроза существованию общества или утрата культурных символов. Следует говорить о дуалистическом характере каждой нации, которая содержит в себе элементы как гражданско-территориальной, так и этнической общности [24].

Данная мысль в большей степени применима к российскому опыту осмысления нации. В. Тишков предложил использовать понятие «многонародная нация» вместо понятия «многонациональный народ» [25]. Полиэтничность России является важным фактором в пользу этой трактовки нации. У. Альтерматт, например, отмечал, что чем больше общество становится действительно поликультурным, тем быстрее концепция государственной нации превращается в категорический императив [26].

Специалисты утверждают, что гражданская идентичность в России пока еще не сложилась ни на культурно-ценностном, ни на институциональном уровнях. А ориентация на нее, закреплённая в основном законе, объединяющая весь многонациональный народ страны, слабо воспринимается не только в массовом сознании, но и в элитарных кругах. По мнению В.Ю. Сухачева, «социальный ландшафт со смутным силуэтом «россиянина», идентификационная размытость которого переходит в расщепленное состояние, во многом определяет конфликт... и не на российском пространстве, а в душах людей» [27].

Можно согласиться с мыслью А.Г. Здравомыслова и А.Л. Андреева о том, что общероссийское сознание реально проявляет себя не столько как приоритет гражданской идентичности над этнокультурной («общероссийскость»),

сколько как комплекс близких друг другу элементов в сознании практически всех живущих на территории России этносов [28]. Исследования, тем не менее, свидетельствуют, что вслед за этнической общероссийская гражданская идентичность имеет достаточно высокие показатели. Если же рассматривать внутристрановые идентификации, то наибольшую связанность россияне ощущают именно со страной в целом и с тем конкретным поселением, в котором они живут, а сравнительно меньшую – с регионом. При этом «достаточно сильную связь» с Россией ощущает 61%, «очень сильную связь» – всего 25% россиян [29]. Хотя при проведении международных сравнений выяснилось, тем не менее, что россияне в минимальной степени (в сравнении с населением других стран мира) ощущают единство со своей страной или, что то же самое, – в максимальной степени отчуждены от нее. (Примечательно, что степень отчужденности находится у россиян на том же уровне, что у арабского населения Израиля.) [30]. Для преодоления этой ситуации необходимо учитывать, что формирование российской национальной идентичности не может осуществляться без учета ее сложной дуалистической структуры, что важны одновременные усилия по укреплению ее официального (гражданского) и обыденного (социокультурного) компонентов.

Гражданский и национальный компоненты

Формулировка «россияне», предлагаемая респондентам в ходе опросов в рамках эмпирических исследований национальной идентичности, обозначается в литературе как государственная, (обще)российская, гражданская, национально-гражданская идентичность, иногда идентификация со страной, или страновая идентичность. О.Ю. Малинова вводит термин «макрополитическая идентичность», связывая его с принадлежностью либо к нации, либо к наднациональному сообществу. По ее мнению, макрополитическая идентичность призвана обеспечить «интеграцию и солидарность поверх социальных, этнических, религиозных, языковых, политико-идеологических и прочих границ», а также связана

2.1. Этнокультурная размерность российской идентичности

с «решением проблемы различий» [31]. В схожем аспекте размышляет Г.И. Зверева, говоря об удержании «государственно-гражданского единства» силой основного «зонтичного» принципа «российской нации», вбирающего и покрывающего разные представления о том, какой должна быть доминанта коллективной идентичности в современной России [32]. Ю.В. Арутюнян, например, говорит о «новой гражданственной форме макроидентичности – россияне» [33]. Употребляется также объединяющий термин «национально-гражданская идентичность», использование которого наиболее уместно при условии его рассмотрения в аспекте проекта формирования российской гражданской нации как полиэтнического и поликультурного сообщества, объединяемого лояльностью по отношению к государственности и согражданам [34]. Применительно к российской действительности данные понятия довольно часто отождествляются, по мнению исследователей, различие государственного и гражданского сознания в России еще только начинает происходить [35].

Е.Н. Данилова считает, что гражданская идентичность предполагает не только принадлежность к определенному государству, но и доверие и комфорт граждан, живущих в пределах одной страны, включая взаимные обязательства [36]. Поэтому, по мнению многих исследователей, государственная российская идентичность складывается проще, чем гражданское самосознание.

Существует авторитетная позиция, согласно которой на гражданскую идентичность возлагается роль интегративного начала, «безусловной доминанты», существующей вне этнической конкуренции. В рамках такого понимания возможно двоякое прочтение. С одной стороны, принятие гражданской идентичности «вытесняет принятую национальную (здесь этническую – **Е.К.**) принадлежность» [37]. С другой стороны, этническая и гражданская идентичности, располагаясь в разных плоскостях, не противопоставлены друг другу, а могут сосуществовать. Вторая позиция кажется более привлекательной в силу компромиссного характера.

Исследования последних лет продолжают фиксировать существующую тенденцию сохранения интенсивности этнической принадлежности. В распространенности несколько прибавила и российская идентичность: в 2004 г. устойчиво ощущали свою общность с россиянами 31% и никогда не испытывали чувства общности с ними 21%, а спустя 3 года эти показатели составили, соответственно, 35% и 15% [38].

В условиях этносовмещенной среды Северо-Кавказского региона соотношение рассматриваемых идентичностей имеет особую специфику. Российское гражданство для русских более значимо, чем для других этносов, которым сочетание государственной и этнической идентичности дается труднее. (Например, в Адыгее 60,8% русских отдали приоритет идентификации с гражданами России, 26,1% ощущают себя просто «людьми своей национальности», у адыгейцев названные предпочтения распределились как 24% и 28,2% соответственно.) Следует отметить, что отождествление себя с гражданами России идет пока по пути именно государственной идентичности. При этом молодежь уже в большинстве своем может мотивировать свою электоральную активность тем, что «участвовать в выборах – это их долг как граждан России» (по материалам исследования электоральной активности студенческой молодежи (март 2009 г.)). Это подтверждает общероссийскую тенденцию более частого выбора гражданской идентичности именно молодыми людьми [39].

Можно согласиться, что «у россиян есть потребность в общегражданской идентичности, но стратегию ее формирования элиты пока не определили», более того, у населения выработано критическое отношение к нынешнему государству и его институтам [40]. Такая ситуация вызывает дополнительные импульсы для солидаризации с традиционными общностями – этносом, семьей, коллегами и др. Они остаются наиболее реальной опорой в нынешнее время.

Национальный и этнический компоненты

Формулу, отвечающую современным представлениям о гражданской нации, предложил русский философ

2.1. Этнокультурная размерность российской идентичности

Г.П. Федотов: «Учет единокрвного (здесь – этнического – **Е.К.**) сопутствует расширению национального сознания и его тяготению к заботе об общем для всех нас доме» [41]. Для этого очень важно, чтобы этническое самосознание как можно полнее отражало и общие интересы страны. Должна быть общая, объединяющая для всех этносов гуманистическая идея [42].

Высказанные положения о структуре российской национальной идентичности позволяют утверждать, что ее современную конфигурацию составляют две наиболее значимые, крупные размерности: социокультурная и политическая. Этнокультурная идентичность, рассматриваемая как вариант социокультурной, участвует в формировании национальной идентичности. Это становится возможным при определенных обстоятельствах: когда этнокультурная идентичность находится в актуализированном состоянии и сопрягается с солидарностью, соединенной с толерантными установками и доверием власти [43]. Благоприятные социально-экономические условия и равный доступ населения к ресурсам способствуют данному процессу. Например, исследование Ю.В. Арутюняна показало, что «утверждение макроидентичности «россияне» происходит в наиболее благоприятных частях Российской Федерации», таких как Москва и Краснодарский край, выступающих в качестве модельных регионов с точки зрения закладывания основ и испытания на прочность российской гражданской нации. При этом ряд республик Северного Кавказа, таких как Дагестан, Чечня и Ингушетия, с точки зрения ученого, не могут претендовать не только на наличие формирующейся, но даже сколько-нибудь выраженной полиэтничной гражданской общности [44]. Для данных регионов характерно преобладание в коллективном сознании традиционалистских (этнонационалистических), а не модернизационных (интегративных) трендов. Причем такая слабая включенность названных республик в обозначенный процесс наблюдается на фоне вполне отчетливо прослеживаемой государственной политики формирования российской нации.

По мнению экспертов, на рубеже 1990–2000-х гг. в стране начала артикулироваться важность управления этнокультурными различиями, противодействия «формам крайнего национализма и экстремизма», консолидации российского общества. Задача формирования общероссийской нации ставится в этот период в рамках политического дискурса в выступлениях Президентов РФ В.В. Путина и Д.А. Медведева. «Наметилась линия на более определенную поддержку модели российской нации-согражданства» [45]. В связи с чем актуализировалась замена понятия «национальная политика» на «этнокультурная политика», или «политика в сфере межэтнических отношений», когда речь шла о политике в отношении народов России [46]. В этом контексте «национальная политика» начинает пониматься как «политика обеспечения национальных интересов страны». Следует отметить, что задача сохранения этнокультурного многообразия на федеральном уровне формулировалась не как самоцель, а как способ «интеграции граждан любой этнической принадлежности в общероссийское социально-экономическое и культурное пространство» [47]. обстоятельный анализ использования идеи «общероссийской нации» в государственных документах этого периода осуществила Г.И. Зверева [48]. Исследователь полагает, что впервые идея коллективной российской идентичности – «многонациональный народ России» была высказана в Конституции в 1993 г. Текст «Концепции государственной национальной политики РФ» 1996 г. использует понятие «многонациональное государство». В роли гаранта устойчивости «многонационального государства» выступает русский народ, понимаемый как этническая общность, который «является опорой российской государственности». Как подчеркивается в тексте документа, «благодаря объединяющей роли русского народа на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов»; от его «национального самочувствия» и учета его «потребностей и интересов» во многом зависит ста-

2.1. Этнокультурная размерность российской идентичности

бильность «межнациональных отношений» в российском государстве [49].

Следующим документом, отражавшим поиск и становление объединительной идеи, стал проект Федерального закона «Об основах государственной национальной политики РФ» (2003 г. и 2006 г.). В документе 2003 г. более четко, по сравнению с текстом «Концепции национальной политики» 1996 г., выражена мысль о приоритете этнического по отношению к общегражданскому началу и сделан акцент на этнофедералистском принципе организации «государства–нации». В переработанном варианте законопроекта 2006 г. в текст документа вводятся новые понятия: «общегражданская идентичность», «российская нация». «Российская нация», говорилось в документе, – это «историческая, социально-политическая общность многонационального народа России с общей исторической судьбой, совместной созидательной деятельностью по укреплению единого государства» [50]. Несколько позже сам проект закона стал называться иначе: «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений». По характеру изменений этого проекта Федерального закона заметно, что в содержании понятия «российская нация» несколько усиливалось гражданское звучание.

Трактовка «многонациональный народ» претерпела ряд изменений и понималась как «общность граждан Российской Федерации различных национальностей, объединенных государственным единством, общими интересами и духовными ценностями и осознающих свою принадлежность к общности российской нации». Факт акцентирования на идее политической нации привел к серьезной критике и негативным оценкам документа, и его рассмотрение было снова отложено.

Дальнейшее развитие объединительной идеи вылилось, по утверждению Г. Зверевой, в «официальное учреждение российской нации», которое состоялось весной 2008 г. через создание Общероссийского союза общественных объединений (ОСОО) «Российская нация». В Совет этого Общероссийского союза, как отме-

чалось в средствах массовых коммуникаций, вошли «видные государственно-политические и общественные деятели, руководители всех крупнейших федеральных национально-культурных общественных объединений». Цель движения – распространение и упрочение в обществе идеи политической и гражданской нации в России. Согласно мнению участников нового движения, впервые эта идея «была утверждена» высказыванием В. Путина о российской нации, которое содержалось в его выступлении по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений 5 февраля 2004 г. [51].

Обозначенное направление развития «дискурса нациестроительства» становится также очевидным при анализе федеральных программ и формулировок задач государственной политики в культурной и образовательной областях. Так, исследователи отмечают, что в 2000-е гг. федеральный центр не отказывался от политики признания этнокультурных различий, создания гражданам условий для реализации потребностей в этнокультурной сфере, однако обозначился постепенный отход от стратегии спонсирования многообразия [52].

Нынешняя ситуация в области этнокультурной политики несколько поменялась: «спонсирование многообразия» осуществляется через ряд проектов. Один из них – «Комплексная информационная кампания, направленная на укрепление общегражданской идентичности и межэтнической толерантности». Данный медиа-проект осуществляется Министерством регионального развития РФ при содействии «Независимой газеты» и радио «Эхо Москвы». Кампания призвана развивать необходимые современному российскому обществу процессы – укрепление гражданского единства через осознание общих ценностей, исторической судьбы и принадлежности к своей стране. Но в то же время – развитие традиционно присущего гражданам России уважения и взаимопонимания между всеми народами, живущими в Российской Федерации» [53]. Мероприятия информационной кампании, направленные на укрепление гражданской российской нации, опираются на ряд базовых, по мнению авторов

2.1. Этнокультурная размерность российской идентичности

проекта, компонентов российского национального самосознания. К ним отнесены в первую очередь культурно-цивилизационные параметры: 1) представление о России как об особой цивилизации, хотя и близкой к западноевропейской, но все же имеющей свои культурные и исторические корни, особые традиции и цивилизационные коды; 2) осознание «великости» своей страны в плане мощи, значения в истории, по критериям современной цивилизации и в будущем; 3) Россия – страна великой и неповторимой культуры, которая внесла огромный вклад в мировую цивилизацию; 4) Россия – страна многонациональная и многоконфессиональная, имеющая уникальный опыт мирного и гармоничного сосуществования всех народов и конфессий, в своей истории не знавшая этноцида и религиозных войн [54].

По мнению экспертов, кампания призвана культивировать этнокультурное разнообразие и одновременно с этим напоминать о том, что все мы являемся гражданами одной большой страны, а ее суть наиболее ярко выражена в слогане «Народов много – страна одна» [55].

Можно согласиться с Ю.Д. Граниным, предположившим в духе андерсоновской традиции, что изменения в области языка, характера информационных связей и образования так же, как распространение в Европе «печатных языков» в форме светских книг и газет, заложат основу национального сознания, произведя смещение вектора культурной самоидентификации из этнической плоскости в плоскость национальную [56].

С этих позиций показателен проект концепции развития поликультурного образования в Российской Федерации (2010 г.), предлагающий современный уровень понимания проблемы интеграции и формирования российской нации. Согласно документу, этнополитическая модель российской гражданской нации включает три основных уровня:

– базовый этнокультурный, складывающийся как сообщество всех народов, этнических и субэтнических групп, диаспор, этноконфессиональных общин, проживающих в России;

– национально-территориальный (базовый политический), состоящий из населения субъектов Российской Федерации;

– национальный (общегосударственный), объединяющий граждан России в единую национальную общность [57].

Согласно проекту этнокультурное самосознание группы и этнокультурная идентичность индивида должны быть органично встроены в национальное самосознание на базовом политическом уровне субъекта Федерации; этнокультурные интересы всех групп и отдельных граждан должны быть обеспечены и защищены на этом национально-территориальном уровне гражданской нации. В свою очередь, национально-территориальное (не всегда совпадающее с этнокультурным) самосознание жителей российских республик, областей, краев закладывает основу и непротиворечиво встраивается в национальную российскую гражданскую идентичность. Таким образом, по выводу авторов проекта, органическим ядром национально-гражданской идентичности призвано стать этнокультурное самосознание. Единая российская гражданская нация так же полиэтнична, как и ее региональные сегменты, складывающиеся в рамках субъектов Российской Федерации, а каждое региональное национальное сообщество включает различные этнокультурные и этноконфессиональные группы. Заметим, что предложенная формула не предполагает конфликта идентичностей указанных уровней, она укладывается в «модель мультинационального государства, где межэтническая интеграция реализуется путем признания этнокультурного плюрализма общества и полиэтнизации государства» [58].

Данные утверждения лежат в обосновании необходимости и возможности использования системы образования в процессе формирования гражданской нации через внедрение основ поликультурного образования [59]. Эксперты отмечают, что «гражданских и политических скреп оказывается недостаточно для необходимой большому сообществу социальной солидарности». К ним активно должны присоединиться экономическая и культурная:

2.1. Этнокультурная размерность российской идентичности

поступательная динамика национальной экономики, а также ключевое условие – наличие культурного ядра, неразрушимой основы национального бытия [60]. Примечательно, что европейская идентичность, претерпевающая также активную фазу становления, имела базой, в первую очередь, экономическую интеграцию. Однако один из отцов-основателей Европейского Сообщества признал, что, имея возможность начать процесс интеграции заново, начал бы его с культуры [61].

Меры, принимаемые региональными властями в области этнокультурной политики, особенно в сфере формирования национальной идентичности, также в большей мере касаются управления культурными процессами. Например, целевым политическим документом, направленным на обеспечение этнокультурных прав народов Ставропольского края, является краевая целевая программа «Развитие этнических и этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае на 2007–2009 годы». Особыми задачами реализации программы и соответствующих планов являются:

- формирование общероссийской идентичности, культуры мира и согласия средствами образования;
- развитие культурной интеграции и формирование гражданской солидарности средствами культуры;
- повышение активности и роли средств массовой информации в отражении этносоциальных процессов и этноконфессиональных отношений;
- поддержка национальных общественных объединений в гармонизации межнациональных отношений [62].

Специфика Северного Кавказа с позиций анализируемой проблемы заключается не только в полиэтничности и поликонфессиональности, говорят даже о «предельной выраженности» этнического и конфессионального разнообразия. Базовой системообразующей характеристикой для региона и многих процессов, происходящих в нем, является *неравномерность* [63]. Она выражается в экономических, политико-идеологических диспропорциях, в сосуществовании глубоко укорененных традиционных институтов и проявлений постиндустриального мира, в

несоответствии статуса этнических меньшинств и большинства их реальным социокультурным статусам, а также в различной степени консолидационных процессов у населения региона.

Исследователи обнаружили закономерность, согласно которой неравномерность гражданской консолидации населения и уровня социально-политической стабильности по региону зависит от типа идентичности групп, входящих в его социальную структуру. Например, идентичность этнических групп, имеющих длительный опыт совместного существования (русские (казаки) и армяне в Ростовской области, Краснодарском крае, русские (казаки) и адыги в Краснодарском крае, Республике Адыгея), расценивается как конструктивная основа для преобладания консолидационных процессов (и соответственно, формирования российской идентичности) над процессами дифференциации. Противоположно выглядит ситуация с идентичностью этносоциальных групп, взаимодействие между которыми в настоящее время только складывается или восстанавливается (русские (казаки) и турки-месхитинцы в Краснодарском крае, русские (казаки) и чеченцы и даргинцы в Ростовской области, старожильческое население и мигранты) [64]. Подобные выводы ставят под сомнение имеющую широкое распространение точку зрения, что, осуществляя внутриэтническую интеграцию, этническая идентичность оказывает влияние на развитие дезинтеграционных тенденций в обществе в целом и, в частности, в этносфере.

Таким образом, учет этнокультурного многообразия при определении солидаризирующей идеи для российского общества является одним из ключевых факторов при реализации политики и практики формирования национальной идентичности. А использование культурных, образовательных, медиа-каналов для продвижения этой идеи может стать главным механизмом формирования и укрепления национальной российской идентичности.

Взгляд на проблему национальной идентичности сквозь призму глобализационных процессов позволяет констатировать, что попытки современных националь-

2.1. Этнокультурная размерность российской идентичности

ных государств бороться за сохранение и воспроизводство общего для всей гражданской нации культурного пространства наталкиваются на сопротивление двух разнонаправленных векторов социокультурного развития: культурного и информационного глобализма, унифицирующего идентификационные образцы, с одной стороны, и разложения гражданской (национальной) солидарности под напором особых притязаний этнических, религиозных, языковых, субкультурных сообществ – с другой.

В логике же, предполагающей многосоставность идентичности, скорее правомерно говорить о резком расширении многообразия ее составляющих в ходе модернизации и о возможности их неконфликтного соприсутствия в социальной идентичности современного индивида. Только так возможно совмещение императивов модернизации и глобализации с сохранением основ культурной идентичности конкретного сообщества. И только в условиях такого соприсутствия можно обеспечить воспроизводство и преемственность культурной традиции. Иначе говоря, нация, воспринимаемая в качестве конституционной рамки, едва ли может нести в себе угрозу идентичности этнических или культурных групп, составляющих нацию.

Примечания:

1. Индикаторы модернизации по концепции Х. Ван дер Лоо и В. Рейена. См.: Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. – М., 2007. – С. 13.

2. Лапкин В.В., Семенов И.С. Нет развития без самопознания. URL: http://www.ng.ru/scenario/2010-03-30/9_development.html

3. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности // *Ab Imperio*. – 2002. – № 3. – С. 64.

4. Ринкявичус Л., Буткявичене Э. Концепция общности (Gemeinschaft/community) и ее специфика в виртуальном пространстве // Социологические исследования. – 2007. – № 7. – С. 3–11.

5. Многоуровневая идентичность. – М.–Майкоп, 2006.

6. Там же. – С. 110.

7. Денисов Н.Г. Методологические основания укрепления российской национальной идентичности в полиэтничном макроре-

Глава 2. Модификация идентичности в полиэтничном регионе

гионе // Этнокультурные технологии формирования российской идентичности в полиэтничном регионе : сб. науч. ст. по матер. II междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2009. – С. 15.

8. *Зверева Г.* Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения. – 2009. – № 1 (январь–март). – С. 83.

9. *Иванова С.Ю., Шульга М.М.* Гражданский портрет молодежи Южного федерального округа // Вестник Южного научного центра РАН. – 2009. – Том. 5. – № 3. – 2009. – С. 112.

10. *Брубейкер Р., Купер Ф.* Указ. соч. – С. 72.

11. *Попов М.Е.* Антропология советскости: философский анализ : автореф. дисс. ... канд. филос. н. – Ставрополь, 2004. – С. 19.

12. *Семененко И.С.* Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. – 2009. – № 6. – С. 12.

13. *Цюрхер К.* Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания // Полис. – 1999. – № 6.

14. *Муратов Д.* Декларация Медведева. Год 2009 // Новая газета. – 2009. – № 39. – 15 апреля.

15. См. дискуссию в журнале «Логос». – 2006. – № 2, 2007. – № 1.

16. *Вердери К.* Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М., 2002. – С. 297.

17. Цит. по: Вердери К. Указ. соч. – С. 301.

18. *Гранин Ю.Д.* Массмедиа в формировании российской нации: неутешительные итоги // Вестник электронных и печатных СМИ. – № 12. URL: <http://www.vestnik.ipk.ru/index.php?id=1925>.

19. *Биллинг М.* Повседневное напоминание о Родине // Логос. – 2007. – № 1. – С. 34.

20. *Михайлов В., Михайлова Н.* К дискуссии о проблеме российской идентичности // Российская нация. URL: <http://www.rosnation.ru/print.Ver.php?print>

21. *Попов М.Е.* Указ. соч. – С. 19.

22. *Дробилжева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М., 2003. – С. 362.

23. *Малинова О.Ю.* Конструирование идентичности: возможности и ограничения // Pro et Contra. – 2007. – № 3. – Май–Июнь. – С. 61.

24. *Smith A.* Theories of Nationalism. – L., 1986. – P. 149.

25. *Тшиков В.А.* Этнология и политика. – М., 2001. – С. 142.

26. *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. – М., 2000. – С. 120.

27. *Сухачев В.Ю.* Этническая и национальная составляющая в кавказском конфликте: пришествие «чужого» // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб., 2001. – С. 174.

28. *Здравомыслов А.Г., Андреев А.Л.* Российская идентичность и национальное самосознание // Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. – М., 2004. – С. 106.

2.1. Этнокультурная размерность российской идентичности

29. Магун В.С., Магун Ася В. Идентификация граждан со своей страной: российские данные в контексте международных сравнений // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации. – Киев, 2007. – С. 106.

30. Там же.

31. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. – 2010. – № 2. – С. 91.

32. Зверева Г.И. Учреждение «российской нации»: год 2008 // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. – М., 2009. – С. 423.

33. Арутюнян Ю.В. Россияне: проблема формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // Общественные науки и современность. – 2009. – № 4. – С. 96.

34. Богатова О.А. Этническая, религиозная и гражданская идентичность в регионе // Региология. – 2009. – № 3. URL: <http://regionsar.ru/node/395>

35. Хомяков М.Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М., 2006. – С. 59; Дробижнева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Там же. – С. 14.

36. Данилова Е.Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Там же. – С. 94.

37. Арутюнян Ю.В. О симптомах межэтнической интеграции в постсоветском обществе (по материалам социологического исследования в Москве) // Социологические исследования. – 2007. – № 7. – С. 18.

38. Российская идентичность в социологическом измерении (Опрос 2007). URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident_4.html.

39. Там же.

40. Данилова Е.Н. Указ. соч. – С. 97.

41. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.; София, 1991. – Т. 2. – С. 181.

42. Михайлов В., Михайлова Н. Указ соч.

43. Рыжова С.В. Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности : автореф. дисс. ... к.с.н. – М., 2008. – С. 11.

44. Арутюнян Ю.В. Россияне: проблема формирования... – С. 91–92.

45. Малинова О.Ю. Символическая политика... – С. 99.

46. Тишков В.А. Как обновить концепцию национальной политики? URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/kak_obnovi.html

47. Там же.

Глава 2. Модификация идентичности в полиэтничном регионе

48. *Зверева Г.И.* Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения. – 2009. – №1 (январь–март). – С. 73.

49. Концепция государственной национальной политики РФ, утвержденная указом Президента РФ № 909 от 15.06.1996. URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/degree/1996_909.shtml.

50. Цит по: *Зверева Г.И.* Как «нас» теперь называть? ... – С. 73.

51. Там же. – С. 80.

52. *Макарова Г.И.* Многообразие в интеграции: государственная федеральная и региональная этнокультурная политика // Регионоведение. – 2009. – № 1. URL: <http://regionsar.ru/node/475>

53. Комплексная информационная кампания, направленная на укрепление общегражданской идентичности и межэтнической толерантности. URL: <http://www.minregion.ru>.

54. Там же.

55. Максим Травников, заместитель Министра регионального развития РФ. URL: http://stranaodna.ru/suzhdeniya/obsuzhdeniya/narodov_mnogostrana_odna/.

56. *Гранин Ю.Д.* Массмедиа в формировании российской нации...

57. Проект концепции развития поликультурного образования в Российской Федерации. URL: <http://mon.gov.ru/work/vosp/dok/6988/>.

58. *Бекназар-Юзбашев Т.Б.* Этничность, коллективная идентичность и положение этноменьшинств в смешанных сообществах // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / под ред. О.Ю. Малиновой и А.Ю. Сунгурова. – СПб., 2005. – С. 203–214.

59. Проект концепции развития поликультурного образования...

60. *Семенов И.В.* Дилеммы национальной идентичности... – С. 22.

61. *Вайнштейн Г.И.* Европейская идентичность: желаемое и реальное // Полис. – 2009. – № 4. – С. 129.

62. *Аствацатурова М.А.* Ставропольский край: межэтнические отношения в этнополитическом ландшафте // Казанский федералист. – 2007. – № 3–4. URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/2007>.

63. *Хлынина Т.П.* Диагностический потенциал современного исторического знания и его возможности в определении уровня фоновой напряженности на Юге России // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов: Материалы Всероссийской научной конференции (21–22 сентября 2009 г., Ростов-на-Дону). – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 343.

64. *Хоперская Л.Л.* Общегражданская идентичность как фактор обеспечения стабильности на Северном Кавказе // Миграционные

2.2. Идентичность в контексте российской гражданственности

процессы на Юге России: реалии, проблемы, перспективы. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Выпуск первый. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 40.

2.2. Идентичность в контексте российской гражданственности и патриотизма

Новый этап цивилизационного развития, связанный с глобальными трансформациями и нарастающими противоречиями, резко обострил проблему идентичности и самоидентификации. Кризис идентичности коснулся всех уровней человеческого бытия. В ситуации кризиса системы духовно-нравственных ценностей социума представляется важной попытка переосмыслить проблемы идентичности и идеалы патриотизма сквозь призму современных социокультурных реалий. Стремление возродить могущество и авторитет России как великой мировой державы нуждается в опоре на ясно сформулированные идентификационные проекты и патриотические идеалы. Патриотизм представляется как синтез идентичности, гражданственности и социальной активности личности и народа, реализующих свою активность в контексте социокультурных приоритетов своего Отечества.

В «Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации» поставлена конкретная задача проведения научно-теоретических исследований в сфере патриотического воспитания, разработки современного понятийного аппарата социально-гуманитарного знания с учетом достижений культурно-исторического, духовно-нравственного развития России и новых источников информации по проблемам патриотизма, а также новой социально-политической обстановки в мире.

В российском обществе к ведущим социальным установкам, которые задаются политикой государства, относятся установки, обеспечивающие формирование личности как представителя гражданского общества. К этим установкам можно отнести формирование гражданской

идентичности личности, осознание человеком себя как гражданина российского общества, уважающего историю своей Родины и несущего ответственность за ее судьбу в современном мире.

По мнению Ю.В Аругтюяна, в новой России сейчас может идти речь о становлении при благоприятной перспективе собирательного, интегративного образа россиянина. Чтобы эта тенденция была действенной, она должна выходить за границы просто настроений, иметь жизненные проявления и безусловную устойчивость. А это возможно только при развитии в обществе осознанной, реально демократической системы, когда народ не механически принимает государственную этнонациональную политику, а определяет и контролирует ее [1].

Российская идентичность определяется принадлежностью к национально-государственной российской общности. Такая принадлежность может быть формально-правовой – всеобщей для граждан Российской Федерации, когда все они определяются как россияне. Иной, реальный смысл имеет внутренне осознанная принадлежность к российской общности, иначе говоря – гражданское самосознание. Оно у россиян, как отмечают исследователи, «остается противоречивым», проявляется «слабость, недостаточность интенсивности общегражданской идентичности, во многом все еще носящей формальный характер» [2].

Следует еще раз подчеркнуть, что в России идет строительство новых общественных отношений, в связи с чем необходим анализ ценностных трансформаций, происходящих в российской культуре. Практика общественно-политической жизни по-новому высветила, с одной стороны, необходимость обеспечения преемственности в развитии теории патриотизма, а с другой – потребность в научном анализе всего того, что влияет на формирование и развитие патриотизма как социокультурного феномена. Патриотизм представляет собой особо значимую ценность, так как является основой единения, гармонизации российского общества, сохранения его самобыт-

2.2. Идентичность в контексте российской гражданской ответственности

ности и культурного своеобразия в многоликом человеческом сообществе.

Постановка вопроса об изучении патриотизма связана со спецификой цивилизационного развития России, особенностями российской ментальности; с отличием новой России от советского государства и общества; с изменением содержания и трактовок социокультурных явлений и процессов; с тем, что формирование патриотизма представляет собой процесс, важнейшим элементом которого является система воспитания и образования. В этой связи возникает необходимость выявить проблемы и противоречия, воздействующие на формирование современной российской идентичности и патриотизма как ее социокультурного воплощения.

Развитие событий в последние годы делает актуальным также рассмотрение всего комплекса проблем, связанных с формированием нового образа Отечества и влиянием этого процесса на становление патриотизма, требует специального анализа содержания процесса трансформации российского общества в современных условиях и его влияния на содержание идеологии и культуры патриотизма.

В новых исторических условиях происходит становление практически всех компонентов России как нового Отечества. Этот процесс вызывает к жизни новое культурное явление – патриотизм российского общества, рождение которого представляет собой сложный и противоречивый процесс, по той причине, что он является наследником советского патриотизма, а также представляет собой новый социокультурный феномен. Закономерным является и нынешний рост патриотизма как реакции, с одной стороны, на негативные изменения в обществе, а с другой, обращение к патриотизму как важнейшему средству, способному мобилизовать все слои населения.

Становление новой российской государственности формирует объективную потребность в стабилизирующих элементах как на общекультурном, так на групповом и индивидуальном уровнях. Особенно ощутимой становится потребность в патриотизме как интегри-

рующей основе, придающей государству и обществу устойчивость. В государственной программе «Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации» подчеркивается, что патриотизм призван дать новый импульс духовному оздоровлению народа, формированию в России единого гражданского общества. Поэтому разработка научно обоснованных концептуальных подходов к организации патриотического воспитания граждан, его теоретических основ является актуальной задачей [3].

«Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации» является важным документом, определяющим основные направления патриотической работы. В концепции поставлена конкретная задача проведения научно-теоретических исследований в сфере патриотического воспитания, разработки современного понятийного аппарата социально-гуманитарного знания с учетом достижений культурно-исторического, духовно-нравственного развития России и новых источников информации по проблемам патриотизма, а также новой социально-политической обстановки в мире.

В данной Концепции патриотизм определяется как любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите. На личностном уровне патриотизм выступает как важнейшая, устойчивая характеристика человека, выражающаяся в его мировоззрении, нравственных идеалах, нормах поведения. На макроуровне патриотизм представляет собой значимую часть общественного сознания, проявляющуюся в коллективных настроениях, чувствах, оценках, в отношении к своему народу, его образу жизни, истории, культуре, государству, системе основополагающих ценностей.

Патриотизм проявляется в поступках и в деятельности человека. Зарождаясь из любви к своей «малой Родине», патриотические чувства, пройдя через целый ряд этапов на пути к своей зрелости, поднимаются до общегосударственного патриотического самосознания, до осознанной любви к своему Отечеству.

2.2. Идентичность в контексте российской гражданственности

Патриотизм является нравственной основой жизнеспособности государства и выступает в качестве важного внутреннего мобилизующего ресурса развития общества, активной гражданской позиции личности, готовности ее к самоотверженному служению своему Отечеству. Патриотизм является цементирующей основой существования и развития любых наций и государственности.

В соответствии с «Концепцией патриотического воспитания граждан Российской Федерации» и с учетом предложений федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, научных и образовательных учреждений, общественных организаций, творческих союзов и религиозных конфессий разработана государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы», которая определяет содержание и основные пути развития системы патриотического воспитания граждан и направлена на дальнейшее формирование патриотического сознания российских граждан как важнейшей ценности, одной из основ духовно-нравственного единства общества.

Важность исследования проблем патриотизма обусловлена также наличием серьезных противоречий в сфере культуры современного российского общества: между либеральными и радикальными тенденциями в подходах к проблемам патриотизма; между реальными возможностями истинного патриотизма в формировании высокой нравственности и положительных ценностных ориентаций, с одной стороны, и отсутствием государственной поддержки этой деятельности – с другой; между ростом негативных ценностных ориентаций у молодежи и необходимостью формирования у нее положительных аксиологических аспектов жизнедеятельности; между потребностью в формировании патриотизма как важной социокультурной ценности и недостаточной теоретической и методологической разработанностью этой проблемы в мировоззренческом аспекте.

В настоящее время исследованием проблем патриотизма занимаются творческие коллективы в Институ-

те социологии РАН, Институте социально-политических исследований РАН, Институте психологии РАН и др. В проблемное поле их исследований включены такие вопросы, как переоценка ценностей, изменение ценностных оснований идентификации, отношение к патриотизму различных социальных групп, роль патриотических ценностей в формировании общественного мнения и др.

За последние годы вышло немало научных работ, в которых дается анализ общего состояния качественных изменений российского общества под воздействием трансформационных процессов; освещаются проблемы развития массового сознания, его аксиологические аспекты в меняющемся обществе; рассматривается специфика российской ментальности и ее трансформация под воздействием реформ; выясняются сущность и особенности идеологических приоритетов общества, находящегося в процессе самоидентификации.

Важное место в исследовании проблем патриотизма занимает изучение сущности и динамики социальной идентичности россиян. Особый интерес представляет монография А.В. Кузнецовой и Е.А. Кублицкой, которая посвящена изучению кризиса государственной макроидентичности в условиях трансформационных процессов на постсоветском пространстве. Используя результаты социологических опросов в различных регионах Российской Федерации, авторы излагают принципиальную позицию по вопросу о роли феномена «патриотизм» и его атрибутов в консолидации общества и становлении новой российской идентичности. Авторы определяют патриотизм в наиболее общем виде как социально обусловленное отношение между личностью, обществом и государством, включающее в себя нравственно-эмоциональную связь с конкретной совокупностью географических, этнических, культурно-исторических и других представлений о родине и рядом символических форм, характеризующих эти представления. Патриотизм рассматривается как социально-психологическая составляющая социальной идентичности и социальный консолидирующий фактор [4].

2.2. Идентичность в контексте российской гражданственности

Результаты исследований, проведенных А.В. Кузнецовой и Е.А. Кублицкой, отражают растущую потребность большинства россиян в восстановлении традиций национальной государственности и связанных с ней патриотических норм и ценностей, способных консолидировать российское общество и способствовать укреплению новой российской идентичности. В ходе исследования обоснована социальная приоритетность ценностей патриотизма и гражданственности, наличие единства представлений, мировоззренческих позиций по проблемам патриотизма и консолидации российского общества у всех социальных и типологических групп с различными формами социальной идентичности по материальному достатку, социально-демографическим характеристикам, месту жительства, уровню образования, сфере социальной деятельности, религиозной, национальной и политической принадлежности.

В рамках проекта «Формирование современной российской идентичности и патриотизма как консолидирующей основы поликонфессионального и полиэтничного социума» под руководством С.Ю. Ивановой разработан новый деполитизированный подход к пониманию патриотизма, обоснована социокультурная опосредованность и аксиологическая сущность патриотизма в полиэтничном и поликультурном российском обществе [5]. Обосновано возрастание значимости патриотизма в полиэтничном, поликультурном социуме, предложены пути восстановления его структуры, наполнения ее новым содержанием. Исследованы новые социальные технологии формирования гражданско-патриотических убеждений. Патриотизм рассмотрен как особая ценность, духовная основа единения, гармонизации российского общества, альтернатива национализму и этноцентризму, обеспечивающая формирование российской идентичности.

На основе анализа результатов социологических опросов определена неоднозначность позиции патриотизма в структуре личности: важность данного качества как фактора развития современного российского общества признается всеми, однако в реальности оно практически не

сформировано и не служит основой активной жизненной позиции молодежи.

В контексте рассматриваемой проблемы следует согласиться с С.Ю. Ивановой в том, что «воспитание гражданина и патриота, осознающего цели и задачи жизнедеятельности личности, общества и государства, их роли в культурно-историческом развитии, способного к сохранению и приумножению духовно-нравственных ценностей, традиций и достижений своего Отечества, является одной из приоритетных задач, без выполнения которой невозможно возрождение величия и будущее России» [6].

Анализируя основные направления гражданско-патриотического воспитания личности в российском образовательном пространстве, И.В. Следзевский полагает, что главный результат гражданско-патриотического воспитания – самоидентификация человека с образами гражданского поведения, гражданского служения Родине, невозможно достичь без учета важнейших характеристик направленности личности – устойчивые эмоциональные отношения к действительности (чувства) и социальный опыт. Эти характеристики представляют собой интегративные элементы содержания гражданско-патриотического воспитания [7]. Гражданско-патриотические идеалы и ценности требуют воспитания чувств достоинства, самоуважения и ответственности. Для формирования общероссийской (патриотической) идентичности особое значение имеют также: чувство принадлежности – к семье, друзьям, школе, коллективу единомышленников, малой Родине, России; чувство жизненной цели, миссии, призвания – способность ответить на вопрос, что я могу и хочу сделать в своей жизни, каковы мое предназначение и ответственность перед собой, людьми, обществом, Родиной; чувство уверенности и защищенности – опоры на себя, свои знания и опыт, поддержку коллективом; чувство индивидуальности – понимание самого себя, уверенность в своих возможностях и значимости, адекватная оценка восприятия меня другими.

Как уже отмечалось, в современном российском обществе наблюдается кризис социальной идентичности,

2.2. Идентичность в контексте российской гражданской ответственности

связанный со сменой основных ценностей и стереотипов. Утрата обществом духовного единства и стабильности проявляется в том, что, согласно мнению психологов, «старшие поколения испытывают потерю идентичности, молодые – не могут определить свою идентичность» [8].

Преодоление кризиса социальной идентичности осуществляется через ряд следующих стратегий: выход из сообщества, утратившего позитивную определенность; попытки изменить ценности или сменить точку зрения; прямой конфликт. Э. Эриксон анализирует кризис идентичности в социально-историческом контексте, полагая, что резкое изменение условий социального существования вызывает у личности утрату ощущения самоидентичности и непрерывности исторического времени [9].

Этому утверждению созвучно и мнение Н.И. Ивановой, согласно которому кризис социальной идентичности – отражение в сознании индивида несоответствия сложившейся идентификационной системы личности новым требованиям реальности, которое актуализирует необходимость сознательного выбора новой идентичности [10].

Перед российским обществом в настоящее время остро стоит проблема новой социальной идентичности. Либо будет создана возможность для населения позитивно идентифицировать себя со своей страной и ее историей, стоящими перед ней культурными задачами, либо будут прерваны последние идентификационные связи и общество окончательно распадется. Необходимо установить правильную субординацию российской идентичности и «малых» этнических идентичностей и преодолеть тенденции регионального и этнического сепаратизма. При этом идентичность следует рассматривать как комплексное образование, проявляющееся на следующих уровнях: когнитивном (конкретное знание о себе как члене социальной общности при осознании отличия «своих» от «чужих», осознании особенности «своей» общности); смысловом (представление о себе и своей социальной общности в ценностных нормах: разрешениях и запретах);

аффективном (эмоциональная оценка значимости своего членства в социальной общности и определенных позитивных или негативных установок по отношению к «своим» и «чужим»). От характера и направленности процесса формирования новой макроидентичности и отражающей ее идеологии зависит цивилизационное развитие российского общества.

Наиболее полная систематизация возможных идеологических подходов к формированию новой российской идентичности представлена А.Н. Малинкиным, который выделяет пять типов с характерными для них представлениями о русских, их самосознании, исторических судьбах России и путях ее развития – модернизации: революционаристский тип – радикально настроенные новые «западники» (Россия – задворки Западной Европы, евро-американской, или мировой цивилизации); либералистский – умеренные новые «западники» (Россия – Восточная Европа); центристский (Россия – огромное восточно-европейское и одновременно евроазиатское государство с самобытной национальной и политической культурой); консервативный – умеренные новые «славянофилы» (Россия – северо-евразийская славяно-тюркская, или православно-мусульманская, государство-цивилизация); фундаменталистский – радикально настроенные новые славянофилы (Россия для них – русская цивилизация, Святая Русь, страна для русских) [11].

В качестве критерия типологизации дискурса новой российской идентичности, по мнению автора, предпочтительны те общественные отношения или их сущностные принципы, которые в данное социально-историческое время и в данном социальном пространстве играют главную, определяющую роль не только в общественной жизни, но и – что особенно важно – в формировании российской национальной идентичности и межнациональных отношений.

Элементами описания этих типов идентичности являются характеристика места России в мире; отношение к особости (самобытности) России, русских; отношение к традиционной российской идентичности; отношение

2.2. Идентичность в контексте российской гражданственности

к российскому народу и русским (другим народам мира и Российской Федерации); отношение к модернизации; отношение к интеграции в мировое сообщество (глобализации); политическое измерение (западное и российское) и ответ на вопрос, как сформировать новую российскую идентичность.

Актуализация патриотических и гражданских ценностей составляет центральное звено формирования новой российской макроидентичности. Представления о значимости родной страны, позитивной направленности и культурной ценности ее истории являются базой развития конструктивно ориентированного национального самосознания. В то же время патриотические ценности объективно служат средством общенациональной консолидации и интеграции, оздоровления национального самосознания, преодоления его фрагментации и маргинализации. Ибо снижение патриотических настроений в стране, будучи элементом общего социокультурного кризиса, стало мировоззренческим основанием для развития правового нигилизма.

Жизнеспособная идеология, основанная на патриотических и гражданских ценностях, может и должна стать фактором обретения российским обществом новой макроидентичности, которая обеспечит органичное сосуществование народов и этнических групп, свободное развитие их культур, традиций, конфессий в контексте единого российского гражданства.

В качестве системы координат для выявления специфики российской политической культуры можно взять формулу гражданской идентичности С. Хантингтона. Гражданственность он определяет через политико-правовые, идеологические, культурные, социально-психологические признаки, основу которых составляет англо-американо-протестантская культура; ее формула – «лояльность, патриотизм, идентичность» [12].

Ученые определяют патриотизм как «сложную систему взглядов, представлений и чувств человека, составляющую часть его личной и социальной идентичности». Далее различают два уровня патриотизма: эмоционально окра-

шенное представление о себе как субъекте собственной биографии плюс представление о ближайшем окружении как существенной части собственного жизненного мира – «Я-патриотизм» и «Мы-патриотизм», фундированный идейными и нормативными установками человека. Суть последнего – национальная идентичность – «латентный, как правило, нерелексированный выбор гражданственности и связанной с ней группы» [13].

Патриотизм как производная национальной идентичности подразумевает исполнение ряда имманентных условий: укорененность индивида, привязка к конкретному месту; согласие разделять судьбу того или иного общества; чувство долга, интериоризация нормативных ожиданий, предъявляемых обществом индивиду [14].

Патриотическое самосознание предполагает также высокий уровень развития коллективной идентичности – отождествления себя и своих отличительных черт с большими общностями людей и культурно-политическим единством (народом, страной, государством). Любая идентичность важна потому, что определяет поведение человека. Патриотическая идентичность способна мотивировать солидарное поведение граждан, лишённое какого-либо корыстного интереса.

Патриотическую идентичность следует рассматривать как разновидность государственной (гражданской) идентичности, которая связана с государственным типом патриотизма, осознанием человеком своей причастности и лояльности к сообществу граждан определенного государства, привязанностью и любовью к Родине. Не только отдельные личности и группы, но и государство выступает субъектом процесса идентификации, специально воспитывая в своих гражданах национальную идентичность и чувство патриотизма, которое служит гарантией сохранения общественно-политической стабильности.

Идентичность не является устойчивой внутренней структурой личности, а постоянно корректируется под воздействием изменяющихся условий жизни и рефлексии. В процессе жизнедеятельности человек может приобретать новые идентичности и расставаться со стары-

2.2. Идентичность в контексте российской гражданской ответственности

ми. Формирование новой идентичности часто бывает связано с вхождением в новую социальную среду. При этом процесс идентификации проходит ряд этапов: подражание и овладение внешней символической средой, восприятие морально-эмоциональных и ценностных компонент идентичности, кризис идентичности и рефлексия новой социальной среды, преодоление кризиса идентичности и рациональное отождествление себя с патриотической средой.

В число основных функций патриотизма включена идентификационная, которая состоит в фиксировании единства интересов человека с интересами различных социальных общностей, обеспечивающих его самосохранение, защищающих его основные интересы, способствующих реализации потребностей в самоутверждении, развитии и самовыражении.

Патриотическая идентификация – это состояние групповой солидарности, формирующееся на основе этнического и политического единства, включающее коллективный (осознание и переживание своей целостности и тождественности) и индивидуальный (осознание и переживание индивидами своей принадлежности) уровни. Структура патриотической идентификации определяется такими подсистемами, как картина социального пространства и времени, образа «Мы» и представлений об отношениях с «Они».

Для исследования патриотической идентичности, на наш взгляд, значимым является понятие государственной (гражданской, национальной) идентичности, которое предполагает соотнесение себя с определенным идентификационным пространством государства, политическим и культурно-историческим гражданским сообществом.

В результате длительного дефицита внимания общества и государства к проблемам воспитания населения на основе позитивных политических и идеологических ценностей, в том числе ценностей патриотизма, в настоящее время общественное сознание испытывает разочарование в большинстве представленных в прошлом и

настоящем политических идей. Основы патриотического мировоззрения поколеблены, в ходе регионализации общества возобладали идеи этнического национализма, деструктивная деятельность СМИ привела к развитию у россиян чувства социальной и национальной неполноценности.

Воспитание патриотизма связано с долговременным процессом социализационного развития у личности целого комплекса положительных психосоциальных качеств на основе акцентуации в сознании духовно-нравственных и историко-культурных составляющих позитивного эмоционального и мировоззренческого отношения к Родине. При этом патриотизм предполагает единство духовной идентификации личности с прошлым и культурой своей страны, практической готовности участвовать в решении встающих перед обществом проблем. Речь идет о единстве воспитания в человеке высокой духовности, осознанной гражданственности и активной жизненной и социальной позиции.

Анализ различных подходов к определению гражданской идентичности позволяет дифференцировать понятия «гражданственность» и «гражданство». Критерий гражданственности – целостное отношение человека к социальному и природному миру, способность устанавливать баланс индивидуальных и общественных интересов. Гражданственность не определяется политико-правовой принадлежностью, не есть лояльность или личная преданность подданного государства. Гражданственность – это сознательность и ответственность личности, свобода выбора, творческая направленность, активная жизненная позиция и рефлексивно-критическое отношение к действительности, самоактуализация и самоотжественность (стремление быть в согласии с самим собой). Всеобщий характер гражданственности определяется тем, что она выражает не этнические или этнокультурные, а общеродовые интересы человечества в конкретной национально-специфической форме.

Развитие гражданственности предполагает три направления: социально-правовое, морально-этическое,

2.2. Идентичность в контексте российской гражданственности

социально-психологическое. Социально-правовой аспект развития гражданственности связан с формированием высокого уровня демократического сознания, с умением пользоваться своими правами как гражданина Российской Федерации, быть субъектом гражданско-правовых отношений, готовым активно участвовать в управлении государством.

Морально-этический аспект гражданственности определяется патриотизмом и уровнем нравственной культуры общества, включающих высокую ценность долга и служения Отечеству, гражданскую ответственность, совесть и достоинство.

Формирование гражданской идентичности в морально-этическом аспекте в качестве необходимого условия требует дифференциации в сознании граждан понятий патриотизма. Патриотизм является проявлением гуманизма и человеческой идентичности, так как он в отличие от национализма, предполагает толерантность к иной национальной самобытности.

Значимость патриотизма определяется тем, что, реализуя российскую культурную традицию, он является основой объединения и гармонизации современного российского общества, сохранения его цивилизационной неповторимости в условиях многообразия поликультурного и полиэтничного состава Российской Федерации на фоне углубления процессов глобализации и межстрановой конкуренции. Процессы глобализации, набирая силу, объективно требуют от нашего государства заботы о сохранении своей цивилизационной идентичности, а это, в свою очередь, делает необходимым усиление работы по формированию и сохранению патриотических ценностей и установок в российской поликультурной среде.

Социально-психологический аспект гражданственности выражается в чувстве любви к Родине, в ощущении своего единства со страной и обществом, в социальном оптимизме, участии в созидательном общественно-полезном труде, в том числе и безвозмездном, направленном на благо Отечества.

В воспитании гражданственности большое значение имеет формирование четкого, исторического сознания, культуры исторической памяти. На этой основе только и возможно соединение в общественном сознании национальных целей и задач с государственными, что означало бы преодоление кризиса идентичности. В противном случае неизбежна дальнейшая девальвация патриотических норм и ценностей, распад национального самосознания, что воплощается на уровне повседневных жизненных практик в распространении антисоциальных стратегий поведения вплоть до криминальных и самодеструктивных его форм.

Патриотизм представляет собой комплексный духовный и социальный феномен, в котором аналитически можно выделить три основных аспекта или уровня: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Речь идет о знании истории и культуры своего народа и страны, эмоционально заинтересованном отношении к ним, то есть идентификации с патриотическими ценностями народа и способности активно действовать на основе этих ценностей. Соответственно этому условному делению патриотическое и гражданское воспитание должно, чтобы быть эффективным, осуществляться обязательно в единстве всех трех перечисленных аспектов. В когнитивной сфере это означает направленную ориентацию системы институтов образования и воспитания, средств массовой информации на цель формирования и укрепления знаний россиян по истории и культуре своей страны, понимания ее геополитического статуса, стоящих перед ней задач и проблем. В эмоциональной сфере задача воспитания патриотизма преломляется как формирование аффективных переживаний любви и гордости, ощущения социального оптимизма и уверенности в креативной силе русского народа. В поведенческой сфере задачей является формирование способности и готовности к действию, мотивированному не только индивидуальными, но и надиндивидуальными, общественно-значимыми ценностями и целями, превращение патриотических цен-

2.2. Идентичность в контексте российской гражданской ответственности

ностных ориентаций в постоянный регулятор социального поведения [15].

Решение задач патриотического и гражданского воспитания невозможно без полного осознания стоящих на этом пути трудностей и проблем. В числе этих проблем основной можно считать усиление глобализационных тенденций мировой политики, формирование однополярного мира с унифицированной, клишированной культурой, угрожающей сохранению национальной, культурной, идейной самобытности народов. Для противостояния этой тенденции необходимы радикальные изменения в ментальности правящей элиты российского общества, направленные на осознание опасности сложившейся ситуации для сохранения его социальной и культурной идентичности. Условиями преодоления негативных факторов в воспитании патриотизма и гражданской ответственности россиян являются формирование патриотически-ориентированной элиты, развитие патриотических ориентаций у интеллигенции как социальной группы, наиболее ответственной за духовное состояние общества, создание национально-ориентированного капитала.

Воспитание патриотизма и гражданской ответственности требует формирования жизнеспособной идеологии, на основе которой возможно было бы сплочение общества, одна часть которого пользуется государством и его ресурсами в корыстных целях, а другая не может идентифицировать себя с государством ввиду его явного пренебрежения к ее нуждам и проблемам. Оно требует также постепенного возвращения к отвергнутым ранее традиционным духовным ценностям, роста реального авторитета основных представленных на территории России религий. Необходимо восстановление социального престижа интеллигенции, образования и интеллектуального труда, поскольку именно интеллигенция является той социальной группой, жизнедеятельность которой максимально олицетворяет духовные и культурные ценности.

В этом контексте следует отметить значимость введенного В.Н. Кузнецовым концепта «культуры патриотизма», который репрезентирует адекватный современному эта-

пу российской истории подход к пониманию патриотизма как мировоззренческого комплекса идей и ценностей, типа поведения и образа жизни. Согласно этому подходу, «культура патриотизма – это отношение устойчивой и осознанной любви к своей семье и образу жизни, нации, национальной и культурной идентичности, государству и Отечеству в их прошлом, настоящем и будущем состояниях, готовность жить во имя Родины и защищать ее цели, идеалы, ценности, ориентированность на постоянный и уважительный диалог по поводу целей, идеалов, ценностей других наций и народов, их семей и граждан» [16]. Такое представление о патриотизме неразрывно связано с идеей гражданственности и может служить базой интеграции российского общества.

Трансформация общественных структур и отношений влечет за собой кризис старой системы ценностей и идеологем, а утверждение новых институциональных форм сопровождается ростом социальной потребности в обновленном соответственно духу происшедших перемен содержании базовых ценностей. Так произошло и в современном российском обществе, в котором в ходе реформ были переоценены социокультурные ценности и идеалы, в том числе представления о советском патриотизме и гражданственности.

Еще раз подчеркнем, что начало социально-экономической стабилизации поставило вопрос об идеологическом оформлении происходящих в российском обществе процессов. Насущной оказалась проблема выхода из мировоззренческого и нравственного кризиса, воспитания молодых поколений на базе позитивных социокультурных ценностей. Для сохранения социальной идентичности российского общества необходимо восстановление значимости ценностей, связанных с идеями патриотизма и гражданственности. Но эта задача достаточно сложна, поскольку речь идет не о возвращении к прежним в содержательном отношении представлениям о патриотизме и гражданственности.

В «Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации» отмечается, что цель патрио-

2.2. Идентичность в контексте российской гражданственности

тического воспитания – развитие в российском обществе высокой социальной активности, гражданской ответственности, духовности, становление граждан, обладающих позитивными ценностями и качествами, способных проявить их в созидательном процессе в интересах Отечества, укрепления государства, обеспечения его жизненно важных интересов и устойчивого развития [17].

Действительно, формирование патриотизма и гражданственности у россиян представляет собой одну из основных задач пореформенного общества и необходимое условие его самосохранения и интеграции. В условиях трансформирующегося общества специфика формирования патриотической и гражданской позиции определяется необходимостью культивирования и пропаганды традиционных ценностей коллективизма, социальной справедливости и созидания, критики и осуждения негативных явлений, в том числе и в практике государственных структур, восстановления доверия граждан к государству. Большое значение имеет единство воспитательных мер на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях, направленное на создание у граждан позитивного образа российского государства.

Безусловно, в современном мире вопросы гражданственности и патриотизма, культуры поведения и социального сотрудничества, нравственности и духовности, уважения и толерантности становятся стратегическими приоритетами общественного развития. Успешность общественного развития во многом определяется сформированностью гражданственности и сохранением исторической памяти.

Решающую роль в этом направлении играет система образования, являющаяся связующим звеном между разными поколениями, способствующая сохранению накопленного опыта и технологическому прогрессу.

Ключевой характеристикой системы образования является не только передача знаний и технологий, но и формирование творческих компетентностей, готовности к обучению. Без этого нельзя говорить об успешности

формирования таких важных гражданских качеств, как активность и проявление инициативы, взаимодействие и готовность к межкультурному диалогу, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения, уважение к историческому прошлому народа и традициям предков, стремление к дальнейшему процветанию и развитию своей страны.

Для реализации данных задач особое значение приобретает становление системы гражданского образования. Это требует организации целенаправленной работы по коренному улучшению работы с кадрами образовательных учреждений всех типов и видов, развития службы консультационно-методического сопровождения, систематического обмена имеющимся опытом работы, совместного обсуждения острых вопросов общественного развития. Обучение действием и проектные подходы должны войти в традицию при подготовке и профессиональном совершенствовании.

Особое значение на современном этапе приобретает сохранение исторической памяти народа, противодействие попыткам фальсификации истории, навязывания некоторым народам исторической вины для приобретения политических дивидендов. Стремление из трагических страниц истории формулировать обвинительные заключения и культивировать стереотипы должно встречать адекватную и аргументированную реакцию российских граждан. Для этого необходимо знать ключевые моменты истории своей страны, понимать причинно-следственные связи, отделять достоверные факты от сознательных искажений, субъективных суждений и интерпретаций.

Важной задачей системы образования на современном этапе является развитие гражданской грамотности и информированности, формирование общероссийской идентичности всех жителей нашей страны, воспитание патриотизма и гуманизма, духовно-нравственное развитие личности, становление гражданских и профессиональных компетентностей. Основными компонентами гражданственности являются: умение реализовать

2.2. Идентичность в контексте российской гражданской ответственности

свои права и свободы, не нарушая прав и свобод других граждан; способность к конструктивному диалогу с властными структурами, с другими гражданами и их объединениями; ответственность за свои поступки и свой выбор, выполнение юридических и моральных обязательств перед обществом и государством; критическое отношение к социальной действительности и стремление ее преобразовать, видение существующих общественных проблем, их причин и возможных путей решения; чувство собственного достоинства и внутренняя свобода личности; уважение и доверие к другим гражданам и к государственной власти; гармоничное сочетание патриотических, национальных и интернациональных чувств.

Процесс формирования личности патриотичной и социально ответственной в полиэтноконфессиональной Республике Адыгея сопряжен с необходимостью осмысления как теоретических, так и практических аспектов проблем гражданской самоидентификации молодых людей в их общероссийском измерении.

С целью выявления взаимосвязи патриотизма с гражданским национализмом в Республике Адыгея проведено социологическое исследование аспирантом кафедры философии и социологии М.А. Ешевым в декабре 2008 г. – феврале 2009 г. [18]. В качестве метода сбора социологических данных использовалось анкетирование. Объектом исследования явились студенты Адыгейского государственного университета, Майкопского государственного технологического университета и всех филиалов высших учебных заведений в Республике Адыгея. Применялась случайная пропорциональная выборка. Объем выборки составил 800 респондентов, в том числе: 464 девушки, 324 юноши и 12 человек не указали свой пол.

По результатам исследования, для 40% от общего числа респондентов патриотизм – это любовь к Родине; 25% выбирают ответ «гордость своим Отечеством»; 16% – «уважение культуры, истории страны»; 15% – «любовь к своей семье, к родному краю» и всего 4% понимают под патриотизмом «любовь к народу», при этом такой ответ ха-

рактен для женского пола. В данном аспекте понятие «патриотизм» органично связано с понятием «Родина», его историческим прошлым. Для 54% студентов понятие «Родина» ассоциируется со страной, в которой они родились; 18% респондентов считают своей родиной Российскую Федерацию; 17% – государство, в котором живут; 11% – место рождения.

На вопрос «В чем для Вас заключается главная ценность патриотизма?» 54% ответили, что патриотизм побуждает действовать во благо своей страны, так считают 59% девушек и 41% юношей; 30% полагают, что главная ценность патриотизма в том, что он формирует чувство гордости за свою страну; 13% разделяют мнение о том, что патриотизм нацелен на сохранение целостности России, и всего 3% полагают, что это основной способ решения межнациональных конфликтов.

Согласно данным исследования, 65% студентов гордятся тем, что живут в России; 25% не испытывают чувства гордости, но страну менять не хотят; 7% относятся к своей стране безразлично. Но есть и те, кто ненавидит Россию и при первой возможности уедет из нее (3%). Необходимо отметить, что юноши чаще выбирают ответ «Я ненавижу Россию и при первой возможности уеду отсюда», а безразличное отношение к своей стране проявляет одинаковое количество как женского пола, так и мужского. При этом уехать навсегда из страны желают 6% от общего числа респондентов, 50% – только на отдых, 18% – на временную работу, еще 18% – на учебу или стажировку, а 8% не уедут из России ни при каких условиях. Анализ данных позволяет утверждать, что большинство современных студентов Адыгеи ориентировано на то, чтобы жить и работать на Родине.

Сегодня патриотизм не занимает доминирующего положения в ценностной иерархии студентов Республики Адыгея. Так, из десяти предложенных ценностей (семья, национальность, свобода, знание, экономическая независимость, дружба, патриотизм, счастье, душевный комфорт, здоровье) наиболее значимыми являются семья, здоровье, счастье. Патриотизм занимает девятое место в

2.2. Идентичность в контексте российской гражданской ответственности

списке указанных ценностей и является наименее значимым наряду с национальностью. Значимость семьи для современной молодежи находит отражение и в следующих ответах. Например, на вопрос «Что для Вас является более значимым?» 40% выбирают «любовь к родителям»; 30% – «отношение к близкому человеку»; 17% – «самосовершенствование как личности»; 6% – «высокооплачиваемую работу», и только для 7% более значимым является «возрождение России как сильной державы». При этом для девушек более значимыми являются отношения с близким человеком, тогда как для юношей – любовь к родителям. Исследование показало, что в студенческом сознании любовь к Родине продолжает оставаться малозначительной ценностью, при этом само понятие «Родина» постепенно начинает ассоциироваться со страной в целом, а образ «малой» Родины практически не находит отражения в молодежной среде.

На наш взгляд, формирование идентичности граждан России позволит решить ключевые задачи развития нашего общества – обеспечить безопасность российского государства и общества, сохранить государственную независимость России; преодолеть мировоззренческий кризис; возродить уважение к государству, обществу, семье, отечественному историческому и культурному наследию. Решение задачи патриотического воспитания теснейшим образом связано с необходимостью выработки государством и обществом механизмов социальной консолидации, формирования гражданской идентичности и гражданской ответственности населения России.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что необходимо наполнение идей патриотизма и гражданской ответственности новым содержанием, которое было бы адекватным времени и в силу этого составляло бы надежную основу для интеграции российского общества и роста социального оптимизма. В этой связи особую актуальность приобретает исследование патриотизма и гражданской ответственности как социокультурных концептов, имеющих глубокое ценностное содержание, изучение их динамики в мировоззрении сов-

ременных россиян. Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена также необходимостью развития социокультурной рефлексии российского общества, углубления знаний общества о себе самом. Мироззренческие процессы, затрагивающие представления об историческом, геополитическом, культурном статусе России, ее судьбе в современном глобализационном контексте, о сущности российского патриотизма и месте России в мировом сообществе, о том, что значит быть российским гражданином, тесно связаны с динамикой российской идентичности, а также религиозной идентичностью.

Примечания:

1. *Арутюнян Ю.В.* Об этнических компонентах российской идентичности // Социс. – 2009. – № 6. – С. 43.
2. *Горшков М.К.* Российская идентичность в условиях трансформирующихся процессов // Вестник российской нации. – 2008. – № 1. – С. 177.
3. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации. URL: http://www.concept_patriot.doc
4. *Кузнецова А.В., Кублицкая Е.А.* Гражданский патриотизм – основа формирования новой российской идентичности. – М., 2005. – С. 42.
5. Вектор идентичности на постсоветском пространстве // Сборник научных статей по итогам Международного «круглого» стола. – Ростов-н/Д., 2006; Гражданская идентичность и патриотическое воспитание в полиэтничном регионе: Материалы 52-й ежегодной научно-методической конференции. – Ростов-н/Д., 2007; *Иванова С.Ю., Лутовинов В.И.* Современный российский патриотизм. – Ростов-н/Д., 2008.
6. *Иванова С.Ю.* Гражданская идентичность и патриотизм в контексте обеспечения духовного единства в меняющемся этнополитическом пространстве // Южный федеральный округ: динамика межэтнических отношений в меняющемся этнополитическом пространстве. – Ростов н/Д. – Пятигорск, 2009. – С. 82.
7. *Следзевский И.В.* Основные направления гражданско-патриотического воспитания детей и молодежи в российском образовательном пространстве // Внешкольник. – 2007. – № 1. – С. 25.
8. *Андреева Г.М., Шевелева А.Ю.* К вопросу о проблеме группы в социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1998. – № 1. – С. 47.
9. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М., 1996. – С. 67.

2.2. Идентичность в контексте российской гражданственности

10. *Иванова Н.И.* Исследование социальной идентичности у студентов педагогических вузов // Идентичность и толерантность. Сборник статей. – М., 2002. – С. 135.

11. *Малинкин А.Н.* Новая российская идентичность: особенности и типы отечественного дискурса. Очерк социологии знания // Социологический журнал. – 2001. – № 4. – С. 59–60.

12. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004. – С. 344.

13. *Качкин А.* Патриотизм: условие российской национальной идентичности или пиар-проект? Социологическое исследование // Пресс-служба. – 2007. – № 8. – С. 39.

14. *Малинкин А.Н.* Понятие патриотизма // Социологический журнал. – 1999. – № 1/2. – С. 87–88.

15. *Колябина Т.С.* Социальная идентичность как основополагающий элемент патриотизма и гражданственности // Теория и практика общественного развития. – 2005. – № 3. – С. 35.

16. *Кузнецов В.Н.* Российская идеология XXI: опыт социологического исследования формирования российской идеологии XXI века. – М., 2004. – С. 183.

17. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации. URL: http://www.concept_patriot.doc/

18. *Ешев М.А.* Патриотизм и гражданский национализм в сознании студенчества (социологический анализ) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – Майкоп: Изд-во АГУ. – 2009. – Вып. 1. – С. 144–151.

ГЛАВА 3

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

3.1. Религия в контексте взаимодействия культурных традиций и инноваций

 Главной тенденцией современного мира являются межкультурные взаимодействия, выражающиеся в смешении языков, культур, традиций и верований. Глобализационные стратегии выражаются в тесном политическом, социально-экономическом и духовно-культурном сотрудничестве, в которое вовлечены все страны и народы, что дает основание говорить о развитии мира как поликультурного и поликонфессионального сообщества. Казалось бы, эти процессы носят позитивный характер, однако их проекция на традиционные культуры с этническим и религиозным разнообразием приводит к противоречиям, на которые нельзя не обращать внимания.

Следуя логике изложения вопросов культурной идентичности, мы должны определить целый ряд понятий, без которых представление о традиционной культуре будет недостаточно полным. К таким понятиям относится, в первую очередь, традиция.

Во взглядах на «традицию» и «традиционные общества» можно выделить две основные точки зрения, господствовавшие как в западной, так и в отечественной науке. Первая точка зрения сводилась к тому, что традиция рассматривалась как отмирающее, косное явление, которое под давлением современных форм жизни должно исчезнуть, поскольку не в состоянии противодействовать все возрастающей активности модернизационных процессов. Подход, который противопоставил

3.1. Религия в контексте взаимодействия традиций и инноваций

категории традиционного и рационального, рассматривал традиционные институты, обычаи, верования, способ мышления в качестве тормоза прогрессивного развития общества.

Эволюционистские идеи о стадийном развитии общества приводили к тому, что традиционные общества понимались как докапиталистические общественные структуры.

«Традиционными, – отмечает С. Эйзенштадт, – обычно называют самые различные общества – от примитивных бесписьменных обществ до племенных федераций, патриархальных, феодальных, имперских систем, городов-государств и т.п.» [1].

С.В. Лурье справедливо отмечает, что все они «рассматриваются как некие застывшие формы, которые изменяются только под воздействием внешних обстоятельств или причин экономического, политического и т.п. характера, но в любом случае вопреки самой сути традиционного общества» [2].

В конце 60-х гг. XX в. взгляды исследователей на соотношение традиции и модернизации меняются. Как отмечает О.А. Осипова, стало понятно, что модернизация не противостоит традиции, а является результатом «смещения акцента в представлении об относительной значимости культурных комплектов, весь набор которых в той или иной форме содержится во многих человеческих культурах» [3].

Статическое рассмотрение традиции сменяется ее динамическим рассмотрением. Традицию начинают воспринимать как явление, охватывающее все способы фиксации, передачи и воспроизводства культуры. Расширяются и углубляются взгляды по вопросам о пределах устойчивости традиции, сфере действия, функциях и т.д. [4].

С этих позиций рассматривает традицию С. Эйзенштадт, определяющий ее как «неотъемлемый элемент любой социальной культуры: как всякой социальной организации в целом (будь то так называемое традиционное или современное общества), так и каждого ее элемента в отдельности» [5].

С. Эйзенштадт выстраивает следующую схему: сначала в сознании людей формируются модели (образы) мира, которые включают представления как о мире в целом, так и о его социальном и культурном устройстве, затем формируется традиция. Выстроенная модель мироздания оказывает влияние на создание общественных институтов и поведенческих комплексов. Это происходит путем формирования определенной, в достаточной мере ограниченной, совокупности жизненных целей и средств их достижения. Кроме того, указанное выше влияние осуществляется посредством создания определенных механизмов регулирования распределения ресурсов общества, моделей обмена и взаимодействия и т.п.

«Трансформация религиозных и культурных верований в «законы» или «нормы» социального порядка осуществляется через деятельность создателей проектов социального переустройства, которые группируются в конкурирующие или сотрудничающие друг с другом элиты и деятельность которых не ограничивается лишь сферой власти. Институализация указанных культурных представлений, осуществляющаяся через социальные процессы и механизмы контроля, равно как и их «воспроизводство» в пространстве и во времени неизбежно порождают в обществе напряженность и конфликты, движения протеста и процессы изменений, что создает почву для пересмотра самих исходных предпосылок. Таким образом, две функции культуры – поддержание порядка и изменение порядка – представляют две стороны одной медали. Но между ними вовсе нет фундаментального противоречия; обе они являются неотъемлемыми частями символической сферы социальной системы. Потенциал изменений и трансформаций не является чем-то случайным или внешним по отношению к культуре. Он имплицитно присутствует во взаимодействии культуры и социальной структуры, представляющих собой парный элемент конструирования социального порядка. Именно потому, что символические компоненты включены в процесс конструирования и поддержания социального

порядка, они тоже заключают в себе ростки социальных трансформаций» [6].

В учении о традиции С. Эйзенштадт сталкивается с проблемой противоречивости традиции, когда говорит о креативных и стабилизирующих ее элементах. Характер изменений в традиционных обществах задан изнутри самой традицией. «Традиция в этом обществе служит не только символом непрерывности, но и определителем пределов инноваций и главным критерием их законности, а также критерием (допустимых вариантов) социальной активности» [7].

Ученый использует термин Э. Шилза – «центральная зона» культуры. Э. Шилз пишет: «Общество имеет центр. Он представляет собой «центральную зону» в структуре общества... Центр, или «центральная зона», – это как бы в свернутом виде ценности и верования данного общества. Именно «центр» упорядочивает символы, ценности и верования. И центром он является потому, что он определен, нередуцируем. Именно он определяет природу сакрального в каждом обществе. И в этом смысле каждое общество имеет «официальную религию», даже когда его члены, или его интерпретаторы, это отрицают и когда общество более или менее оправданно кажется секуляризованным, плюралистическим и толерантным... Центр является, кроме того, средоточием в свернутом виде действий членов общества. Он представляет собой структуру активности (деятельности), ролей и институций, внутри некоего каркаса институций. Это те роли и верования, которые являются для данного общества основными» [8].

Переведя идею «центральной зоны» культуры из социального измерения в культурологическое, мы получаем идею «ядра» культуры, или «оси» культуры, вокруг которой «вращаются» иные компоненты, элементы и институты. Они-то и подвергаются изменениям в зависимости от влияющих на них политических, экономических, культурно-исторических факторов. Однако именно «ось» культуры задает вектор этих изменений. Эти представления находят свое подтверждение при культурно-истори-

ческом анализе многих культур и феноменов. В частности, эволюция религиозных верований народов Северного Кавказа показывает, что религиозное сознание и религиозные верования изменялись в прямой зависимости от ядра этнической культуры.

Подробнее мы вернемся к этому позже. Обращаясь же вновь к концепции С. Эйзенштадта, отметим еще одну важную и полезную идею: «Традиция может оказывать позитивное воздействие на процесс модернизации, а может в своем крайнем проявлении – традиционализме – препятствовать ему, равно как и процесс модернизации может приводить к ослаблению влияния традиции, а может и способствовать ее усилению» [9].

«Культурная традиция представляет собой один из важнейших механизмов поддержания, сохранения устойчивости норм, ценностей, образцов этнической культуры. Этим термином обозначается непосредственная трансляция специфических культурных форм от поколения к поколению и соблюдение строгого следования таким формам. Благодаря действию механизма традиции структурируется опыт социокультурной идентификации, упорядочиваются взаимодействия с представителями других групп в стандартных ситуациях. Это происходит благодаря тому, что под действием традиции в процессе социализации индивид осваивает стандартный этнически-специфичный опыт» [10].

Эта точка зрения отражает мнение ряда современных исследователей не только традиционных и этнических культур, но и современного состояния ислама. Так, В. Монтгомери (W. Montgomery), исследуя исламский фундаментализм и модернизационные процессы в исламе, подчеркивает позитивные и негативные стороны и того, и другого явления [11].

Такие исследователи, как A.S. Ahmed и H. Donnan, обращаются к вопросу исламской традиции культуры в контексте проблем глобализма и постмодернизма [12].

Для российских ученых, особенно философов и культурологов, исследование традиции вызывает огромный интерес. При этом отечественные культурологи исходят из

основополагающего принципа о подвижности традиции и ее отнесенности как к прошлому, так и к настоящему. Э. Маркарян отмечает следующее: «Культурная традиция и сегодня продолжает оставаться универсальным механизмом, который благодаря селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии позволяет достигать необходимой для существования социальных организмов стабильности» [13].

В 70–80-е гг. XX в. были сделаны первые, но очень важные шаги по созданию российской общей теории культурной традиции. Несмотря на то, что основное положение этой теории не вызывало споров, многие вопросы достаточно активно дискутировались. Так, рассуждая о функционировании слов «традиция» и «культура», известный этнограф К.В. Чистов писал: «Термины «культура» и «традиция» в определенном теоретическом контексте синонимичны или, может быть, точнее – почти синонимичны. Термин «культура» обозначает сам феномен, а «традиция» – механизм его функционирования. ...Традиция – это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся» [14].

Таким образом, традиция является главнейшей характеристикой культуры общества на любой стадии его развития.

В точном понимании этого термина традиция – это «...механизм воспроизводства культуры или социальных и политических институтов, при котором поддержание последних обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом» [15].

Существенное свойство традиции в том и состоит, чтобы обеспечивать сохранение прошлых образов через устранение, ограничение новшеств как отклонений.

Емкое определение традиции в контексте своей теории культуры дал Э.С. Маркарян, подчеркнув, что традиция есть выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временных трансмиссий актуализируется и воспроизво-

дится в различных человеческих коллективах. Традиция является механизмом реализации культуры, а культура как способ деятельности человеческого общества заключается, с одной стороны, в приспособлении человека к природной среде, а с другой стороны, в очеловечении среды и самого человека [16].

С точки зрения философско-антропологического подхода, традиция – это то:

- что позволяет существовать отдельному индивиду и обеспечивает ему возможность оставаться самим собой;
- в чем человек находит опору (гарантированное бытие) для материального и духовного существования;
- что позволяет человеку сохранить целостность и свободный простор своего духовного бытия;
- в чем человек находит свой предельный интерес, что становится эталоном должного поведения [17].

Возможно ли существование человека, человеческого общества без традиций? Совершенно очевидно, и в этом наша позиция сходна с позицией многих исследователей культуры, что такого общества быть не может. Общества различаются не наличием или отсутствием традиций, а особым содержанием их, особыми способами их трансмиссии и формами их функционирования.

Таким образом, традиции можно охарактеризовать как стереотипы мышления и поведения человека, которые позволяют ему приспособиться к природной и социальной среде; видоизменять природную и социальную среду и самого себя.

И здесь встает вопрос о соотношении традиционного общества и общества современного. Представляется возможным выделение целого ряда критериев, отличающих эти общества. Это роль старшего поколения в механизме передачи социального и культурного опыта, вид и роль семьи, механизмы «подключения» индивида к культуре общества и др.

В традиционной культуре прошлое взрослых оказывается будущим их детей, изменения незаметны для жизни одного поколения. Традиционная культура органична, человек не чувствует разлада с обществом. Также органич-

3.1. Религия в контексте взаимодействия традиций и инноваций

но взаимодействие с природой. Традиционная культура ориентирована на сохранение самобытности, культурного своеобразия. Авторитет старшего поколения очень высок, и этот факт дает возможность мирно решать возникающие конфликты. Старшее поколение также выступает источником знаний и умений.

Современный тип культуры находится в постоянном процессе изменений. Изменяющаяся культурная действительность обуславливает новые параметры жизненного пути нового поколения. Воспитание и обучение принимает институализированные формы, и, как следствие, снижается роль старшего поколения. Конфликт поколений начинает выражаться в явной форме. Появляются проблемы дисгармонии с природой, экологического кризиса. Отчуждение человека от человека, нарушение общения, изменения средств коммуникации – это признаки современной культуры.

Если традиционная культура доиндустриальна и, как правило, бесписьменна, то современное общество унифицированно-индустриально, универсально одинаково.

В данном контексте Россия, а соответственно и Северный Кавказ, представляет собой сложное сочетание двух типов культур – унифицированно-индустриальной и этнически-самобытной, традиционно-ориентированной. Идеальной моделью в данном случае должно служить гармоничное сочетание элементов модернизации и этнически обусловленных стереотипов поведения, уклада жизни, обычаев, национальных особенностей мироощущения.

Процесс модернизации традиционной культуры связан с инновациями, то есть с привнесенными в нее элементами, заимствованными из других культур. Очевидно, чтобы укорениться, новации должны соотноситься с действующими традициями, в какой-то мере опереться на них. Культурные изменения необходимы, иначе традиционное общество может застыть на определенной ступени исторического развития, «окаменеть». «Здоровые» инновации поддерживают жизненные силы традиционной культуры, однако процесс может быть и иным. Новации, игнорирующие вековые действующие тради-

ции, вносят культурный хаос, ведут к нестабильности и конфликтным ситуациям.

Таким образом, традиции и новации – это две стороны культурного развития, где доминирование либо одной, либо другой приводит к разным культурным вариантам.

Что же такое инновация? Инновация представляет собой новые идеи, модели или действия, направленные на изменение традиционного образа жизни, на выработку нового типа мышления, новых форм деятельности или организации общества. Источником инноваций обычно служат индивид или группа людей, в силу определенных причин выбывающих из данного общества, не принимающих сложившихся норм и традиций. Носителями новых идей, по мнению Б.С. Ерасова, могут выступать или «отдельные творческие личности (пророки, правители, мудрецы, деятели культуры, ученые и т.д.), или новаторские группы, выдвигающие новые идеи, нормы, ориентации и способы деятельности» [18].

Говоря об инновации, ее следует не противопоставлять традиции, а рассматривать как одну из сторон ее функционирования. Развитие культуры, в частности развитие этнической культуры, выражается в процессах инноваций и их стереотипизации. Под инновацией понимается введение новых технологий или моделей деятельности, а под стереотипизацией – принятие этих моделей определенным множеством людей в пределах соответствующих групп.

С.В. Арутюнов отмечает: «Любая традиция – это бывшая инновация, и любая инновация – в потенции будущая традиция. В самом деле, ни одна традиционная черта не присуща любому обществу искони, она имеет свое начало, откуда-то появилась, следовательно, некогда была инновацией. И то, что мы видим как инновацию, либо не приживется в культуре, отомрет и забудется, либо приживется, со временем перестанет смотреться как инновация, а значит, станет традицией» [19].

Соотнесенным с понятием «традиция» выступает понятие «личность». Понятие «личность» претерпело

3.1. Религия в контексте взаимодействия традиций и инноваций

за многие годы значительно выраженные изменения. В России за последние несколько десятилетий этот процесс наиболее нагляден. Так, во второй половине XX века определение понятия «личность» для советского человека выглядело так: «Личность – человек как общественное существо, субъект познания и активного преобразования мира. Личностью является только человек как разумное существо, обладающее речью и способностью к трудовой деятельности». Далее определялся духовный облик личности: «Духовный облик человека представляет собой исторически сложившуюся совокупность наиболее существенных, относительно устойчивых психических свойств: черт характера, темперамента, способностей, одаренности, склонностей, интересов...» [20].

На основе марксистской психологии выдвигалась идея о том, что «физиологической основой психических процессов и свойств личности является высшая нервная деятельность – процессы, протекающие в коре головного мозга, основные закономерности которых вскрыты исследованиями И.П. Павлова» [21]. По мере формирования личности, развития ее самостоятельности увеличивается значение самовоспитания, то есть сознательной работы человека над выработкой своих психических свойств. Отмечалась огромная роль в развитии личности коллектива, и подчеркивалось исключительно важное значение мировоззрения.

За прошедшее время психологи перестали объяснять психические процессы исключительно через высшую нервную деятельность. В общественном самосознании утвердились научные положения о том, что человек по природе своей социален и потому включен в общественное бытие и конкретно в свой этнос, в свою культуру.

Личность постепенно, по ходу истории человечества, выкристаллизовывалась из материи социального, из общества индивидов. Постепенно в истории человечества появляются понятия «индивид» и «общество», которые в преломлении к понятию «культура» приводят к интересным результатам и выводам.

Б.Ф. Поршнев особое внимание уделял категориям «Мы и Они» и «Я и Ты», стремясь при этом показать, что лишь в процессе культурно-исторического развития «Они» персонифицировались в «Он», «Мы» – в «Я», «Вы» – в «Ты» [22].

В современных условиях западное общество поднимает ценность «Я» на исключительную высоту. Так, немецкий социолог Норберт Элиас отмечал: «Для структуры наиболее развитых обществ наших дней характерно, что тому, что отличает людей друг от друга, их Я-идентичности, приписывают сегодня большую ценность, чем тому, что у них есть общего – их Мы-идентичности. Я-идентичность превалирует над Мы-идентичностью» [23].

Личность по своей феноменологии предполагает развитие. Конечно, развитие личности опосредовано системой общественных отношений и осуществляется в процессе воспитания и присвоения человеком основ материальной и духовной культуры. Но вместе с тем это опосредование не исключает возможностей формирования собственных внутренних позиций личности, выходящих за пределы наличных общественных и культурных условий.

В соответствии со своей феноменологией человек существует как минимум в двух присущих ему ипостасях: как социальная единица и как уникальная личность, способная самостоятельно решать проблемные ситуации в политике, экономике, этике, науке, религии и т.д. через индивидуальную систему личностных смыслов и ценностей.

Процесс развития человеческой личности бесконечен. Человек организует свою волю, действуя как существо сознательное. Однако этот процесс зависит не только от индивидуального пути отдельной личности, но и от момента культурно-исторического развития общества, в котором существует человек. Сегодня таким моментом являются этнос, государство и глобализирующийся мир.

В конце XX века гуманитарная наука концентрировалась вокруг феномена этнического возрождения или этнического парадокса современности. Сущность этого

3.1. Религия в контексте взаимодействия традиций и инноваций

феномена состоит в значительном повышении роли этничности в общественных процессах, новой волне повышенного интереса к этнической идентичности, языку, культуре, традициям и образу жизни. Ценностное отношение к традиционному обществу нарастает на фоне интернационализации экономической и социально-политической жизни, глобализации человеческой деятельности, а также международной интеграции современных ценностей цивилизации.

Н.М. Лебедева отмечает, что при разрушении любой (государственной, социальной) идеи, скреплявшей общество, в целях удовлетворения основной потребности человека в определенности на сцену выходит более древняя и устойчивая форма структурирования мира – этническая [24].

Если вслед за Л.Н. Гумилевым рассматривать рождение, жизнь и угасание этносов по аналогии с развитием и бытием индивидуального человека, то, как и в индивидуальной истории человека, в экстремальной ситуации у этноса может произойти регресс – возвращение к более раннему уровню развития. В случае с индивидуальной историей этноса социокультурные катаклизмы приводят к усугублению этнической сплоченности и этническому капсулированию.

Этническое капсулирование связано с исторически сложившимся персистентом, а также со специфической реакцией этноса на новые условия, предъявляемые государством, мировым сообществом, этносами, проживающими в едином геоисторическом пространстве или государственной системе.

Персистент рассматривается как этнические системы, прошедшие все фазы этногенеза и устойчиво находящиеся в состоянии этнического гомеостаза. Как указывал Л.Н. Гумилев, такая система может существовать долговременно, практически не изменяясь, и легко погибнуть от внешнего воздействия [25].

Во взаимодействии между этносами заложены тенденции к обеспечению безопасности. Ч. Дарвин, Л. Леви-Брюль, Б.Ф. Поршнев и др. подчеркивали, что еще в ро-

довых культурах безопасность на эмпирическом уровне была заложена в традиции рода и традиции межродовых отношений.

Сегодня общественное сознание расширило содержание «безопасности» и рассуждает о таких понятиях, как «человеческая безопасность», «национальная безопасность» и др. При этом человеческая безопасность понимается как единство природных и социальных условий существования, обеспечивающих человеку достойную жизнь: благосостояние, свободу и развитие личности.

Национальная (или этническая) безопасность – это единство внешних и внутренних условий существования полиэтнического (или моноэтнического) государства, гарантирующих этносу территориальную целостность и исключающую насильственное изменение конституции, этнической самоидентификации и др. [26].

По вопросу сближения или размежевания народов у современных ученых существует несколько подходов. Среди них особой популярностью пользуется концепция переустройства миропорядка американского политолога С. Хантингтона, который в своей книге «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка» пишет: «В наступающую эру столкновения цивилизаций представляют собой величайшую угрозу всеобщему миру, и международный порядок, основанный на цивилизациях, является самой надежной защитой против мировой войны» [27].

С. Хантингтон предрекает, что цивилизационный миропорядок не только не сохранит мира, но углубит взаимную отчужденность огромных людских масс (в основном по признаку религиозности) и приведет к цивилизационному столкновению. Неизбежным условием цивилизационного миропорядка станет акцентирование различий между народами и их религиями. Идея безопасности в этих условиях будет только отчуждать народы друг от друга.

Однако в истории человечества есть также культуры, которые в течение веков не обнаруживали податливости к чужеродным влияниям. К примеру, А. Шлезингер пи-

шет: «...наука и технология революционизируют нашу жизнь, но наши действия обусловлены памятью, традицией и мифом» [28].

Таким образом, традиционное общество в наше время поставлено перед дилеммой: остаться традиционным и капсулироваться, чтобы сохранить свою идентичность, или становиться современным и интегрироваться в общечеловеческую культуру.

Особый интерес сегодня представляет изучение этнического самосознания людей в таких регионах России, где проживают русские и другие народы со своей традиционной культурой, не совпадающей в вероисповедании.

Рассмотрение особенностей аккультурации, сопряженных в одном геоисторическом пространстве, этносов с мировым сообществом и друг с другом в условиях традиционного межэтнического взаимодействия – актуальная проблема для всех наук о человеке. И наряду с проблемами аккультурации в мировом сообществе целых этносов встает проблема аккультурации отдельного человека, причем здесь особенно важно решение вопроса – что дадут каждой отдельной личности последствия глобальной аккультурации при взаимодействии цивилизаций.

Этническую аккультурацию можно рассматривать как процесс и результат взаимовлияния национальных культур. Формы обмена культурной информацией между этносами весьма разнообразны.

Аккультурация, как показывают исследования, ведет к ассимиляции, интеграции, сепарации, маргинализации. Ассимиляция выступает как отказ от своей культурной идентичности и традиций и переход в более крупное общество.

Интеграция подразумевает сохранение некоторой культурной целостности группы (то есть реакцию на перемены или некоторое сопротивление переменам) и стремление стать неотъемлемой частью большого общества (то есть некоторое приспособление, или адаптацию). Когда такая стратегия широко распространяется, тогда появляется несколько разных этнических групп, сотрудничающих внутри большой социокультурной системы.

Как отмечает В.С. Мухина, когда образец поведения навязывается доминирующей группой, тогда возникает сегрегация с тем, чтобы держать людей из другой, недоминирующей, группы «на своем месте». С другой стороны, сохранение традиционного стиля жизни вне полного участия в жизни большого общества может быть желанным для аккультурационной группы и, таким образом, вести к независимому существованию, как в случае с сепаратистскими движениями [29].

Сложно дать точное определение маргинализации, поскольку она сопровождается коллективными стрессами. Это характеризуется выступлением против общества, чувством отчуждения, потерей идентичности, т.е. тем, что Дж. Бери, Р. Аннис и др. называют «аккультурационным стрессом» [30]. При маргинализации группы теряют культурный и психологический контакт как со своей традиционной культурой, так и с культурой всего общества. Аккультурационный стресс предполагает ряд стрессовых ситуаций, которые включают в себя конфликт и часто выливаются в новые формы поведения, затрагивающие повседневную жизнь индивида.

Маргинализация выступает следствием и индикатором кризиса идентичности (групповой или индивидуальной) и может актуализироваться на уровне:

- статуса (формы существования);
- явления (особой субкультуры в области взаимодействия различных социальных групп);
- ситуации, складывающейся на стыке несходных форм социального бытия;
- дискретности социальной регуляции поведения;
- и, наконец, разрушения этнокультурных стандартов (так называемая «этнокультурная маргинальность»).

Этномаргинальной принято считать личность, находящуюся на условной границе между двумя или более этносами, ни в одном из которых она не признается полностью своей. Соответственно, к этномаргинальной группе или слою относятся люди, чья социализация прошла в рамках двух культур, двух систем ценностей, двух стереотипов поведения, то есть все те, кто явля-

3.1. Религия в контексте взаимодействия традиций и инноваций

ется носителем различных ценностно-культурных стереотипов поведения. Маргинальная группа, как и маргинальная личность, находясь на границе двух культур, имеет идентификацию с каждой из них и одновременно утверждает собственную систему ценностей и норм. Для этой группы с ее неопределенным статусом и неустойчивым положением характерна внешняя и внутренняя противоречивость и, как следствие, потенциальная поливекторность действий.

Рядом ученых были предприняты попытки выделить культурные и психологические факторы, влияющие на появление аккультурационного стресса. Был сделан вывод, что очень часто во время аккультурации возникают проблемы, которые зависят от многообразия групповых и индивидуальных характеристик, входящих в процесс аккультурации. Появление аккультурационного стресса обусловлено не только присутствием источников стресса, но и стратегиями приспособления и ресурсами индивида; для индивидов, способных адаптироваться, наличие источников стресса не приведет к аккультурационному стрессу, а для тех, кто не способен адаптироваться, аккультурационный стресс может быть достаточно сильным. Наименьший потенциал к стрессу связан с интеграцией, наибольший – с маргинализацией, в то время, как ассимиляция и сепарация находятся посередине. На появление аккультурационного стресса также влияют исходные здоровье, возраст, образование, социальная поддержка и реакция на общественные изменения.

При этом можно выделить два аспекта адаптации – психологический и социокультурный. Психологическая адаптация состоит из психологических последствий, включая ясное понимание личностной и этнической идентификации, хорошее душевное здоровье и общую способность достигать чувства личного удовлетворения в обществе пребывания. Социокультурная адаптация – из личностных последствий, которые связывают индивида с новой социокультурной реальностью, что включает в себя способность справляться с ежедневными пробле-

мами в новом культурном окружении, особенно в сферах семейной жизни, работы и учебы.

Сегодня аккультурация обретает новые масштабы и способы на уровне взаимодействия цивилизаций в современном глобальном мире. Этническая идентификация, проявляясь в истории на основе самоопределения этнической принадлежности через межэтнические отношения с представителями других этносов в условиях единого геоисторического пространства, в современной ситуации подпадает под влияние не столько ближайших соседей, сколько под глобальные идеи и практику всеобщей интеграции ценностей наиболее «развитых» цивилизаций. По мысли Н. Элиаса, «есть однозначные признаки того, что идентификация людей выходит за рамки государственных границ и наступает время групповой Мы-идентичности на общечеловеческом уровне» [31]. Однако в этом процессе важно, чтобы были созданы условия для развития чувства личности каждого отдельного человека.

Для того чтобы определить положение личности в современном обществе, необходимо выделить еще один компонент – культурные константы [32]. Мы назовем их базовыми этнокультурными характеристиками. Именно их выделение, на наш взгляд, поможет полнее обозначить современную личность в полиэтничном и поликонфессиональном поле, которым предстает Северный Кавказ в целом.

Базовые культурные характеристики — это комплекс, на основе которого человек смотрит на окружающий мир, основные парадигмы, определяющие возможность и условия действия человека в мире, вокруг которых выстраивается в его сознании вся структура бытия. Благодаря им человек получает такой образ окружающего, в котором все элементы мироздания структурированы и соотнесены с самим человеком. М. Коул пишет, что «центральной посылкой культурно-исторической психологии является утверждение о существовании глубинной связи между конкретным окружением, в котором существует человек, и фундаментальными отличительными катего-

риями его разума: окружение человека наполнено приспособлениями, орудиями (адаптациями) поведения предыдущих поколений в овеществленной и (в значительной степени) внешней форме» [33].

Можно также утверждать, что окружение человека наполнено «приспособлениями, орудиями (адаптациями) поведения», имеющими идеальную форму. В этом прежде всего и состоит «функция культуры как специфического средства человеческой адаптации». Э. Маркарян отмечал: «Этнические культуры представляют собой исторически выработанные способы деятельности, благодаря которым обеспечивалась и обеспечивается адаптация различных народов к условиям окружающей их природной и социальной среды» [34].

Комплекс базовых культурных характеристик следует понимать как совокупность представлений о способе и характере действия человека в мире. Культурные константы не субстанциональны, то есть касаются не самих по себе объектов мироздания, а операциональны и относятся к образу действия человека по отношению к объектам мироздания. Культурные константы одновременно и провоцируют нашу активность в мире, и направляют ее, и предопределяют наше восприятие мира. Это когнитивная схема, которая охватывает целостный образ мира, отражая взаимоотношения его объектов. Но будучи идеациональной схемой, она специфична для каждой культуры и не может претендовать на объективность. Она лишь может создавать у своих носителей иллюзию объективности картины мира, построенной на ее основе.

Реконструкция системы культурных констант будет выглядеть как динамическая модель взаимодействия «образов»; и культурными константами являются именно эти взаимосвязи, взаимозависимости. Человек строит свое поведение как бы внутри этой системы взаимосвязей и взаимодействий, ощущая себя одним из компонентов этой находящейся в непрерывном движении системы. Именно такое видение мира формирует культура.

Базовые культурные характеристики в одном своем аспекте представляют когнитивные артефакты, а в дру-

гом выступают как мотивационные схемы и установки, определяющие избирательность восприятия и направленность действия. Культура задает такие парадигмы восприятия, что все объекты внешнего мира либо встраиваются в выработанные ею образы, подвергаясь при этом трансформациям различной степени, либо вовсе не воспринимаются человеком. Меняется жизнь социокультурной системы, меняются культурные, политические, экономические условия, в которых он живет. А значит, меняется и тот внешний опыт, который народ должен воспринимать и упорядочивать.

Картины мира будут сменять друг друга, но благодаря этническим константам их структура в своем основании будет оставаться прежней. Конкретное наполнение этих парадигм может меняться, и тогда возникают новые модификации образа мира. Но их наполнение в любом случае будет таким, что общие характеристики этих образов, представления о модусе действия останутся неизменными. Это константы, вокруг которых и кристаллизуется этническая традиция в различных ее вариантах.

Базовые культурные характеристики не осознаются человеком. Они – инструмент упорядочения и рационализации опыта, полученного из внешнего мира. Та картина мира, которая выстраивается в сознании людей на их основе, может быть подвергнута критике, но сами культурные постоянные никогда не становятся для человека предметом суждений. Здесь свою роль играют защитные механизмы человеческой психики. Благодаря их действию базовые культурные характеристики не обнаруживают своего содержания непосредственно в сознании своих носителей. Они проявляют себя в максимально конкретизированной форме – в виде представлений по поводу каких-то определенных проблем или объектов. Этнические константы проявляются как представления о наиболее удобном способе действия в данном случае. Более того, формы конкретных проявлений этнических констант могут быть столь разнообразны, что увидеть за ними общую закономерность порой действительно трудно. В случае очевидного противоре-

3.1. Религия в контексте взаимодействия традиций и инноваций

чия базовых культурных характеристик реальности под угрозу ставятся не сами этнические константы, а конкретные формы их выражения. Некая поведенческая норма может быть откинута индивидом или обществом как несостоятельная, но бессознательная подоплека этой нормы остается не задетой и находит свое отражение в других формах. В период смены модификаций традиционного сознания этнические константы просто меняют свою форму.

В своей совокупности базовые культурные характеристики представляют собой как бы модель действия общества людей в мире. При этом и сама социокультурная система подлжит восприятию через определенные парадигматические формы. Поэтому модель действия человека или сообщества людей – это модель человеческого взаимодействия.

Каждая социокультурная система в какой-то мере адаптирует более широкую культурную традицию, но сами по себе базовые культурные характеристики нейтральны по отношению к той или иной ценностной ориентации. Какую систему ценностей принимать – волен выбирать человек. Культура детерминирована потребностью человека в психологической адаптации, так же как деятельность по жизнеобеспечению социокультурной системы детерминирована его потребностью в физиологической адаптации к окружающей среде. Таким образом, этническую картину мира можно рассматривать как производную от базовых культурных характеристик этноса, с одной стороны, и ценностных ориентаций – с другой. Этнические культурные постоянные неизменны на протяжении всей жизни данной социокультурной системы, а ценностная ориентация может меняться, она является результатом свободного выбора людей.

Наличие у различных членов социокультурной системы и их социально-функциональных групп различных ценностных ориентаций неизбежно ведет к тому, что социокультурная система имеет не единую картину мира, а комплекс взаимосвязанных миров, однако эти миры

имеют один и тот же фундамент – систему базовых культурных характеристик. Например, в культуре может существовать некоторый константный с точки зрения технологических, несодержательных характеристик «образ покровителя», но на кого этот образ будет перенесен, зависит от идеологических доминант носителей данных культурных постоянных.

Безусловно, сегодня сознание северокавказских народов необходимо рассматривать в контексте перехода от традиционного общества к современному, поскольку за несколько столетий традиционная культура была, образно говоря, «атакована» различного рода новациями современной культуры. Эти новации были связаны с политической историей России и Северного Кавказа, а также с «подключением» этнических культур к «осевым культурам» через принятие христианства и ислама.

Этот последний факт отнюдь не означает, что представители северокавказских этносов полностью воспринимали ценности этих мировых религий, однако знакомство с ними значительно раздвигало горизонты этнической истории и давало возможность приобщения к мировой культуре и посредством культуры российской, и посредством культуры других народов, игравших заметную роль на всемирной арене.

Примечания:

1. *Eisenstadt Sh.N.* Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency // *International Social Science Journal*, August 1992. – V. 44. – № 133. – P. 151.

2. *Лурье С.В.* Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 88.

3. *Осинова О.А.* Американская социология о традициях в странах Востока. – М., 1985. – С. 88.

4. Там же. – С. 22–23.

5. Там же. – С. 97.

6. *Эйзенштадт С.* Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // *THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем.* – 1993. – Т. 1. – № 2.

7. *Eisenstadt Sh.N.* Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency // *International Social Science Journal*, August 1992. – V. 44. – № 133. – P. 51–52.

3.1. Религия в контексте взаимодействия традиций и инноваций

8. *Shils E. Centre and Periphery* // Polany M. (ed.). *The Logic of Personal Knowledge: Essaus.* – London, 1961. – P. 117; *Лурье С.В.* Историческая этнология. – С. 183.

9. *Осипова О.А.* Американская социология о традициях в странах Востока. – С. 97.

10. *Орлова Э.А.* Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994. – С. 151.

11. *Montgomery Walt.* *Islamic fundamentalism and Modernity.* – L & N.-Y.: Routledge, 1988.

12. *Ahmed A.* *Discovering Islam: Making Sense of Muslim History and Society.* – Routledge: L & N.-Y., 1988. – 345 pp.

13. *Маркарян Э.С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. – 1981. – № 2-3. – С. 87.

14. *Чистов К.В.* Традиция, «традиционное общество» и проблема варьирования // Советская этнография. – 1981. – № 2-3. – С. 106.

15. *Левада Ю.А.* Традиция // Философская энциклопедия. – М., 1970. – Т. 5. – С. 253.

16. *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука. – М., 1983.

17. *Шевелев В.Н.* Северокавказский социум: модернизация, традиционность, маргинальность // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: возможность и границы совместности: Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ/ отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – Вып. 23. – С. 222-241.

18. *Ерасов Б.С.* Социальная культурология: в 2-х ч. – М., 1994. – С. 302.

19. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. – М., 1989. – С. 160.

20. Большая советская энциклопедия. – Второе издание. – М., 1954. – Т. 25. – С. 304.

21. Там же.

22. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. – 2-е доп. и испр. изд. – М., 1979.

23. *Элиас Н.* Общество индивидов. – М., 2001. – С. 217.

24. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М., 1999. – С. 11.

25. *Гумилев Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы. – М., 1993. – С. 513.

26. *Мухина В.С.* Личность и этносы в условиях столкновения цивилизаций // Мир психологии. – 2001. – № 4. – С. 117.

27. *Huntington S.* *Clash of Civilization and the Piemakind of World Order.* – N.-Y.: Simon and Shustor, 1996. – P. 321.

28. *Шлезингер А.* Циклы американской истории. – М., 1992. – С. 11.

29. Мухина В.С. Личность и этносы в условиях столкновения... – С. 123.

30. Там же.

31. Элиас Н. Общество индивидов. – М., 2001. – С. 323–324.

32. Лурье С.В. Культурные константы, обобщенный сценарий и функционирование социокультурных систем. [Электронный ресурс]. URL: <http://svlourie.narod.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

33. Коул М. Культурные механизмы развития // Вопросы психологии. – 1995. – № 3. – С. 3.

34. Маркарян Э.С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений // Методологические проблемы этнических культур: Мат. симпозиума. – Ереван: Изд-во АН АССР, 1978. – С. 9.

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

ощным механизмом интеграции локальных цивилизаций, в том числе и северокавказской, выступает религия. Ее регулятивно-нормативная этическая и правовая составляющие оказались созвучными многим традиционным ценностям северокавказского суперэтноса. Системы традиционной морали обычного права были органично дополнены христианством и исламом, что позволило конституировать единый правовой и моральный кодекс. Религия адыгов, являясь подсистемой культуры, в рамках этой подсистемы формирует картину мира. Как правило, она дает однозначные ответы на «вечные» вопросы человеческого бытия.

Религия – определяющий структурообразующий фактор каждой локальной цивилизации. Например, буддизм, даосизм, конфуцианство являются образующим фактором китайской цивилизации, синтоизм – японской. На формирование и развитие локальных цивилизаций оказывают влияние и другие ее компоненты: культура, традиции и т.д.

Социальная значимость религии как интегрирующей функции особенно важна. Объединяя людей в рамках

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

санкционированного ею мировоззрения, сложившегося под влиянием социальных, этических и духовных ценностей, любая религиозная концепция освещает сложившиеся нормы и существующие порядки и тем содействует социальной, идейной и политической интеграции. На ранних этапах развития общества это наиболее наглядно проявляло себя в феномене этноцентризма: любая этническая общность, объединенная системой единых верований, ритуалов, обрядов и мифов, считала именно свою систему норм эталоном, отклонение от которого в рамках данной общности считалось недопустимым, а в других общностях – достойным осуждения. С развитием общества формы и значимость этой функции становились более разнообразными. Религиозные нормы переставали быть этническими. Однако суть функции религии от этого не менялась: преданность той или иной системе религиозных норм и поныне имеет огромное интегрирующее значение, считаться с которым необходимо.

Важной функцией религии является регулирующе-контролирующая. Раз возникнув и сформировавшись, приобретаю устойчивые структурные очертания, создавая идейные догматы и практические методы воздействия на мышление и поведение людей, религия приспособливается к своим потребностям (либо создает заново) соответствующие ее нормам системы духовных и этических ценностей, ритуалы и церемониал, праздники и обряды, стереотипы поведения и т.д. В этой функции религия вплотную смыкается с культурной традицией, осуществляя над ней верховный идеологический контроль, регулируя ее принципы и практику.

Религия как автономная система тесно связана с этнокультурной традицией, причем эта связь, по меньшей мере, на первых порах определяет незыблемость ее авторитета. Религия опирается на традицию, т.е. на опыт сотен поколений, придает ее нормам сакральный характер и тем превращает их в жесткий стандарт поведения, в обязательный стереотип. А национально-культурная традиция с ее мощной консервативной инерцией создает ту силу внутренней устойчивости и сопротивляемос-

ти внешним воздействиям, которая отличает религию как систему и обеспечивает ее автономию, ее внутреннюю детерминированность. Будучи включенной вместе с собственно религиозными идеями и институтами в единую комплексную систему (религию в широком смысле слова), традиция создает ту мощную основу, которая предохраняет ядро культуры от разрушения под воздействием внешних сил. Именно в этом состоит обратное воздействие религии на характер культуры.

Во все времена народы, проживающие в Северо-Кавказском регионе, отводили силам природы одно из главенствующих мест в системе представлений о сверхъестественном мире. Страх перед стихийными бедствиями и зависимость от природных явлений во все времена влияли на религиозные чувства кавказских народов. Все это способствовало укоренению язычества. Вопреки распространенному мнению время так и не смогло окончательно вытеснить из духовного мира горцев языческие верования.

Первый этап становления религии выразился в языческих формах восприятия окружающего мира. Эта форма религиозного сознания на протяжении длительного процесса истории была доминирующей.

К примеру, если говорить о язычестве у адыгов, то его можно охарактеризовать как сложившуюся спонтанно, самостоятельно, без всякого силового давления извне систему мировосприятия, которая наработана самим народом, самим этносом. Это один из важных параметров понятия адыгской ментальности. Система языческих представлений сформировала мировосприятие адыгского этноса. Здесь остались свои традиции, своя система представлений.

Древние самобытные верования служили в качестве важного средства их идентификации и были одним из определяющих факторов сохранения традиционной культуры, специфических особенностей общественно-семейного и бытового уклада. Выполняя социально-ментальную функцию, языческая религия выступала в обществе как форма определенного мироощущения. Языческая рели-

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

гиозная саморефлексия укореняет, встраивает индивида в природную, космическую стихию.

Таким образом, в основе ментальности язычника лежит живая связь с природной средой, она определяет его отношение к миру. Все вокруг живет и развивается по строго выработанной системе, а люди своими действиями не должны нарушать ее. К примеру, говоря о языческом мировоззрении адыгов, можно отметить, что оно определяет осмысление человека как части природы и космоса. Представления о взаимосвязи, родстве людей с миром богов и духов обуславливают и веру в необходимость соблюдения определенных норм поведения, которые обеспечивают сохранение сложившихся отношений со сверхъестественными существами. Нарушение установленных правил, по воззрениям древних адыгов, вызывает недовольство богов и духов и приводит к дисгармонии, проявляющейся в возникновении болезней, эпидемий, стихийных бедствий. Адыг стремится к бесконфликтному положению в системе мира, стремится не изменять устоявшихся связей с природой и обществом.

О времени и путях распространения христианства у адыгов среди исследователей нет единого мнения. Существует несколько гипотез («византийская», «тмутараканская» и «грузинская»), а, кроме того, рассуждения по данной проблеме встречаются и в текстах представителей Русской православной церкви.

Так, архиепископ Харьковский Макарий, ссылаясь на свидетельства монаха Епифания (VIII в.), писал: «Первые семена христианства были занесены сюда еще в I веке благодаря апостольской деятельности святых Андрея Первозванного и Симона Кананита в причерноморских греческих колониях Кавказа. Отсюда христианство проникло и в среду заселявших Северный Кавказ адыгов (черкесов). По церковному преданию, святой апостол Андрей в 40-м году н.э. проповедовал христианское вероучение среди горских народов: алан, абазгов и зикхов». В кратком «Житии Святых», составленном в XI в. Георгием Мтацмидели, также утверждается этот факт. О таком

пути проникновения христианства к адыгам пишет и Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. Наиболее предпочтительной из всех версий является так называемая «византийская» [1].

В начале средневековья Византия предпринимает большие усилия для насаждения христианства в Северном Причерноморье и на Кавказе. Уже в начале IV в. христианство проникает на Боспор: в 1898 г. в Керчи было найдено христианское надгробие с именем Евтропия и датой 304 г.; на Вселенском соборе в Константинополе в 325 г. присутствовал епископ Боспора Кадр [2]. Как пишет митрополит Гедеон, «...территория, занятая адыгами, в духовном отношении подчинялась четырем епархиям, епископы которых назначались Византией. В Зихии эти епархиальные центры находились в Фанагории, Метархе (Таматархе), Зикополесе и Никопсе. Имеются сведения об участии епископов Фанагорийского и Зихийского в церковных соборах в начале VI века. В документах Царьградского Собора 519 г. стоит подпись епископа Фанагорийского Иоанна, а в материалах Константинопольского Собора 526 г. встречается имя Зихийского епископа Дамиана» [3].

Распространение христианства среди адыгов также связано с именем греческого императора Юстиниана, правившего Византией в VI в. Об этом сообщает Ш. Ногмов, называя Юстиниана «союзником адыгейского народа» и «адыгейским витязем». Отмечая, что «в древности наш народ никогда не клялся именем всевышнего существа, но произносил для подтверждения истины имя уважаемого человека», Ш. Ногмов также подчеркивает, что адыги так уважали Юстиниана, что даже клялись «Юстиниановым столом» и «Юстиниановым троном» [4]. Может показаться сомнительным предположение, что успех христианства среди адыгов связан с именем этого греческого императора, но, учитывая, какое большое значение для них имел авторитет конкретной личности, это предположение нельзя полностью игнорировать. Хотя, видимо, религиозный фактор способствовал укреплению политического союза с Византией.

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

На рубеже VII–VIII вв. центром христианства на Северо-Западном Кавказе являлась Никопсия. Вместе с Боспорской эта епархия называлась Зихской и упоминается в епископском списке, составленном в 807–815 гг. В исследовании Л.И. Лаврова мы находим сообщение автора того времени монаха Епифания, который характеризует зихов (приморских адыгов) как «народ жестокий и варварский и донныне наполовину неверующий», а о касогах (закубанской части адыгов) пишет: «Это люди кроткие и доступные вере; они с радостью приняли слово проповеди» [5]. Из этого можно сделать вывод, что на рубеже VIII–IX вв. христианство значительно распространилось среди касогов, в то время как зихи еще мало поддались проповеди новой для них религии.

В X–XII вв. адыги продолжали поддерживать церковные связи с Византией. Это подтверждают и церкви, построенные и функционировавшие в то время. Кроме того, несомненно, культурно-религиозное влияние на соседние адыгские племена оказывала и Тмутаракань, являвшаяся в X–XI вв. крупным очагом христианства на Кавказе. Успешному распространению этой религии у адыгов способствовала также Абхазия, что было связано с этнической и культурной близостью адыгского и абхазского народов. Видимо, через Абхазию свое влияние на адыгов оказала и Грузия (как известно, в X в. было образовано Грузино-абхазское государство): «Грузинская царица Тамара (1184–1212) и ее дочь Русудана (1212–1227) пытались упрочить свое влияние среди адыгов распространением христианства. Имя царицы Тамары было необычайно популярно среди всех горцев» [6].

С XIV в. на Северном Кавказе стало распространяться католичество, что было связано с генуэзскими и венецианскими факториями на побережье Черного и Азовского морей. Известно, что в 1349 г. адыг Жан де Зики был посвящен папой римским в архиепископы; католиком, очевидно, был и адыгейский князь Миллен (или Верзахт), с которым папа римский общался в 1329 и 1333 гг. [7].

Успехи католических миссионеров были незначительны, и католичество принимали лишь отдельные черкес-

ские князья. Оно не смогло пустить на Северо-Западном Кавказе глубокие корни, поскольку ему противостояло достаточно укрепившееся здесь православие, а с захватом гегуэзских факторий османами в 1475 г. и вовсе прекратилась деятельность в этом крае католических проповедников.

В середине XVI в., как сообщает Г. Интериано, «черкесы исповедовали христианскую веру и священников имели по греческому обряду... Попы служат по-своему словами и письменами греческими, которых сами не понимают» [8].

В период экспансии России на Кавказе наблюдается также целенаправленная тенденция к распространению христианства среди адыгов, которая получила некоторые положительные результаты.

В ряду тех усилий, которые предпринимались российскими властями, было крещение беглых адыгов (в основном из Черкесии и Кабарды). А.Т. Керашев выделяет несколько этапов в этом процессе [9]. Первый (начало XVIII в. – 1771 г.) соответствует принципу невыдачи беглых рабов и крепостных крестьян, принявших христианство, что было официально подтверждено указом Сената от 23 декабря 1759 г. Важнейшим условием было предоставление свободы за «восприятие греко-российского вероисповедания», а официальный указ 1743 г. усилил волну беженцев. Так, в 1764 г. в Моздоке насчитывалось более 200 новокрещенных поселенцев.

Второй этап (1771–1792 гг.) связан с изменением статуса Кабарды, вошедшей в состав Российской империи. В 1777 г. по указу Екатерины в Моздоке была учреждена духовная комиссия, созданная с целью крещения осетин и черкесов.

Третий этап (1792–1882 гг.) закончился переходом незначительного числа кабардинцев Кизляра и Моздока в христианство.

«Попытки царского правительства ограничить и систематизировать порядок обращения беглых мусульман в православие, – пишет А.Т. Керашев, – не имели существенных последствий. Политические интересы России на

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

Кавказе обуславливали потребность активного использования мер идеологического воздействия на горцев. Не случайно власти стремились расширить возможности мусульман в восприятии христианства, чему соответствовало содержание дарованной кавказской шотландской колонии грамоты 25 декабря 1806 г. В ней определялось: «Всякому кабардинцу, черкесу или другому магометанину или язычнику из людей свободных дозволяется принять вероисповедание колоний и сделаться членом оной с согласия управы». Лично зависимым мусульманам разрешалось обращение в «шотландскую веру» (пресвитерианство) при условии согласия их владельцев» [10].

Дальнейшие попытки крещения адыгов не получили широкого распространения. Обострившееся политическое противостояние в период Кавказской войны усилило позиции ислама, прочно закрепив «психологическую оппозицию и этнические стереотипы» на Западном Кавказе [11]. Однако, как справедливо отмечает Э.Х. Панеш, адыги-христиане сыграли нейтрализующую роль в конфессиональном противостоянии. Исторические, культурные и генетические связи с абхазами, большая часть которых исповедует христианство, а также ряд факторов (особенности географического положения западных адыгов, переселение большей части населения за пределы Кавказа и т.д.) не перевели конфессиональную принадлежность в конфликтное русло.

Вполне очевидно, что не став господствующей формой религиозного сознания в слабоконсолидированном адыгском обществе, христианство было приспособлено к местным условиям и получило своеобразное развитие, будучи включенным в рамки первобытных верований. Не вступая в конфликт с политеизмом адыгов, христианские догмы были восприняты как естественное продолжение традиционных народных верований. Христианство укрепилось здесь не на уровне догматического учения, а на уровне обрядности. Внешняя сторона богослужения действовала на воображение адыгов, но это совершенно не коснулось их нравственных понятий и внутренней

жизни, основанных на принципах адыгагъэ. Например, не подверглись никаким изменениям под воздействием соответствующих церковных положений супружеские отношения адыгов.

В особенностях национального характера адыгов имеет, вероятно, свою основу традиция, идущая с давних времен, о которой пишет Дж. Интериано. Он отмечает, что адыги крестились не ранее 8-ми лет простым кроплением и благословением духовного лица. Горцы-воины вовсе не входили в храм для молитвы лет до 60-ти, считая, что, занимаясь разбоями и наездничеством, они не достойны участвовать в богослужении, и, пока не оставляли наездничества, стояли во время молитвы возле храма верхом на лошадях [12].

Здесь, видимо, можно говорить о благоговейном отношении адыгов к таинственному, сакральному, божественному, к тому, к чему они обращались на склоне лет, как бы подводя итог жизни, задумываясь о наказании или прощении в потустороннем мире и, следовательно, испрашивая у Бога милости. Уместно, на наш взгляд, провести параллели с современностью. И сейчас среди адыгов наблюдается такая картина: особенно серьезно к вопросам веры начинают относиться люди, достигшие преклонного возраста; они читают Коран, добросовестно совершают намаз, собираются небольшими группами для обсуждения религиозных вопросов и т.д.

Конечно, подобные факты можно объяснить с точки зрения человеческой психологии: чем ближе человек к смерти, тем больше он начинает думать о боге. Но, например, у таких кавказских народов, как чеченцы, ингуши, лезгины, серьезное приобщение к религии и исполнение ее обязательных требований начинаются, в основном, с раннего возраста, точнее, с 7 лет.

Таким образом, христианство и его обряды воспринимались адыгами сквозь призму традиционного уклада жизни, их нравственных устоев и национального этикета. И именно таким же образом адыги восприняли ислам.

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

Исламизация адыгских племен проходила в сложных исторических условиях. Несмотря на то, что распространение ислама на Северном Кавказе началось еще в VII–VIII вв., к адыгам эта религия проникла намного позже. Исторические факты дают нам возможность определить несколько этапов принятия ислама адыгами. Первый из них связан с татаро-монгольскими завоеваниями на Северном Кавказе в конце XIV–XV вв. (ислам в Золотой Орде был широко распространен с XIII в.). На данном этапе попытки исламизации адыгов не имели успеха, поскольку мусульманская религия являлась для них религией врага.

В это же время (XV в.) свои завоевания на Черноморском побережье начала Османская империя, положившая этим самым конец деятельности в этом регионе христианских проповедников. Как сообщает В. Кудашев, христианская вера начала уступать место исламу и «была окончательно уничтожена в 1717 г.» [13]. С этим утверждением трудно согласиться, поскольку даже во второй половине XVIII в. не все кабардинцы, первыми подвергшиеся процессу исламизации, были мусульманами. Об этом сообщают как архивные, так и другие источники, в частности, воспоминания глубоких старцев. Так, один из вольноотпущенников Ш. Ногмова Дагаза (умер в 1879 г. в возрасте 127 лет) рассказывал, что в пору его юности «часть кабардинцев была христианами», и, когда в семье варилась пища, котел разделяли доской пополам, в одной половине варилась баранина, в другой – свинина, так как «молодежь была обращена в магометанство», а «старики же держались христианской религии». По его рассказам, в Кабарде жило много христиан-адыгейцев, но во второй половине XVIII в. «турецкие муллы обратили их в магометанство, не запрещая, впрочем, старикам-фанатикам исполнять догматы христианской веры» [14].

Следующий этап укрепления ислама у адыгов связан, на наш взгляд, с историческими событиями XVI–XVII вв., когда на Северном Кавказе столкнулись политические интересы России, Турции, Крымского ханства, а также Ирана. Мусульманские государства использовали ислам

в качестве средства подчинения адыгов своему влиянию; Россия, в свою очередь, пыталась упрочить позиции христианства. Политическая раздробленность адыгов привела к тому, что одна группа адыгских феодалов ориентировалась на Крым, другая – на Турцию, третья – на Россию. Мусульманство принимала в то время, главным образом, знать, рядовое же черкесское население продолжало придерживаться христианства и своих древних языческих верований.

И все же на этом этапе в религиозном миропонимании адыгов, безусловно, произошли определенные переосмысления под воздействием активно распространявшегося ислама суннитского толка. Но, как и христианство, адыги исповедовали его формально. Беспокойная, «походная» жизнь делала их плохими мусульманами, а недостаток в образованном духовенстве лишал их возможности основательного изучения исламской религиозной догматики.

С принятием ислама в религиозном сознании адыгов стали уживаться вместе языческие, христианские и мусульманские представления. Сложившуюся религиозную картину можно охарактеризовать как религиозный синкретизм, причиной и основой особенностей которого послужила верность традициям, закреплённая в системе адыгскости. На наш взгляд, у адыгов синкретизм выступал не как случайное смешение некоторых элементов различных религий, а как бессознательный отбор того, что было более приемлемо для народа, способствовало сохранению и развитию того склада народного характера, зарождение которого отразилось в эпосе «Нарты» и который, приобретя устойчивость, стал институтом самоидентичности народа и личности и закрепился в языке, фольклоре, обычаях и традициях.

Основным этапом, этапом массового принятия ислама адыгами стало трагическое событие в истории Кавказа – Кавказская война (конец XVIII в.).

Не описывая подробно исторические события того периода, мы выделим несколько моментов, касающихся утверждения ислама у адыгов. Один из них связан с име-

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

нем шейха Мансура, выдающегося человека в истории Северного Кавказа. Многие историки писали и пишут о его жизни и религиозной деятельности.

Общеизвестны факты, что проповеди и призывы Мансура имели большой успех у чеченцев и кабардинцев. Мало сведений было о деятельности шейха Мансура среди западных адыгов, но перевод на русский язык книги Эдмонда Спенсера «Путешествия в Черкесию», сделанный в 1993 г., дал нам возможность узнать, что имя Мансура было известно и почитаемо у темиргоевцев и шапсугов. Они называли его «наш прекрасный пророк и вождь Эвлиях («эвлия» – святой) Мансур» [15]. Подчеркивая успехи шейха Мансура в борьбе против русских войск, Э. Спенсер пишет: «Однако, вероучение пророка Кавказа базировалось более на христианских, чем на мусульманских доктринах, и лишено было, в значительной части, нелепых суеверий, внедренных последними; в то время как терпимость, с которой он рассматривал все системы веры, имела эффект консолидации... и способствовала в немалой степени увеличению числа его сторонников» [16]. Конечно, нельзя полностью согласиться со Спенсером, тем более хорошо известно, что религиозная программа шейха Мансура была основана на нормах шариата, Коране и хадисах. Но факт увеличения числа сторонников Мансура и, как следствие, увеличение числа мусульман среди адыгов неоспоримы.

К середине XIX в. ислам исповедовали почти все этнические группы адыгов. Основная масса адыгского духовенства получала духовное образование на местах, в примечетских духовных школах – медресе. Многие служители ислама до середины XIX в. присылались из Турции и Крыма. Высокое звание эфенди (или кади – у адыгов) давалось верховным муфтием – главой мусульманского духовенства, проживавшим в Стамбуле. Своеобразным центром по подготовке кадров духовенства для мусульманского населения Северного Кавказа был Дагестан (например, духовное образование в Дагестане получил Ш. Ногмов). По данным Хан-Гирея, в 30-х годах

XIX в. в Кабарде насчитывалась 101 мечеть, у темиргоевцев – 7, хатукаевцев – 9, махошевцев и бесленеевцев – по 1. Также мало мечетей имели абадзехи, шапсуги и натухайцы [17]. Хороших соборных, с минаретами, мечетей в Черкесии не было. Их число стало быстро расти во второй половине XIX – начале XX вв. Так, у адыгов, проживающих в Кубанской области, в 1912 г. было: мечетей – 210, медресе – 42, духовенства – 474 человека [18].

Следует отметить, что распространение ислама вширь и вглубь среди адыгов происходило в период больших социальных перемен и роста классовых противоречий. Ему способствовало усиление процесса феодализации адыгского общества и воздействие внешнеполитических событий, в связи с чем мусульманское духовенство добивалось больших успехов тогда, когда проповедовало две идеи ислама: во-первых, всеобщее равенство мусульман перед Аллахом, а во-вторых, священную войну против немусульман. Идея равенства настойчиво и в различной форме проводится в Коране и Сунне. Известно, что исламу чужды формальные различия между людьми по социальным или этническим признакам, имущественному положению, не признает он и сословных делений. Предпочтение отдается тем, кто более привержен вере: «Ведь самый благородный из вас пред Аллахом – самый благочестивый» [Коран, с. 49, а. 13]. Эта идея очень хорошо воспринималась широкими массами адыгов, испытывавшими социально-экономические притеснения со стороны адыгских феодалов. Что касается «священной войны» (джихада или газавата) против неверных, то за религиозной оболочкой движения горцев скрывалось определенное политическое содержание, а именно, протест адыгов против колониальной политики России.

Трудности у мусульманских проповедников начались тогда, когда они касались народного быта адыгов, который строился на основе выработанного веками адыгагъэ и регулировался обычным правом – адатом. Для широких народных масс Черкесии смена религии

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

означала еще большее ухудшение их положения. Этим обстоятельством, а также устойчивостью патриархально-родовых пережитков можно объяснить то, что спустя столетие после начала исламизации для многих адыгов религиозные верования продолжали оставаться мусульманскими по форме и языческими по содержанию. Адыги не придерживались и строгого соблюдения норм шариата.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. адат и шариат настолько переплелись друг с другом, что народные суды оказывались в затруднительном положении при решении того или иного спорного вопроса. Взаимодействие адата и шариата, как нам представляется, шло по трем направлениям:

1) частичное совпадение шариатских и адатских норм;

2) нормы адата вытеснялись шариатом;

3) шариатские правила, противоречившие адатским нормам, практически игнорировались.

Шариат позволяет интерпретировать и применять его нормы, изначальные ориентиры и принципы с учетом условий жизни мусульман, их обычаев и интересов. «Вобрав в себя многовековой опыт поколений, традиции стран, представления миллионов мусульман об идеале и гармонии во взаимоотношениях людей, он стал заметным явлением духовной культуры, отражающим как собственно исламские, так и многие общечеловеческие ценности и достижения» [19]. На наш взгляд, существование в исламском мире самых различных традиций, обычаев и правовых систем, их взаимодействие и даже взаимовлияние с шариатом подтверждают его силу, жизненность, способность развиваться и соответствовать времени.

Таким образом, оказавшись в течение многих веков на перекрестке политических интересов христианских и мусульманских государств, вынужденные защищаться то от одних, то от других, адыги так и не стали ни православыми христианами, ни истинными мусульманами. И, несмотря на то, что к началу XX в. почти все адыгские

племена считали себя мусульманами, их религия была синкретичной, включая в себя весь предыдущий религиозный опыт. Ислам в основном выполнял знаковую и в целом обрядовую функции, входя составной частью в комплекс этнической самоидентификации. Специфику восприятия тех или иных конфессиональных установок в условиях неравномерности их распространения, в условиях территориальной и политической раздробленности адыгов определял коренной феномен народной самобытности и самосознания – адыгскость (адыгагъэ). Именно адыгагъэ с его жесткой и тщательно разработанной системой было нравственно-психологической опорой адыгов, объединяя все их этнические группы в единый адыгский народ.

В советские времена религия не оказывала существенного влияния на традиционные ценности и установки, которые подвергались серьезным изменениям под воздействием господствующей идеологии. Однако в конце XX века на фоне глобальных изменений в России началось возрождение этнических культур и возрождение религий. Для народов Северного Кавказа большую роль стало играть возрождение ислама.

В рамках исследуемой нами проблемы актуализируется следующий вопрос: какое место в развитии северокавказской культуры будет занимать религиозный фактор, станет ли он доминантой в этом процессе или же будет оказывать на этнические культуры незначительное влияние?

Л.С. Васильев отмечает, что уже на ранних этапах развития общества в феномене этноцентризма наиболее наглядно проявилась интегрирующая функция религии: «Любая этническая общность, объединенная системой единых верований, ритуалов, обрядов и мифов, считала именно свою систему норм эталоном, отклонение от которого в рамках данной общности считалось недопустимым, а в других общностях – достойным осуждения» [20].

Религия всегда находилась во взаимодействии с этнической психологией – психологией рода, племени,

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

народа, нации. В свою очередь, направление эволюции верований, культа, организаций во многом зависело от этнических процессов, которые обусловили, например, формирование различных типов религий. С другой стороны, религиозный фактор, в том числе и его психологическая сторона, оказывали влияние на развитие рода, племени, народа, нации. Определенные верования и культ могли выступать в качестве одного из признаков этноса, а религиозное самоназвание одновременно быть и этнонимом.

Основные тенденции формирования связей между религией и этносом проявляются в сфере взаимодействия конфессиональной и этнической специфики. При этом, с одной стороны, этнические явления, свойства (ряд особенностей культуры и быта) в течение длительного взаимодействия впиваются культом, становятся его составными элементами, «конфессионализируются», а с другой стороны, отдельные компоненты культового комплекса, особенно его ритуалы, религиозные обычаи и традиции, проникая в национальные формы общественной жизни посредством слияния с народными верованиями, приобретают характер этнических явлений, этнически окрашиваются, «этнизуются».

Не всегда национальное самосознание может совпадать с религиозным сознанием, хотя и переплетается с ним. Иногда национальное самосознание, чувство этнической принадлежности подменяется религиозным сознанием. Также первое может быть одним, а второе – другим. Это происходит вследствие того, что одну и ту же религию исповедуют много этносов.

Воздействие религии на национальную психологию представляет собой довольно сложное и противоречивое явление. В процессе исторической эволюции религиозные верования, отражаясь в сознании индивидов, накладывали существенный отпечаток на национальную психологию.

Национальные чувства срастаются с религиозными, создавая общую психологическую платформу в духовном мире и волевых действиях индивида. Длительное взаи-

модействие в историческом развитии обуславливает глубокое проникновение религии в национальную психологию народов. В то же время и сама религия оказывается прочно включенной в шкалу национальных ценностей, приобретая многое из национального характера.

Стоит отметить еще и то обстоятельство, что северокавказское социокультурное пространство изменилось в результате трансформации региональных процессов, осуществляющейся силовой политикой и активного влияния мощного объективного фактора – глобализации. Мы являемся свидетелями того, как заметно меняется картина взаимодействия культур, то есть вместо взаимодействия происходит активное воздействие на социокультурное пространство западных стран. В результате этого этнокультурные ценности претерпевают глубокую трансформацию. Это актуализирует вопрос о будущем, и возникает необходимость сохранения межкультурного диалога и поиска нового соотношения традиции и инновации.

Инокультурное влияние, каким бы глобальным оно ни казалось, не приводит к пассивному восприятию и перениманию индивидами инокультурной морали, мироощущения и миропонимания. Различные общества реагируют на инокультурные глобальные тенденции по-разному: от сопротивления чужим культурам до слепого подражания. Иными словами, только на поверхности жизни глобализация может выглядеть как всепоглощающий процесс аккультурации. По сути же, локальные и региональные культуры демонстрируют способность приспосабливать глобальные тенденции к своим потребностям. Например, адыги смогли, как было показано выше, адаптировать к потребностям жизни традиционного общества мировые религии – сначала христианство, а затем и ислам. Многие из того, что было сформулировано в христианстве и в исламе, было выработано традиционным адыгским обществом, закреплено в его культуре, вошло в ткань народной жизни. Религия выступала и выступает для адыгов не как альтернатива, а как дополнение, подтверждение их этики и морали.

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

Этнографические и социологические исследования показывают, что принципы повседневности, воплощаемые глобализацией, – рационализация, стандартизация, общедоступность и предсказуемость – сталкиваются с сопротивлением со стороны локальных и региональных культур. Были опровергнуты исследования многих социологов, пришедших к выводу о «макдонализации мира». Привычки и вкусы не всегда становятся единообразными в результате нивелирующего воздействия глобализации [21].

Нет, конечно, оснований сомневаться в том, что глобальные товарные и финансовые рынки, СМИ, миграционные потоки и другие процессы, вызванные глобализацией, привели к резкому и напряженному взаимодействию различных культур и интенсивному культурному обмену. Нет сомнений и в другой очевидной истине – глобализация действительно приводит к исчезновению привычных традиционных форм жизни.

Однако нельзя не видеть и того, что глобализация ведет также одновременно к возникновению новых форм культуры, образа жизни, к формированию нового типа личности. Отличия между культурами не воспринимаются как непреодолимо жесткие. Толерантность к «чужому» повышается. Часто границы между своим и чужим становятся мало заметными или вовсе незаметными. Определенная культурная идентичность, множественная идентичность наблюдаются не только на уровне индивидов или отдельных социальных групп. Указанные характеристики все более становятся характеристиками целых обществ. Иными словами, возникают новые формы культуры и идентичности.

Происходящие социокультурные процессы показывают, что современное культурное разнообразие регионов в большей мере является результатом культурного взаимодействия, чем автономной замкнутости. Такой взгляд на культуру позволяет интерпретировать ее не как застывшую локализованную в пространстве величину, а как сложнейший поток взаимодействий, перманентно продуцирующий новые социокультурные группы и отношения.

Существует мнение, предполагающее, что в ходе глобализации утрачивается какое-либо конкретное этническое, региональное содержание и потери невозполнимы. Однако наш мир не становится менее разнообразным. Новообразующие типы культур не устраняют разнообразия способов жизни, создаются новые культурные формы, которые частично интегрируют предшествующие.

Так, исследуемые учеными этнофеномены (например, этнофеномен «адыгагъэ») являются существенным фактором стиля и образа жизни: регулятором индивидуального и группового поведения, базисом этнической идентичности, фактором коммуникации и социализации. Это было подтверждено конкретными социологическими исследованиями.

Морфологические и семантические особенности адыгской и северокавказской культуры не могли не отразиться на ментальных свойствах народов-носителей этой культуры. Сохранение важнейших традиционных начал в социокультурной области привело к доминированию в субъективно-мотивационной сфере таких свойств, как коммунитаризм, корпоративизм, подчинение интересов личности интересам группы, приверженность каждого своей референтной группе, более жесткого понимания иерархии, императивов долга и обязанностей.

С другой стороны, современные формы культуры не могли не вызвать определенных изменений в ментальности большинства этносов. Их менталитет проходит испытание такими доминирующими тенденциями мирового развития, как индивидуализация и глобализация. При этом главное, чтобы эти процессы давали право развиваться человеку и этносам в рамках гуманизма. Гуманистический подход к поставленной проблеме означает примат интересов и прав человеческой личности. В центре общества должен быть свободный человек, независимо от его этнической принадлежности.

В рамках гуманизма свобода должна предполагать диалог свободного человека с разными культурами и

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

этносомами, умение считаться с интересами «другого», толерантное отношение к «другому». Практика показывает, что установление диалога, достижение гармонии, выработка концепции мирного сосуществования и проживания этносов, сохранение многообразия их культур возможны не только при строгом соблюдении прав каждого человека. Важными здесь являются цель человека и средства ее достижения, его интересы, ценности, их гуманистическая направленность и соотнесенность с перспективой развития других народов, социума, человечества в целом.

Дело в том, что во всем мире наблюдается процесс критического пересмотра представлений о человеке, обществе и природе, которые были выработаны во времена Просвещения и оставались с тех пор по сути неизменными. Считалось, что существуют объективные законы функционирования и развития мира, которые следовало познавать и использовать на благо людей. Но именно сейчас, в эпоху перехода от техногенной цивилизации к антропогенной пришло осознание несоответствия просвещенческой парадигмы современным реалиям. Наступил период невиданного прежде процесса стремительного обесценивания знаний классической науки; мир вдруг утратил свою прежнюю ясность, прозрачность, определенность. Науки, причем не только гуманитарные и социальные, но и естественные вынуждены были включить в систему своих принципов принцип неопределенности [22].

Рост неопределенности резко изменил жизненную ситуацию человека, когда готовых решений нет и быть не может, когда нужно находить эти решения, принимать их, нести за них ответственность. «Поэтому, – считает В.А. Лекторский, – задача учить творчеству, воспитывать самостоятельную личность, умеющую принимать решения и нести за них ответственность, умеющую критически мыслить, вести дискуссию, аргументировать и учитывать аргументы оппонента, выдвигается на одно из первых мест в процессе образования» [23].

Как следствие, повышается и значимость толерантности, так как нахождение адекватных решений невозможно без диалога с другим человеком, природой, обществом.

Современные философы отмечают, что происходят изменения в понимании человеческой свободы, являющейся высшей человеческой ценностью, и именно толерантность начинает выступать в качестве неотъемлемого элемента этого нового понимания. Она же служит важной частью структуры творческого взаимодействия и творчества вообще. Но это, в свою очередь, означает, что принцип толерантности должен творчески применяться и во всех социальных отношениях, в том числе и в образовательном процессе.

На применение принципа толерантности, например, во взаимоотношениях учителя и ученика обращал внимание Ю.М. Лотман. Характеризуя специфику университетского образования относительно отношений преподавателей и студентов, старших коллег к младшим, он считал, что в этом случае не должен иметь место грубо истолкованный принцип толерантности как диалог на равных. «Здесь нет верха и низа – учителей и учеников – здесь все коллеги, то есть люди, которые работают вместе. Ведь работа высшего учебного заведения состоит в сотрудничестве, т.е. когда одни хотят учиться, а другие им помогают в этом...» [24].

Творческое использование принципа толерантности в процессе обучения становится залогом эффективности образования, с одной стороны, а также создает благоприятные условия для распространения толерантности в другие сферы социальных отношений.

Принцип толерантности должен проявляться и в педагогике сотрудничества, которое как раз и направлено на установление контакта педагога с учеником в ситуации неопределенности, поскольку попросту нет иного механизма, чтобы добиться от воспитуемого определенного поведения.

Необходимо обратить внимание на механизмы формирования толерантной личности в образовательном процессе. Воспитание толерантных начал в условиях по-

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

лиэтничности и поликультурности России должно приобретать характер поликультурного образования.

Среди конкретных задач поликультурного образования, как правило, называются следующие задачи:

- глубокое и всестороннее овладение учащимися культурой своего собственного народа как неперенное условие интеграции в иные культуры;

- формирование у учащихся представлений о многообразии культур в мире и России, воспитание положительного отношения к культурным различиям, способствующим прогрессу человечества и служащим условиями для самореализации личности;

- создание условий для интеграции учащихся в культуры других народов;

- формирование и развитие умений и навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур;

- воспитание учащихся в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения.

Решение этих задач возможно через соответствующее изменение содержания гуманитарных учебных курсов, предметов естественно-научного цикла и др.

В целом содержание общеобразовательных учебных курсов дает ребенку возможность усвоить такие основные понятия и категории поликультурного образования, как самобытность, уникальность, культурная традиция, духовная культура, этническая идентификация, национальное самосознание, российская культура, мировая культура, общие корни культур, многообразие культур, различия между культурами, взаимовлияние культур, межкультурная коммуникация, культурная конвергенция, культура межнационального общения, конфликт, культура мира, взаимопонимание, согласие, солидарность, сотрудничество, ненасилие, толерантность и др.

Важной частью поликультурного образования являются различные системы свободного воспитания, базирующиеся на принципах многофакторности и полифункциональности педагогического процесса. Так, в настоящее время уже получили распространение школы

вальдорфской педагогики, диалога культур, педагогики «нового гуманизма».

К примеру, одним из исходных принципов школы диалога культур выступает осознание необходимости перехода от «человека образованного» к «человеку культуры», «соединяющему в своем мышлении и деятельности различные, несводимые друг к другу культуры, формы деятельности, ценностные, смысловые спектры».

Как отмечает В.В. Шалин, формирование «человека культуры» требует преобразования самого содержания образования. При этом принцип диалога начинает приобретать всепроникающий характер [25].

Во-первых, диалог рассматривается не только в качестве эвристического приема усвоения монологического знания и умения, но и начинает определять саму суть и смысл передаваемых и творчески формируемых понятий.

Во-вторых, диалог получает «реальный образовательный действенный смысл» в качестве диалога культур, «общающихся между собой – в контексте современной культуры, – в средоточии основных вопросов бытия, основных точек удивления нашего разума».

В-третьих, диалог становится постоянно действующим аспектом в сознании ученика (и учителя) и выступает основой реального развития творческого (гуманитарного) мышления [26].

Ученые часто обращают внимание на недопустимый перекося в структуре учебных дисциплин, в результате которого знания учащихся о сфере культуры несравнимы ни по объему, ни по содержанию со знаниями об «объектном мире».

В этой связи предлагается, с одной стороны, провести гуманитаризацию образования, а с другой стороны, изменить методы преподавания как гуманитарных и социальных, так и естественно-научных дисциплин.

Воспитание толерантности предполагает, что гуманитарные и социальные дисциплины не могут преподаваться и усваиваться такими же методами, как и дисциплины естественно-научные. Что касается последних, то и

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

они частично должны преподаваться в историческом и культурно-историческом плане.

Гуманитаризация образования позволит, по мнению В.А. Лекторского, обеспечить толерантные начала, «ибо только лишь на основе изучения гуманитарных дисциплин можно сформировать понимание изменчивости культуры и незапрограммированности истории». Более того, только лишь гуманитарно образованный человек может понимать основы самого естественно-научного знания, не основываясь на догматизме, понимать то, что само это знание исторически и культурно определено.

Таким образом, гуманизация и гуманитаризация образования, творческое использование принципа толерантности в образовательном процессе становятся залогом его эффективности и создают благоприятные условия для формирования толерантной личности, повышая тем самым возможность всестороннего развития современного российского общества.

Такое развитие, безусловно, должно включать в себя и формирование религиозной толерантности, которая может быть понята как ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех его индивидов быть различными по вероисповеданию, по конфессиональной принадлежности.

Механизмы формирования религиозной толерантности связаны со всей системой общественных отношений, с возможностью полноценной реализации конституционно-демократических прав и свобод, с уровнем духовной культуры личности и общества.

Религиозная толерантность должна иметь прочную законодательную опору. В нашей стране кроме Конституции такая опора видится в Федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях», принятом в 1997 г. Можно также упомянуть «Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений», принятую ЮНЕСКО и содержащую принципы современного международного права, и другие документы. Только гарантированное законом право религиозного самовыражения позволяет

человеку отстаивать свои убеждения, реализовать свою веру, предполагая уважительное отношение к ним со стороны другой личности, другой религиозной конфессии или государства.

У каждого верующего человека свой внутренний мир, своя картина мира, свое видение и своя оценка различных аспектов бытия, сформировавшиеся под воздействием исповедуемой им религии. Как следствие, широкий диапазон взглядов, противоречия и конфликты, разрешение которых требует толерантного сознания.

Осуществление идеи религиозной толерантности предполагает наличие условий для межконфессионального диалога. Хотя, на наш взгляд, нельзя преуменьшать значимость и диалога внутриконфессионального. Так же как нельзя не замечать тех моментов, которые существенно тормозят возможность таких диалогов. Например, уже упомянутый выше Закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях», который ознаменовал собой тенденцию разделения религий на «традиционные» и «нетрадиционные». Это фактически закрепило привилегированный статус за православием, исламом, буддизмом и иудаизмом, что с точки зрения исторической роли этих конфессий в России оправданно, однако недостаточно обоснованно. Как считают специалисты (С. Филатов, Р. Лункин, М. Ледовский и др.), воспользоваться в полной мере этим статусом способна лишь Русская православная церковь. Несмотря на то, что все мировые религии начинались как секты, в расчет практически не принимаются другие конфессии, хотя некоторые из них насчитывают сотни тысяч последователей и десятки лет истории в России.

Известный ученый А. Малащенко вообще считает, что в нынешней России сложились весьма благоприятные условия не для формирования религиозной толерантности, а для распространения религиозной нетерпимости. Он считает, что для ее смягчения «необходимы общие усилия политиков, экспертов, представителей духовенства, от которых требуются не только объективность, постоянная тактичность, но и глубокое проникновение в суть

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

каждого отдельно связанного с ксенофобскими чувствами вопроса» [27].

В свете известных политических событий, связанных с активизацией религиозных экстремистских сил, актуально звучит и высказывание востоковеда С. Панарина, который считает, что «все более грозит сделаться глубоко интериоризованным элементом сознания всего русского этноса» исламофобия [28].

Несколько слов о религиозном экстремизме, проявления которого также не могут способствовать формированию религиозной толерантности. Религиозный экстремизм (лат. *extremus* – крайний) можно охарактеризовать как приверженность к крайним взглядам и мерам для укрепления религии, повышения авторитета религиозных лидеров и т.п.

Однако религиозный экстремизм хотя и осуществляется часто под религиозными лозунгами и связан с использованием тех или иных религиозных догматов, в основном ориентируется также на достижение определенных политических целей. Носителями религиозного экстремизма выступают или национал-экстремистские, или религиозно-политические организации различной конфессиональной принадлежности, часто использующие в комплексе лозунги националистического и религиозного характера.

В настоящее время в рамках экстремизма особую опасность представляют экстремистские структуры, действующие на основе исламского радикализма. В системе религиозно-политических экстремистских организаций наиболее активны «Братья-мусульмане», «Хезболла» и «Аль-Джихад аль-ислами» и др. Особо стоит отметить организации «Аль-Каида» («Основа») и «Мировой фронт джихада», созданные по инициативе Усамы бен Ладена, поскольку их деятельность распространилась на Северном Кавказе (да и в России в целом) и стала широко известна в связи с военными действиями в этом регионе. Особенностью этих структур является бескомпромиссность, активность и наличие значительной социальной базы как в странах традиционного ис-

лама, так и в государствах со значительной исламской диаспорой [29].

Религиозные экстремистские организации имеют существенную подпитку в виде огромных финансовых вливаний со стороны заинтересованных структур. Иначе вряд ли бы стала возможной успешная деятельность Эмира аль-Хаттаба на территории Чечни, бывшего региональным представителем «Аль-Каиды» на Северном Кавказе. Этим же можно объяснить, например, и усиление позиций в Боснии и Герцеговине экстремистской организации «Активная исламская молодежь». Ряды АИМ постоянно пополняются, поскольку наличие большого количества источников финансирования позволяет учредить немало привилегий для членов организации, бесплатное обучение в вузах региона, предоставление одним из банков кредитов на приобретение квартир под низкие проценты, дешевое медицинское обслуживание и т.п.

Специалисты во всем мире пытаются разобраться и в причинах существования религиозно-политического экстремизма, подчеркивая важность учета его социально-экономических детерминант, и в путях снижения его масштабов и опасности. Работа эта сложная и требует глубокого анализа. Однако абсолютно очевидно, что только силового противодействия мало, необходимо искать возможности снятия объективных факторов возникновения и развития всех форм радикализма.

Принципиальное значение имеет сознательное освоение духовных ценностей других народов. Имеется в виду заимствование таких ценностей, которые не нарушают внутреннего развития собственной культуры, не отрывают ее от исторических корней, лучших достижений и традиций. Только в диалоге с культурами других этносов этническая культура может развиваться и подниматься до общечеловеческой значимости.

Одно из обретений современного общественного сознания состоит в том, что нельзя представить ни одну цивилизованную страну вне связи с остальным миром, с остальными культурами. Потребность народов в культурном взаимопонимании, стремление узнать духовный

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

мир друг друга ведут к расширению духовных связей и контактов, приобретающих систематический характер. Идеи сохранения и дальнейшего развития человеческой цивилизации все глубже связываются с необходимостью культурного взаимного общения.

Культурная коммуникация, то есть обмен духовными ценностями в тех или иных границах, существовала всегда. С древнейших времен возникали духовные связи, способствовавшие взаимоознакомлению и взаимопониманию этнических культур. В современных условиях культурная коммуникация охватила огромные регионы. Общение народов приобрело не только грандиозный размах, но и новую гуманистическую направленность. Это уравновешенное взаимодействие, дающее возможность успешно развиваться всем культурам на основе общепризнанных ценностей. Защита культурной самобытности, отстаивание духовного суверенитета органично связаны с общечеловеческими интересами, развитием культурного многообразия.

Заимствования в различных элементах культурного наследования путем добровольного и ненавязчивого обмена ценностями являются естественной потребностью народов и в полной мере отвечают их интересам.

Эффективность и действенность этого процесса зависят, во-первых, от способности общности востребовать, восполнить, освоить и использовать в собственной этнической среде ценности других народов; во-вторых, от стремления общности принять на себя те ценностные элементы, которые отсутствуют у нее; в-третьих, от готовности общности усмотреть в заимствовании не посягательство на национальную самобытность, а возможность раскрыть свои наилучшие качественные черты и свойства.

При таком осмыслении и подходе к взаимообмену становится очевидным, что вновь приобретенное никоим образом не лишается этнической окраски и неповторимости, а наоборот, национально-этнически насыщается и углубляется и в то же время получает качества интег-

ративности. Это утверждение особенно актуально для современной социокультурной ситуации на Северном Кавказе, как, впрочем, и в России в целом.

Сегодня близость этнических элементов разных народов является одним из существенных факторов в интенсификации процессов передачи нациями друг другу культурных ценностей, нравственных норм, этических правил при условии частоты межнациональных контактов и общения. Чем чаще соприкасаются этнические общности, тем глубже и разностороннее становятся их связи. И наоборот, чем больше та или иная этническая общность капсулируется, замыкается в рамках собственной системы и историко-культурного наследия, тем больше она теряет с точки зрения своего обогащения, саморазвития.

Как показывают исследования, области совпадения ценностных ориентаций весьма многообразны и порою их невозможно определить количественно и документально зафиксировать, но это не указывает на исчезновение заимствования. Свою роль и влияние на данный процесс, на его ускорение или замедление в значительной мере может оказать и оказывает религиозный фактор.

Таким образом, религиозная идентичность – это один из способов осознания мира, своей духовной ориентации, соотнесенности с иными типами духовности. Научное осмысление религиозной идентичности предполагает учет ряда моментов, к основным из которых относятся следующие: во-первых, характер влияния и степень воздействия религиозной идентичности на другие виды идентичности определяются спецификой региональных, этнических, социальных, политических и других элементов жизни различных социальных групп; во-вторых, активизация религиозного фактора зависит от социально-политических реалий; в-третьих, происходящие внутренние изменения религиозной идентичности под воздействием модернизационных процессов и др. Толерантное сосуществование культур с различными идентичностями, в том числе и религиозной, возможно только при условии усиления и интенсификации их диа-

3.2. Факторы развития религиозной идентичности

лога, развитию установок эгалитарного подхода к существованию народов.

Примечания:

1. Макарий, архиепископ Харьковский: История христианства в России до равноапостольского князя Владимира. – СПб., 1868. – С. 88.

2. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988. – С. 113.

3. Макарий, архиепископ Харьковский... – С. 88.

4. *Ногмов III*. История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – С. 76.

5. *Лавров Л.И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 56.

6. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский: История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М. – Пятигорск, 1992. – С. 26.

7. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. ... – С. 235.

8. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 47.

9. *Керашев А.Т.* Беглые адыги в России в XVIII – начале 60-х гг. XIX в. // Культура и быт адыгов. – Майкоп, 1991. – С. 227–245.

10. Там же. – С. 231.

11. *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (На примере Западного Кавказа). – СПб.: Европейский дом, 1998. – С. 259.

12. Адыги, балкарцы и карачаевцы...

13. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – С. 11.

14. *Касумов А.Х.* Геноцид адыгов (Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX в.). – Нальчик: Логос, 1992. – С. 21.

15. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкесию. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1993.

16. Там же.

17. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – С. 25.

18. *Барков Ф.А.* Религиозный фактор межкультурной коммуникации на Северном Кавказе / отв. ред. Ю.Г. Волков / Южнороссийское обозрение ЦСРИИП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.

19. *Сюкияйнен Л.Р.* Шариат: религия, нравственность, право // Эхо Кавказа. – 1992. – № 1. – С. 14.

20. *Васильев Л.С.* История религий Востока. – М.: Высш. шк., 1983. – С. 5.

Глава 3. Религиозная идентичность на Северном Кавказе

21. *Ханаху Р.А.* Адыгская культура в условиях трансформирующегося общества и глобализации: (Философский дискурс) // «Философский паром»: Мат. XXI Всемирного философ. конгресса «Философия лицом к мировым проблемам»: Стамбул, 10–17 августа 2003 года: Доклады российских участников. – Краснодар–М., 2004. – С. 355.

22. *Шалин В.В.* Толерантность (культурная норма и политическая необходимость). – Ростов-на-Дону, 2000.

23. Культура, культурология и образование (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1997. – № 2.

24. Ю.М. Лотман и тартусско-семиотическая школа. – М., 1994.

25. *Шалин В.В.* Толерантность...

26. *Библер В.С.* Целостная концепция школы диалога культур. Теоретические основы программы // Психологическая наука и образование. – 1996. – № 4. – С. 68.

27. *Ледовский М.* Толерантность и религия – две вещи несовместимые? [Электронный ресурс]. URL://<http://www.peace.ru/tolerance/vera/index.htm>.

28. *Барков Ф.А.* Религиозный фактор межкультурной коммуникации на Северном Кавказе... – С. 143.

29. *Авдеев Ю.И.* Типология терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. – М., 2000. – С. 58–59.

ГЛАВА 4

МНОЖЕСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

4.1. Северный Кавказ в поисках геополитической идентичности

 процессы распада одних идентичностей и формирование новых наполняют определенным смыслом и значением политическую жизнь общества, приводя его в движение, задавая векторы и ориентации. Активный поиск основ идентичности, острый интерес к судьбе страны вызван ситуацией, связанной с трансформационными процессами, начавшимися в 90-е годы XX века. Политический и экономический кризисы, наступившие в стране после распада СССР, сопровождались потерей прежних ценностных ориентиров, идеалов и идентичностей. Переходное состояние современного российского общества вызвало глубокий кризис идентичности. К числу важнейших для России вопросов, решение которых определяет ее статус в мире, относится проблема геополитической идентичности. Заметным явлением стало выдвижение множества геополитических концепций, по-разному описывающих положение страны в мире. Определить, насколько реалии отличаются от геополитических проектов и какова геополитическая идентичность России – задача многотрудная и злободневная. Необходимость всестороннего изучения сущности геополитической идентичности России в глобализирующемся мире становится очевидной, если учесть сложность проблем, которые предстоит решать мировому сообществу в новом тысячелетии.

Формирующийся новый полицентрический миропорядок поставил ведущие мировые державы перед необходимостью по-новому оценить свое место и роль в новом раскладе геополитических сил. Это в первую очередь относится к Российской Федерации, перед которой в условиях распада многовековой многонациональной империи, неопределенности идеологических и геополитических ориентиров, угрозы потери статуса великой державы и т.д. возникла проблема национальной идентичности, имеющая ключевое значение для перспектив ее государственности. В настоящее время в российском массовом сознании существуют различные противоречащие друг другу образы идентичности. Наиболее значимые линии размежевания: «советская – российская», «западная – восточная», «европейская – азиатская», «современная – традиционалистская» идентичности [1].

Частью этой проблемы является вопрос о геополитической идентичности России, поскольку важнейшие грани и контуры национальной идентичности любого государства определяются его местом, весом и влиянием в мировом сообществе, а также отношением к нему остального мира. С учетом развития России как многогосоставной конституционно-договорной федерации с полиэтничным, многокультурным населением формирование и осознание геополитической идентичности россиян в условиях глобализации являются важнейшим политическим проектом.

Наряду с появлением новых факторов, учет которых необходим для геополитически адекватного восприятия действительности, структура современного мира вносит и иные коррективы, связанные с утратой некоторых факторов или изменением их содержания. К таковым относится геополитическая идентичность как ключевой элемент конструирования социально-политического пространства и основа для особого восприятия геополитических проблем.

Картина мира, складывающаяся в массовых представлениях в целом и отдельных социальных групп в частности, выражающаяся в геополитическом миро-

4.1. Северный Кавказ в поисках геополитической идентичности

ощущении, как правило, существенно отличается от сложившегося геополитического мироустройства и почти никогда полностью не совпадает с геополитическим мировидением. Это связано с тем, что геополитическое пространство не только в сознании рядовых граждан, но и профессиональных политиков обычно состоит из сформированных коллективным и индивидуальным опытом символов и мифов. Так как геополитическое мироощущение включает в себя комплекс этнических стереотипов и установок, формы этнической солидарности, мобилизации, геополитические образы и «этнотравмы», способы конструирования идентичности и установления границ этничности, то разрыв между реальностью субъектов геополитического процесса и реальностью тех, кому навязана объектная составляющая данного процесса, является существенным.

Рассматриваемая идентичность носит в современных условиях сложный, противоречивый характер. Она включает в себя в специфическом виде отношение к различным аспектам геополитического мироустройства, а также определенные картины геополитического мировидения. На этом уровне такое мировидение представляет собой не систему доктрин, теорий и идеологий, характеризующих геополитический процесс, а набор общественных представлений о соотношении между различными элементами политического пространства, об угрозах национальной безопасности.

Геополитическая идентичность, формирующаяся в реальном геополитическом пространстве, есть вектор геополитической реальности, складывающийся из множества компонент. Этот вектор является существенным фактором, который необходимо учитывать, ибо в нем самое яркое выражение геополитического мироощущения. Конструирование данной идентичности выступает в качестве своеобразного индикатора, позволяющего судить о характере и направленности процессов интеграции ее субъектов в политическую структуру общества и о векторе развития геополитического процесса. Разрыв между геополитическим мироустройством и геополитической идентичностью является существенным.

литическим мировидением, с одной стороны, и между геополитическим мироощущением, с другой стороны, увеличивается в условиях смены идеологии, ориентиров, изменения геополитического пространства, а также политической роли географического пространства. Индикатором этих процессов является утрата субъектом геополитического процесса ярко очерченных целей, средств, «репертуаров» ролей, которые разыгрываются на данном географическом пространстве. Комплексно оценивая данный процесс, можно сказать, что это – кризис идентичности.

Понятие геополитической идентичности, прочно вошедшее в политический лексикон, продолжает оставаться дискуссионным как в российской, так и западной политической теории. Единственное определение содержится в Новой философской энциклопедии, в которой она рассматривается как «комплекс географических признаков государства, которыми, несмотря на исторические изменения его границ, определяются не только его место на карте, но и особенности его внутренних и внешних связей. Геополитическая идентичность государства не всегда гармонирует с его актуальной геополитической ролью: последняя может иногда эту идентичность вуалировать» [2]. Уяснить употребление данного термина не всегда просто, как правило, приходится исходить из общего контекста той работы, в которой это понятие употребляется. Так, существует внешнеполитическое понимание, когда этот термин относится к целой геополитической зоне, то есть группе стран, которые по ряду параметров больше связаны друг с другом, нежели с иными странами. Возможна ее культурно-философская трактовка, когда она понимается как особый менталитет.

Геополитическую идентичность, на наш взгляд, следует понимать как самобытность той или иной страны и ее народа, а также место и роль этой страны среди других и связанные с этим представления. Идентичность тесно соединена с государственностью, ее характером, с позицией государства в международной системе и само-

4.1. Северный Кавказ в поисках геополитической идентичности

ощущением нации. Характеризующими ее признаками являются геополитическое пространство, то есть комплекс географических признаков государства; геополитическое место и роль государства в мире; эндогенные и экзогенные представления о политико-географических образах. Представляется, что она включает такие основные элементы, как представления граждан о геополитических образах страны, набор эмоций относительно своей страны, а также особую геополитическую культуру населения; служит важным регулятором сознания и поведения личности, социальных групп, народов и стран; служит основой геополитических ориентиров государств.

При определении сущности геополитической идентичности важно обозначить следующее. Во-первых, геополитическая идентичность – результат когнитивного, ценностного и эмоционального процесса осознания принадлежности к определенному сообществу, а также его места и роли в системе государственных взаимодействий.

Во-вторых, категориальная структура геополитической идентичности представлена набором наиболее существенных признаков, характеризующих внутренние особенности сообщества. Совокупность признаков идентичности представляется целесообразным сгруппировать в блоки территориальных, политических, экономических, социокультурных, культурно-исторических, природно-географических компонентов.

В-третьих, основными характерологическими признаками геополитической идентичности являются: специфичность, уникальность, устойчивость/изменчивость, позитивная/негативная ценностно-эмоциональная окраска, степень распространенности в обществе.

В-четвертых, механизм формирования идентичности строится на взаимодействии двух групп факторов: внешних – намерений и действий государства, макроэкономических условий, содержания и характера информации о стране в СМИ; внутренних – ресурсов и условий, намерений и действий политической элиты, традиций, симво-

лов и стереотипов сообщества, исторического наследия, содержания и характера информации о стране. Каждое сообщество характеризуется различным составом, значимостью и характером взаимовлияния факторов формирования идентичности, что создает для каждого государства специфическую форму его проявления.

В-пятых, к числу функций геополитической идентичности можно отнести: адаптивную, защитную, интегративную, когнитивную, легитимирующую, компенсаторную, коммуникативную. «Включение» той или иной функции связано с ситуацией в стране и происходит в результате изменения значимости, структуры и характера идентичности.

Наряду с анализом идентичности необходимо обозначить и сущность идентификации. Геополитическая идентификация есть активный процесс вхождения субъектов политики разного уровня в глобальные политические отношения, представляемые геополитикой, это своеобразная мера самореализации в геополитике как неотъемлемой части современного общества; идентификация с определенным сообществом, разделяющим близкие ценности и отождествляющим с определенной территорией и системой управления.

Особенности геополитической идентичности России связаны прежде всего с ее огромной территорией, на которой проживает множество народов, этносов, и, главное, с ее промежуточным, переходным положением между Западом и Востоком, между Европой и Азией. Доминантой конструирования геополитической идентичности современной России является ее особое, промежуточное между Западом и Востоком географическое и геополитическое положение, а также ее роль своеобразного противовеса «монополярным» геополитическим устремлениям США. Конструирование геополитической идентичности выступает в качестве своеобразного индикатора, позволяющего судить о характере и направленности процессов интеграции ее субъектов в политическую структуру общества и о векторе развития геополитического процесса.

4.1. Северный Кавказ в поисках геополитической идентичности

Как уже отмечено выше, в глобализирующемся мире особую актуальность приобретает геополитика и базирующееся на ней геополитическое видение мира. Это вызвано политическими переменами, обусловленными распадом биполярной модели мира и желанием постсоциалистических стран определить свой новый статус. Глобализация открыла путь для развития унификационных процессов в политике и экономике, которые превращают мир в глобальную целостность. В подобных обстоятельствах особую значимость приобретает геополитика как инструмент измерения мира.

На современном этапе геополитика претерпевает глубокие изменения. По мнению И.Ф. Кефели, это связано, во-первых, с изменением содержания и направленности геополитических концепций. Во-вторых, с расширением круга акторов геополитических процессов в мире. В-третьих, на становление глобальной геополитики огромное влияние оказали цивилизационные детерминанты: культурная история, цивилизационная и этническая ментальность, принадлежность к историко-культурным зонам [3].

Динамизм, присущий данному феномену, оставляет открытым для уточнений любое определение геополитических процессов при каждом повороте в историческом движении общества. С другой стороны, постоянным импульсом для возможной попытки по-новому интерпретировать известные сведения из данной области знаний служит фактор «геополитического хаоса». Но в первую очередь пищу для дальнейшего анализа предоставляет ощущаемая научным сообществом недостаточность имеющихся исследовательских ресурсов по данной проблематике, несоответствие их сложным аспектам геополитической трансформации. По словам А.Н. Смирнова, «ни одна из стоящих перед страной проблем, будь то выбор приемлемой модели экономического и политического развития, преобразование политико-правового и национально-государственного устройства или преодоление кризиса цивилизационной и социокультурной идентичности, не может быть успешно решена без ответа на вопрос о про-

странственно-географической подоснове государственной политики» [4].

Роль геополитического фактора повышается в связи с глубинными изменениями государственного и культурного самосознания новой России – возрождается и одновременно воссоздается национальная традиция геополитического мышления. Геополитический подход, основанный на комплексной оценке пространственных характеристик государства и выявлении их связей со всеми сторонами жизнедеятельности общества и государства, представляет собой один из рациональных ответов на вызовы политического разнообразия, ключ к его изучению.

Учитывая современные трансформации, представляется убедительным утверждение о том, что геополитическое восприятие действительности в современной России реализуется на нескольких проблемных уровнях: глобальном, континентальном, региональном и локальном, каждому из которых соответствуют определенные пространственно-географические рамки и применительно к которым создаются различные геополитические концепции.

Особенно острую теоретическую актуальность и практическую значимость имеет в настоящее время такой аспект проблемы, как геополитические трансформации на Северном Кавказе, который представляет собой один из самых сложных в геополитическом отношении макрорегионов.

В рамках данной проблематики интерес представляют работы таких южнороссийских исследователей, как В.Х. Акаев, З.С. Арухов, И.П. Добаев, В.Н. Коновалов, Н.П. Медведев, В.Н. Панин, В.Н. Рябцев, В.В. Черноус, В.Н. Шевелев и другие, которые достаточно активно и плодотворно исследуют особенности региональной геополитики. Вместе с тем, недостаточный учет динамизма политических процессов, отсутствие должного внимания к многообразию геополитических факторов, сосредоточенность на частных аспектах региональной проблематики не позволяют углубить концептуальную основу проводимых исследований, что не способствует построению

4.1. Северный Кавказ в поисках геополитической идентичности

целостной модели развития геополитических процессов в данном регионе.

Геополитическое значение того или иного региона, по мнению В.М. Юрченко, характеризуется долговременными факторами воздействия территориально-пространственных и других особенностей его положения на международные процессы. Геополитический анализ, с одной стороны, оперирует крупномасштабными пространственно-географическими категориями, связанными с изучением макрополитических процессов; с другой – способствует более глубокому осмыслению внутриполитических проблем в их региональном и глобальном контексте [5].

В последние годы регионализацию, наряду с глобализацией, все чаще относят к числу основных тенденций, определяющих развитие современного мира. В этой связи следует согласиться с тем, что ни глобализация, ни регионализация не смогут развернуться до логического конца. Глобализм и регионализм – две тенденции в развитии системы общественных отношений современного мира, и проявления этих тенденций существуют во всех сферах жизнедеятельности людей. В определенной мере можно утверждать, что тенденция регионализации общественной жизни сама приобретает глобальный характер. Регионализм становится формой актуализации таких глобальных тенденций общественного развития, как переход к децентрализации, демократии соучастия, сетевым структурам и возможности множественного выбора.

Проблемы регионализма находятся сегодня в центре политической жизни многих стран. Еще в 1998 году Европарламент, учитывая остроту этих проблем, принял «Хартию регионализма», согласно которой регион понимается как гомогенное пространство, имеющее физико-географическую, этническую, культурную, языковую общность, а также общность хозяйственных структур и общую историческую судьбу.

Универсального определения понятия «регион», как и какой-то универсальной социально-политической тео-

рии, не существует. Территориально-географическое, экономическое, социально-политическое, этнонациональное членение пространства на регионы во многом зависит от области предмета исследований и сформулированной задачи. Определение границ региона и его признаков в большинстве случаев зависит от целей и методологической базы исследования.

Процессы регионализации, происходящие в разных странах мира, являются объектом изучения в политической, социологической, исторической, философской литературе. Прежде всего к проблемам регионализации обратились геополитики, социологи и экономисты, поскольку данный феномен тесно связан с глобализацией и происходящими в связи с этим изменениями в социально-политической и экономической сферах. Существуют различные подходы к определению региона, причем каждый из них подчеркивает какой-либо из аспектов регионализма. Его содержание зависит от того, какой конкретный срез жизни в регионе актуализируется той или иной наукой. Так, для одних регион – это близлежащие страны, связанные определенными историческими, социокультурными и цивилизационными узами; для других – хозяйственно-экономическая общность; для третьих – территориально-административная единица в составе государства.

Социологические науки исследуют регион как территорию, социально-политическая организация которой предусматривает институциональное оформление геоисторических особенностей, количественные и качественные характеристики населения, а также как центральный элемент глобальной трансформации, который достраивает феномены глобализации в цепочку локального, национального, регионального и международного, предохраняет их от нейтрализации.

В политических науках регион рассматривается как одна из структурных единиц территориальной структуры национального государства, то есть субнационального уровня, ячейка сетки административно-территориального деления, где действуют региональные властные

4.1. Северный Кавказ в поисках геополитической идентичности

институты с определенными компетенциями и соответствующими финансовыми ресурсами для их реализации, происходит региональная политическая жизнь. В широком смысле регион определяют как институт или систему институтов и организаций, действующих на определенной территории, представляющей собой фрагмент территории государства.

В регионоведении понятие «регион» употребляется в узком смысле для обозначения территориального сообщества в административных границах субъекта Российской Федерации, которое характеризуется такими чертами, как целостность и управляемость.

Региональная конфликтология трактует регион как территорию Российской Федерации, выделяемую на основе главной общей проблемы развития для группы субъектов Федерации. В этой трактовке объединены, во-первых, элементы объективистских концепций региона, согласно которым регион – объективно существующая пространственная область, возникающая естественно-историческим путем, во-вторых, популярные в современном регионоведении концепции «конструируемых регионов».

При этом наиболее полное определение понятия «регион» и его основных признаков, как представляется, предлагает доктрина европейского интегрального федерализма на основе принципов комплексного междисциплинарного подхода. Суть ее заключается в том, что интегрирующий политический организм (например, Европейский Союз) взаимодействует с политически организованными территориями, то есть с локальными, региональными объединениями, самоуправляемыми и автономными.

Геополитические теории, основанные на пространственно-географическом факторе, имеют объектом исследования не только всю Землю в целом, но и отдельные ее части. Под регионом в геополитике понимается, во-первых, часть территории страны, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий; во-вторых, группа близлежащих стран, представляющая собой отдельный эко-

номико-географический район, обладающая общими признаками, отличающими этот район от других.

Регион не является только географической категорией, то есть нельзя отождествлять понятия «регион» и «территория». Территориальная составляющая является существенной для любого региона, поскольку является базисом как его формирования, так и его существования. Любой регион представляет собой территорию, но одного территориального компонента недостаточно для того, чтобы назвать территорию регионом. Необходимой предпосылкой формирования региона на определенной территории является наличие специфики экономического, этнографического, конфессионального, социально-культурного состава. Для формирования региона мало иметь специфику, необходимо ее позиционировать. Появление региона связано с самоидентификацией определенной территориальной общности. Регион складывается на основе и вследствие взаимодействия ряда факторов: территории, природных условий, общности истории и культуры, демографических и социальных показателей, экономической, политической и правовой систем.

Процесс преобразования региональных отношений является составной частью трансформации российского общества и представляет собой сочетание разнообразных тенденций, порождаемых комплексом географических, социально-экономических, политических, этнокультурных условий. В настоящее время со всей очевидностью можно утверждать, что геополитические факторы оказывают все большее воздействие на процессы, происходящие внутри той или иной страны, в том числе и Российской Федерации. Соответственно, данные факторы воздействуют и на изменение региональных отношений, и с развитием процессов глобализации это воздействие становится все более значимым.

Исходя из вышеизложенного, анализ геополитических трансформаций на Северном Кавказе представляет весьма непростую задачу ввиду детерминации их особенностями географических, пространственных,

4.1. Северный Кавказ в поисках геополитической идентичности

политических и культурно-цивилизационных характеристик. Пространство изучения феномена геополитических процессов представляет собой системное образование, характеризующееся необходимостью учета сложных и неоднозначных факторов. Это, в свою очередь, ставит на повестку дня вопрос о критериях выявления региональной специфики геополитических процессов и требует специального исследования, учитывающего как данные политической науки, так и комплексы других признаков, характеризующих современные реалии геополитических процессов в полиэтничном макрорегионе.

На Северном Кавказе происходит наложение целого ряда проблем, оказывающих мощное влияние на региональный политический процесс. Во-первых, это проблемы и противоречия, возникающие во взаимоотношениях основных политических акторов, что, в целом, является типичным для процесса регионализации, происходящего в рамках Российской Федерации. Во-вторых, это регион, в котором трудно преодолевается прошлый советский опыт, так как на Северном Кавказе стали остро проявляться многие социальные вопросы, которые оказывают значительное влияние на ее современное политическое развитие. В-третьих, здесь проживают около 150 этносов, представляющих почти весь российский этноареал, и в этом смысле регион является полиэтничным и поликонфессиональным. В-четвертых, регион подвержен влиянию как западной, так и восточной культурной волны, что делает Кавказ поликультурным, фрагментируя его единый социокультурный пласт.

Северный Кавказ в современных условиях играет весомую роль на цивилизационном и геополитическом уровнях. Это регион, где сплелись и смешались геополитические, социально-экономические, этнокультурные проблемы и противоречия; регион, где сосуществуют и активно взаимодействуют различные социокультурные и цивилизационные ориентации; регион, который интенсивно втягивается в процессы глобализации, модернизации и трансформации.

По мнению исследователей, причин возросшего геополитического значения региона несколько: регион стал рассматриваться как огромная кладовая природных ресурсов, прежде всего углеводородного сырья; он может стать важным транснациональным транспортным узлом по линии «Восток – Запад» и «Север – Юг»; регион с геополитической точки зрения рассматривается как самое уязвимое, «мягкое подбрюшье» России; регион может стать «русскими Балканами» или скрепляющим звеном «евразийского пояса нестабильности»; он превратился в один из важнейших центров мировой политики, где соседствуют и сталкиваются локальные, региональные и глобальные интересы [6].

В постсоветский период регион фактически оказался в эпицентре сложнейших событий, процессов и обстоятельств. Конкретным смыслом политическую жизнь здесь наполнили процессы деконструкции сложившегося социального порядка, распад одних и формирование новых идентичностей, нагруженных не только этническим и региональным, но и геополитическим содержанием.

В связи с этим рассмотрим основные геополитические характеристики Северного Кавказа, которые в значительной степени определяются физико-географическими, территориально-пространственными, климатическими и иными особенностями, которые оказывают влияние на его этнонациональный состав, судьбы народов, конфигурацию политической карты. Размеры и масштабы территории, ландшафт, климат, наличие природных ресурсов, доступ к морям во многом определяют параметры, указывающие на потенциальные возможности региона, на его место в мировом сообществе.

Геополитическое положение Северного Кавказа является важнейшим фактором развития народов данного региона. Это регион тесного соприкосновения двух миров – мусульманского и христианского во всем многообразии их конкретного проявления. Геополитическое значение обусловлено конкретно-историческими и территориально-пространственными характеристиками региона, который превратился в самый сложный с

4.1. Северный Кавказ в поисках геополитической идентичности

точки зрения обеспечения национальной безопасности России.

Данный регион сложен в пространственно-географическом, этнонациональном и социально-политическом отношениях. Геополитику Северного Кавказа можно рассматривать как особый проблемный комплекс, отражающий и соответствующим образом преломляющий сложившиеся тенденции регионального и глобального социально-экономического и политического развития.

Анализ динамики геополитических и этнонациональных процессов, протекающих в регионе, необходимо проводить исходя из той роли, которую они играют по отношению к системе российских геостратегических приоритетов. Здесь уместно вспомнить точку зрения К.С. Гаджиева, согласно которой, значение региона для Российской Федерации определяется его выгодным геополитическим положением в контексте защиты ее стратегических и геополитических интересов, обеспечения политической и социально-экономической стабильности, сохранения своего влияния на южных рубежах. В этом регионе все споры, противоречия и конфликты, характерные для России в целом, проявляются в наиболее запутанной форме [7].

Геополитические реалии макрорегиона следует осмысливать в контексте глобальных трансформаций, происходящих в мире и России. Ведь этот регион является частью мирового и российского геополитического пространства, которое существенным образом влияет на характер происходящих здесь явлений.

Этнические, региональные, религиозные и культурные традиции нередко становились не только фундаментом многонационального единства, но и причинами нестабильности государства и разобщенности общества. Более того, ряд зарубежных государств и международных организаций стали использовать этнические и религиозные факторы для реализации на территории Северного Кавказа собственных геополитических и геокультурных сценариев, подрывающих национальную

безопасность и традиционный социокультурный уклад нашего государства.

Сегодня приходится констатировать, что на геополитическом уровне стратегическое значение Северного Кавказа трудно переоценить. И поэтому он является притягательной геополитической зоной – местом соперничества между многими государствами. Его характеристики определяются двумя существенно значимыми обстоятельствами – это пространство, где сосуществуют две цивилизации – христианская и исламская – и где разграничиваются и взаимодействуют Запад и Восток как культурно-цивилизационно-географические образования.

Именно на южном стратегическом направлении для России исходит угроза ее национальной безопасности, на которую она не только адекватно реагирует, но и пытается проводить продуманную политику, отвечающую геополитическим интересам.

По словам В.А. Тишкова, чтобы быть эффективной, российская политика на Северном Кавказе (в ее геополитическом измерении) должна опираться на ясно сознаваемые и отчетливо выраженные национальные интересы, преследовать четко определенные цели и иметь реалистическую стратегию их достижения. Если интерес России состоит в сохранении ее территориальной целостности и укреплении общенационального единства – при обязательном условии развития правового демократического государства, отдающего приоритет правам человека, то главным направлением государственной политики должно стать активное развитие федеративных отношений [8].

Регион отличается особым динамизмом геополитических процессов, что обусловлено рядом объективных факторов, среди которых можно выделить важное геополитическое положение региона, чрезвычайно сложный этноконфессиональный состав населения, особенности этнорегиональной идентичности. Этот макрорегион является единой геополитической системой, и его стабильность может быть обеспечена только политическим единством всех народов.

4.1. Северный Кавказ в поисках геополитической идентичности

Системное решение проблем социально-политического и этнокультурного развития народов и регионов России одновременно с противодействием этнополитическому и религиозному экстремизму не представляется возможным без комплексной разработки внутригосударственной геополитической концепции, учитывающей всю сложность полиэтничного макрорегиона, и без решения государственной задачи формирования общероссийской идентичности.

В связи с вышеизложенным возникает необходимость в осмыслении и переосмыслении геополитического пространства в условиях неопределенности. Важность этой проблемы обусловлена еще и необходимостью формирования геополитической идентичности в современной России.

Следует отметить, что необходимость выбора новых геополитических координат поставила перед Россией проблему определения своей идентичности, тесно связанную с ее геополитическим позиционированием. На парламентских слушаниях в декабре 2008 г. отмечалось, что одной из задач выстраивания российской идентичности будет выявление особой роли России в мире, определение возможных зон ее лидерства и актуализация на основе этого миссии страны в решении общемировых задач.

В свете таких потребностей политологической теории и политической практики, в связи с необходимостью теоретического осмысления новаций действительности в ее геополитическом выражении представляется своевременным и обоснованным обращение к обозначенной теме. Актуальность проблемы определяется объективно существующей необходимостью анализа геополитических трансформаций в России, важностью выбора ею новых, адекватных современным мировым процессам ориентиров в политике, во взаимоотношениях с другими государствами и их союзами. Кроме того, поиски новой идентичности являются необходимым условием выработки государственной стратегии в области внутренней и внешней политики, а также обеспечения национальной безопасности России.

Центр всех этих проблем в наибольшей степени сконцентрирован в социокультурной группе народов Северного Кавказа. Целостность российской государственности в условиях глобалистского передела мира зависит не только от политического разрешения судеб исторической общности народов, но и от социокультурного самоопределения этносов, от степени притяжения многонациональной идеи, языка и культуры, конфессиональной идентичности, смысловое поле которых определяет множественность субъектов поликультурного пространства региона.

Актуализация проблемы формирования идентичности на Северном Кавказе, как считает А.Ю. Шадже, связана с особенностями региона и со сложными процессами, происходящими здесь. В процессе социокультурной трансформации и модернизации традиционного уклада жизни народов региона исторически сложившаяся здесь этническая карта подвергалась серьезной деформации. В последнее время стал нарастать динамизм в межэтнических взаимодействиях и отношениях, в переходе от традиционных норм и форм жизни к инновационным, в переоценке ценностей, в формировании новой социальной модели жизнеустройства. Эти процессы уже размыли традиционные основы социального жизнеустройства народов, что, однако же, не привело, как можно было ожидать, к ослаблению роли этнического фактора [9].

В формате данной статьи следует заметить, что эпоха «геополитического хаоса» принесла новое измерение идентичности, вызвав переосмысление множественных геополитических парадигм. Большинство российских политологов изучение «особенностей, генезиса и эволюции географических образов» непосредственно увязывается с «идентичностью и геополитикой» [10].

Одним из наиболее значимых трудов по проблематике геополитической идентичности является коллективная монография сотрудников Центра геополитических исследований Института географии РАН «Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика». Основываясь на материалах исследований Фонда «Общественное мнение»

4.1. Северный Кавказ в поисках геополитической идентичности

(2000–2002 гг.), авторы реконструируют «геополитическую картину мира» российских граждан. Они анализируют образы и представления наших соотечественников о зарубежных странах и характере взаимоотношений России и «заграницы», рассматривают роль «обыденной геополитики» в формировании новой российской идентичности. Впечатляет перечень исследовательских задач и вопросов, поставленных авторами: это и уточнение геополитической компоненты новой российской идентичности, и изучение ценностных ориентиров россиян в геополитике, и сравнительный анализ образов и представлений россиян о других странах, и многое другое.

Исследование представляет собой одну из первых в России попыток широкого междисциплинарного анализа «низкой», «народной» геополитики с помощью инструментария социологических опросов. Ключевое значение для разделяемого авторским коллективом исследовательского подхода имеет представление о геополитическом положении той или иной страны как о своего рода «зазоре между местом, которое отводят стране международное сообщество и внешние партнеры, и местом, которое она занимает на карте мира в представлении собственных граждан».

В рамках данного направления такие ученые, как Д.Н. Замятин, А.А. Кара-Мурза, В.А. Колосов, В.И. Пантин, С.Б. Переслегин, И.Н. Тимофеев, П.А. Цыганков, В.Л. Цымбурский и другие, используют понятие «геополитика» в связи с границами и распространением идентичностей и рассматривают ее как составляющую геополитических процессов. Так, одни авторы считают, что идентичность является ключевым понятием в современном прочтении геополитического дискурса. По мнению других, идентичность может выступать объясняющим фактором внешней и внутренней политики государства.

На наш взгляд, геополитические трансформации имеют значительное влияние на формирование российской идентичности, поскольку постсоветское развитие происходит в условиях социокультурного кризиса, связанного с разрушением советской идентичности и продолжаю-

щимися поисками новых ценностных ориентиров. Такому состоянию российской идентичности способствовал тот факт, что в течение прошлого века страна была «отстранена от полного социального признания» со стороны своего Значимого Другого (Запада) [11].

В контексте исследования геополитических трансформаций важно обозначить, что особенности идентичности России связаны с ее огромной территорией, на которой проживает множество народов, этносов, и, главное, с ее промежуточным, переходным положением между Западом и Востоком, между Европой и Азией. Чрезвычайно важным для понимания специфики идентичности России является то обстоятельство, что в ней органично сосуществуют элементы и западной, и восточной цивилизаций. Это обуславливает, с одной стороны, сложность и незавершенность процесса формирования единой идентичности России, а с другой – дает возможность россиянам понимать культуру и мировоззрение народов как Запада, так и Востока. Последнее качество является чрезвычайно важным в условиях современной глобализации, интенсивного общения людей, принадлежащих к разным этносам, культурам и религиям.

В этой связи следует согласиться с мнением В.И. Пантина о том, что отсутствие общей для российских граждан национально-цивилизационной идентичности выражается в распространенности своеобразной «негативной» самоидентификации, исходящей из представлений о России как об «особой» стране, не похожей ни на Запад, ни на Восток, ни на Европу, ни на Азию [12].

Кризис российской идентичности актуализировал и региональную самоидентификацию на Северном Кавказе. Оценивая геополитические трансформации в регионе, необходимо обратить внимание на то, что он является зоной активных межэтнических и межконфессиональных контактов. Вследствие этих взаимоотношений сформировались группы со сложной идентичностью, исследование которых важно как для выявления механизмов их существования, так и для выявления закономерностей

4.1. Северный Кавказ в поисках геополитической идентичности

протекания некоторых этнических, политических и конфессиональных процессов в регионе.

К факторам, обуславливающим региональную идентичность, следует отнести природно-климатические условия; менталитет и стереотипы поведения; региональную культуру, включающую ценности всех народов, населяющих регион, религию; быт, сочетающий элементы этнические и регионально-типические, связанные с природной средой; систему региональных ценностей и интересов совместного проживания и самореализации на данной территории.

По словам К.С. Гаджиева, «с точки зрения обеспечения национальных интересов и национальной безопасности России наиболее проблемным регионом является Кавказ, где в сложнейший узел сплетено множество трудно-разрешимых социально-экономических, национально-территориальных, конфессиональных, геополитических проблем и других проблем. Кавказ представляет собой специфический регион, обладающий особым обликом, своими особенностями территориально-географического, исторического, социально-экономического, этнонационального, социокультурного и конфессионального характера» [13].

По суждению ряда ученых, приоритетным направлением регионального этнополитического менеджмента в духовной сфере должно стать формирование современной российской идентичности у жителей региона. Социокультурная идентичность современного российского общества так и осталась постсоветской, и те явные тенденции формирования новой российской идентичности, очевидные во второй половине 1990-х годов, которые, как тогда представлялось, приведут к становлению новой российской идентичности, оказались незавершенными. Постсоветская идентичность по своей природе могла быть только конфликтной идентичностью и отражать период отхода от одной идентичности («советскости») к другой, российской. Личности с такой переходной идентичностью не могут чувствовать себя тождественными друг другу, конфликты идентичностей в такой ситуации неизбежны.

Для России грядущая геополитическая эпоха, по всей вероятности, принесет геополитическое усиление, которое выразится в продолжительном экономическом росте, повышении жизненного уровня населения, решении некоторых острых демографических проблем, в развитии науки, техники и внедрении передовых технологий, в информатизации страны и в общем культурном подъеме. С точки зрения геополитической судьбы Россия «обречена» играть ведущую и интегрирующую роль в пространстве СНГ, быть геополитическим лидером и, возможно, вновь стать мировой супердержавой, выражающей иную, не имперскую и не коммунистическую, государственную идею.

Современная глобализация и трансформация геополитической структуры мира актуализировали проблему формирования идентичности, которая претерпевает значительные изменения и приобретает множественные оттенки. Необходимость выбора новых геополитических координат поставила перед Россией проблему неотложного определения своей идентичности, тесно связанную с геополитическим моделированием и обеспечением национальной безопасности.

В России проблема формирования идентичности стоит особенно остро. Российская идентичность чрезвычайно дифференцирована и неустойчива. Осознавая и переживая свою принадлежность к пересекающимся групповым множествам, индивиды, социальные группы и общества становятся носителями сложной, множественной идентичности. Поэтому все чаще обсуждается проблема кризиса, «дрейфа» или «утраты» идентичности.

В начале третьего тысячелетия Россия – это страна, идентичность которой качественно меняется. В поиске своей идентичности общество и государство конструируют новые институты, образы и символы России. Меняются казавшиеся устойчивыми традиционные национальные и государственные идентичности, возникают вызовы со стороны различных региональных идентичностей.

В постсоветской России кризис идентичности проявляется в сложной адаптации россиян к новому месту в

4.1. Северный Кавказ в поисках геополитической идентичности

геополитическом пространстве и к новым формам политической интеграции. В данном аспекте распад Советского Союза явился одновременно и распадом советской идентичности как целостности на многочисленные идентичности, которые взаимодействуют на меняющемся геополитическом пространстве.

Конструирование идентичности в современных российских реалиях выступает в качестве индикатора, позволяющего судить о характере и направленности процессов интеграции субъектов политики в политическую структуру общества и о векторе развития политического процесса.

Поиски идентичности на современном этапе развития государства становятся важным фактором реализации государственной стратегии. Особую значимость для российской политики приобретает разработка государственной концепции, учитывающей не только военно-стратегические и экономические параметры, но и аспекты идентичности. Идентичность, складывающаяся в реальном пространстве, – есть фактор политической реальности, состоящий из сложного переплетения множества компонент, который необходимо учитывать в государственной политике. Изучение векторов идентичности России в глобализирующемся мире представляется принципиально важным для прогнозирования развития постсоветского пространства.

Глобализация и трансформация современного мира, обусловленная изменениями геополитической структуры в начале XXI века, породили в России вызовы, представляющие угрозу ее национальной безопасности. К основным векторам укрепления безопасности относится необходимость преодоления кризиса идентичности. Преобразования, которые проводятся в Российской Федерации, немыслимы без четкого понимания роли страны в мировом сообществе и осознания гражданами собственной, уникальной судьбы. Россия испытывает сегодня кризис идентичности, то есть утраты сложившегося представления о самой себе. В этих условиях для России важно достойно участвовать в глобализационных процессах,

повысить свой статус, сохранить свою геополитическую идентичность, исходя из интересов страны.

Думается, что развивающиеся в мире процессы глобализации, затрагивающие идентификационные архетипы всех государств, развернувшийся переход к постиндустриальному обществу по-новому ставят проблему формирования многоуровневой идентичности не только для России, но и для всего мира.

Стремительные изменения в мире, связанные с противоречивыми процессами глобализации и трансформации, резко обострили проблему идентичности. По образному выражению одного из исследователей, ученые одновременно оказались и в роли творцов, и в роли пленников мировой паутины идентичностей, перед лицом цивилизационных вызовов. Эта проблема начала «мучить» людей и страны с конца XX века: их сопровождает постоянное желание либо сохранить избранную идентичность, либо сделать новый выбор, либо еще что-то другое, связанное с поиском своего «я» или «мы».

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что новые вызовы глобализации, усиление роли России на международной арене и необходимость выработки модели развития страны и ее геополитической доктрины на основании баланса традиций и инноваций приводят к тому, что России предстоит решить две основные задачи – новой самоидентификации в современном мире и разработки государственной концепции, учитывающей всю сложность геополитических трансформаций в условиях формирования российской идентичности.

Примечания:

1. *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы // *Общественные науки и современность.* – 2004. – № 1. – С. 57.
2. *Цымбурский В.Л.* Идентичность геополитическая // *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* – М., 2001. – Т. 1. – С. 79.
3. *Кефели И.Ф.* Философия геополитики в контексте современного теоретического знания // *Политэкс.* – 2006. – № 1. – С. 67.

4.2. Глобализация культурной идентичности

4. Смирнов А.Н. Этнические контуры северокавказской геополитики // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 5. – С. 40.
5. Юрченко В.М. Геополитические интересы России на Кавказе // Глобализация и регионализм. Черноморский регион и Балканы. Сб статей / отв. ред. В.В. Журкин. – М., 2001. – С. 220–221.
6. Геополитика / под общ. ред. В.А. Михайлова. – М., 2007. – С. 200–201.
7. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001. – С. 47.
8. Тишков В.А. Кавказ в геополитическом измерении [Электронный ресурс]. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti_mira_/kavkaz_v_g.html
9. Шадже А.Ю. Национальная идентичность // Многоуровневая идентичность. – М. – Майкоп, 2006. – С. 107–108.
10. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / под ред. В.А. Колосова. – М., 2003. – С. 15.
11. Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. – М., 2005. – С. 24–25.
12. Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. – 2008. – № 3. – С. 34.
13. Гаджиев К.С. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 2. – С. 64–74.

4.2. Глобализация культурной идентичности

Каждая эпоха выдвигает определенные проблемы. Главным вызовом современной эпохи являются две взаимосвязанные проблемы – глобализация и идентичность. Нетрудно заметить, что в глобализирующемся мире нарушено равновесие между традициями и новациями; наблюдается стремление к очень быстрому изменению во всех сферах человеческого бытия. В этих условиях люди и страны, ощущая духовный (и национальный) кризис, обращаются к определению своей идентичности: «кто я?» или «кто мы?».

Глобальный кризис национальной идентичности охарактеризовал С. Хантингтон [1]. По его мнению, дебаты по

поводу национальной идентичности давно превратились в неотъемлемую черту нашего времени. Почти повсюду люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свои позиции, меняют точки зрения. Кто мы такие? Чему мы принадлежим? Хантингтон связывает национальный кризис с глобализацией.

Представляется, что кризис идентичности может быть вызван разными причинами. Как отмечалось выше, в нашей стране проблема идентичности актуализирована после распада Советского Союза в условиях изменяющегося мира. Нетрудно заметить, что явные изменения произошли в «интеллектуальном климате» России и российских регионах. Совершенно справедливо отметил З. Бауман, что «идентичность» становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [2]. Такая «популяризация» идентичности заметна на разных уровнях человеческого бытия.

В условиях глобализации происходит трансформация и плюрализация идентичности. Глобализация рождает новые формы взаимосвязи и взаимодействия стран и народов, что связано с переосмыслением устоявшихся представлений о культурной идентичности.

Как же определяется глобализация в современной науке?

На этот вопрос ответим словами американского профессора У. Макбрайда: «Глобализация – слово со многими значениями, которое всегда было очень трудно определить» [3]. Существующие концепции о глобализации нами уже рассматривались, в связи с этим постараемся не повторять их, а продолжить начатый сюжет, расширяя понимание смысла глобализации [4].

Заметим, что с самого начала глобализация характеризуется как финансово-экономический феномен. «А это ошибка!» – восклицает западный социолог Энтони Гидденс. И вслед за ним мы повторяем, что глобализация охватывает все сферы человеческого бытия и ведет к формированию новой реальности, способствует пони-

4.2. Глобализация культурной идентичности

манию единства взаимосвязанного и взаимозависимого мира. Глобализация оказывает влияние на все аспекты нашей жизни. В целом глобализация амбивалентна по отношению к жизни, что-то улучшается, что-то ухудшается; кто-то больше испытывает вызовы глобализации, а кто-то – меньше. Бесспорным является то, что она стала нашим образом жизни, мы находимся в ее объятиях.

Глобализация представляет собой противоречивый процесс. С одной стороны, глобализация открывает границы народам и государствам, соединяет их через знания, информацию, технологию, с другой – вызывает напряженность и конфликты, связанные с усилением роли индустриально развитых стран, которые вносят наибольший вклад в поддержание глобального миропорядка. Отсюда следует, и это отмечают специалисты, что сама глобализация представляет собой глобальную проблему, содержащую в себе большие перспективы и опасности, особенно в сфере культуры.

Современная глобальная ситуация в мире довольно противоречива и неопределенна: на современном этапе глобализации мы ощущаем американизацию, ощущаем ее влияние явно, открыто и зачастую болезненно в духовной жизни, в культуре.

Заметим, что споры относительно глобализации в основном сосредотачиваются на ее последствиях для государств. «И, что еще важнее, сегодня, когда прежние формы геополитики устаревают, государствам необходимо пересмотреть свою идентичность в целом» [5]. Трудно не согласиться с Э. Гидденсом, считающим, что после окончания «холодной войны» у большинства стран больше не осталось врагов. Сегодня государствам угрожают риски и опасности. Хотя и спорной точкой зрения остается первая часть тезиса, а со второй частью его трудно не согласиться.

Между тем риски и опасности проявляются не только по отношению к государству, но и к институтам, не справляющимся сполна со своими функциями, а также касаются и нашего образа жизни, нашей духовной жизни, культуры, в которой формируется личность.

Культурную глобализацию следует рассматривать как сложный процесс, способствующий появлению специфических культурных моделей и культурных образцов. Они могут проявиться в повседневной жизни, поведении людей, в их деятельности и т.д. Одним словом, многое формируется под влиянием вызовов глобализации и ответов, получаемых на местах. И здесь важно отметить, по крайней мере, два положения. Первое – в культурном плане глобализация открывает доступ к плюрализму, то есть возможности выбора пути развития широки. Второе – культурная глобализация оказывает влияние на идентичность, открывая путь к множеству идентичностей в глобальном мире.

Заметим, что «свободный выбор» своей идентичности, а точнее поиск своего я» или «мы» осуществляется в условиях нестабильного, меняющегося, развивающегося мира. Именно от культуры человеческого разума зависит «иницирование флуктуаций», которые могут способствовать сохранению многообразия культур и идентичностей либо уничтожению этого многообразия и самого себя.

Под воздействием активизирующейся глобализации происходит смена идентификационных маркеров. В мировой социально-гуманитарной науке существует множество оценок, схем и моделей развития человечества. Имеющиеся подходы группируют следующим образом.

Первая группа – мир становится гомогенным, унифицированным, т.е. мир будет представлять собой некий единый стандарт – западный, скорее всего. К примеру, классическая в этом плане работа Ф. Фукуямы о «конце истории».

Вторая группа – это работы авторов, представляющих глобальный мир разделенным по разным основаниям: по цивилизационному признаку (С. Хантингтон, А. Тоффлер), уровню социально-экономического развития стран (И. Валлерстайн) и т.д.

Наконец, *третья группа* – это концепции, в которых совмещены обе тенденции мирового развития: интеграция и фрагментация. Появились специальные термины,

соответствующие этим процессам. Это – «фрагментативность» (Дж. Розенау), «глокализация» (Р. Робертсон).

Независимо от того, какой именно точки зрения придерживаются исследователи, большинство из них подчеркивают *сложность* глоболизирующегося мира и *множественность* участников этого процесса. Как отмечается в научных дискуссиях по глобализации, бесспорным является то, что глобализация открывает новые горизонты для осмысления и переосмысления своего существования и сосуществования с «Другим».

Говоря о культурной глобализации, подчеркнем еще раз, что она предоставляет большую возможность в выборе, поскольку появляется плюрализм ценностей, образа жизни, идентичностей, веры и т.д. Здесь нет альтернативы: либо глобальное, либо локальное. В этих условиях оказываются совместимыми глобальное и локальное. Этот процесс именуется глокализацией. Представляется, что естественная глобализация, становящееся новое глобальное общество не должны уничтожать культурные традиции, унифицировать их на базе социокультурной парадигмы. В условиях глобализации формирование личности будет происходить в рамках культуры, этноса, нации, цивилизации. В этом контексте вновь актуализируются традиционные вопросы взаимоотношения традиции и новации, общего и национально-особенного.

Между тем культурная глобализация влечет за собой глубокие и сложные изменения, «грозящие современному человечеству новыми *социокультурными рисками*». Как правило, эти риски связаны с изменениями информационно-коммуникативных систем и технологий, а также партикулярным и универсальным в культуре. К социокультурным могут быть отнесены следующие риски:

- «запаздывания» культурного развития, что ведет к информационно-коммуникативному неравенству;
- превышения объема и роли информационных потоков;
- утраты этническими культурами базовых характеристик, следствием чего является трансформация моделей этнокультурной идентичности;

– «размывания» ядра национального языка в результате расширения лингвоинформационных заимствований, необходимых для коммуникации в мировом информационном пространстве;

– негативной самоорганизации и упущенных возможностей из-за отсутствия инновационной стратегии и культурной политики [6].

Картина культурной глобализации довольно сложна. Осмысливая современные этнокультурные процессы и будущее, мы, безусловно, осознаем, что формы бытия культур и этносов будут меняться. Но как сохранить и развивать аксиологические основания этнических культур? Как, не потеряв себя, свою культурную идентичность, самобытность, найти свою нишу в глобальном мире? Однозначного ответа не существует. Однако сомнения нет в том, что поиски ответов на поставленные вопросы выводят на необходимость построения концепции (модели) социально-экономического развития северокавказского общества, сочетающей в себе этнический, региональный и российский компоненты глобализации.

Появление новых форм взаимосвязи и взаимодействия стран и народов под влиянием глобализации влечет за собой необходимость переосмысления устоявшихся представлений о разных видах идентичности и их существовании. Более того, картина глобализационных последствий была бы неполной без освещения ситуации, связанной с культурной идентичностью, поскольку она вызывает наибольшее число дискуссий. Остановимся на некоторых из них.

На уровне индивида. Человек, принадлежащий к нескольким культурным мирам, может идентифицировать себя с разными культурами, то есть у него может быть одновременно много культурных идентичностей. При этом он является целостной личностью. Как отмечают культурологи, «наличие сразу нескольких культурных идентичностей не разрывает, а гармонизирует человека, он может существовать параллельно в разных культурах» (Ю.Р. Горелова).

На вопрос: «Сколько идентичностей может вместить в себя человек?» однозначен ответ: «Нормальная идентичность может вместить множество идентичностей и разных, осознаваемых индивидом и сосуществующих в сложной системе». Однако характер идентичности изменился в условиях глобализации, в результате чего современный человек оказался в лабиринте идентичностей: смысл Я-образов меняется активно и заметно. Изменилась целостность этой сложной системы «идентичность», что повлекло за собой *кризис нормальной идентичности и появление новых (синтетических) идентичностей*. Например, сетевая культура влечет за собой кризис нормальной идентичности и способствует появлению «сетевой» идентичности.

В контексте наметившегося направления глобализации следует отметить, что в процессе виртуализации социальной реальности имеет место *тенденция* размывания границ как индивидуальных идентичностей, так и социальных (национальных в том числе). Сами понятия «нация», «национальная идентичность» становятся маргинальными, не аутентичными [7]. Действительно, в сетевом пространстве «идентичность стала конструируемой (в каждый момент времени), изменчивой, нестабильной, неустойчивой, фрагментарной, мозаичной, с пунктирной и ситуативной стержневой центрацией. Однако имеет место своего рода диалектика постоянства и изменчивости идентичности. Это характерно как для обыденной реальности, так и для сетевых коммуникаций» [8].

По словам Е.О. Труфановой, «кризисная идентичность выражается в нарушении связей между различными Я-образами, в том, что некоторые Я-образы больше не вписываются в существующую систему, и требуется реформация, переструктурирование Я» [9]. Причем исследователь считает, что в этой сложности одновременно заложен и путь к наиболее полноценному развитию индивида.

Что же касается новой идентичности, «каковой бы она ни была – приобретенной добровольно или недобровольно, присвоенной или навязанной, – всегда означает

новые права, новые полномочия, новую вину и новую же ответственность. Помимо воли своего обладателя новая идентичность вписывает его в совершенно иной событийный ряд и включает в отличный от прежнего повествовательный контекст. Массовая смена идентичности становится возможной благодаря новому отношению между индивидом и миром, характерному для эпохи модерна» [10].

Более того, «в связи с активным освоением человеком искусственных информационно-коммуникативных сред изменяются фундаментальные структуры сознания (эмоции, память, воображение, рациональность и поведение в реальном мире), разрушается субъектность, возникают серьезные этические проблемы (перлюстрация корреспонденции, внедрение спамеров и т.д.), психологические деструкции и «компьютерное отчуждение», изменяются формы и направленность процессов социализации и инкультурации, трансформируется жизненный мир человека» [11]. Трудно не согласиться с О.Н. Астафьевой, когда она аргументированно ставит актуальную проблему серьезного исследования процесса становления личности в информационно-коммуникативных средах, ибо изменяющийся уровень информационно-психологической безопасности человека в современном мире, «обживающем» компьютерную виртуальную реальность, влияет на его внутренний мир, духовно-этические установки, в целом – тип *мироотношения и миропонимания*.

Говоря о кризисе идентичности, считаем важным отметить тот факт, что изменение культурной среды под влиянием виртуальной выражается еще и в том, что создается «особое семиотическое пространство» (Ю.М. Лотман), формирующее специфическое сознание – фрагментарное. «Отягощенные» естественные языки не способствуют осмыслению жизни, происходящих событий. Человек в такой ситуации выбирает упрощенный путь «осмысления» жизни, т.е. начинает сиюминутно «ловить» и фиксировать информацию. Разрушающаяся система («семиотическое пространство»)

способствует формированию не мыслящего, а наблюдающего человека.

Еще на одну особенность кризиса идентичности, в частности кризиса социокультурной идентичности, являющейся очень важным для понимания усложняющегося внутреннего мира субъективной идентичности, теряющего смысл своего Я, обращают наше внимание ученые. Предполагая становление нового типа идентичности – «сетевой» идентичности, отмечают, что «сетевая идентичность определяет степень обособленности индивида от других членов социума, для некоторых людей является основанием для коммуникативного дискомфорта». Сетевая культура формирует особый тип личности, целостность которой складывается только в процессе сетевой коммуникации. Сетевая среда насыщена произведениями и их авторами, большинство из которых имеет множество имен, рассеянных в просторах сети, и они не могут собирать их всех воедино и сказать: «это – я» [12].

Таким образом, в современных условиях довольно явно и активно проявляется кризисная идентичность, что разрушает «единство множественности» идентичностей на уровне индивида. На разрушение системы «идентичность» силовое влияние оказывают средства массовой информации и виртуальный мир. Сила информационного поля настолько велика, что оно манипулирует сознанием индивида. Субъективная идентичность становится намного сложнее в условиях информационного общества, а внутренний мир – противоречивым. Я-образы рассыпаются в виртуальном мире, нет целостности идентичности, Я-образов, вмещающих в себя множество взаимосвязанных идентичностей.

Кризис этнокультурной идентичности. В современных условиях наблюдается очень распространенное мнение относительно «неудобства» этнического фактора, а значит и этнокультурной идентичности. Между тем реальность показывает, что значимость этнокультурной идентичности активизируется на Северном Кавказе.

Рано списывать этнический фактор и этническую идентичность, говоря о формировании или конструировании российской идентичности. Подчеркнем еще раз, что они не составляют альтернативу, наоборот, взаимодополняют друг друга. Более того, «в современной России двойная, тройная и более идентичность достаточно частое явление («я – черкес»; «я – адыг»; «я – россиянин»)» [13]. Это можно понять, исходя из самоощущения человека в конкретной ситуации, т.е. ситуативного характера идентичности, что может повлиять на иерархию разных модусов идентичности. Согласно с точкой зрения, прозвучавшей на Международной научной конференции «Этнология – антропология – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия (3–5 апреля 2008 г.)», о контекстуально-лабильной идентичности, когда изменчивость и множественная идентичность становятся нормой в динамичном мире; это – возможность выбрать [14].

Памятуя, что в философии методологически важным является то, что в качестве факта выступают теории, все же хочется вспомнить пару ситуаций. Находясь в Германии во время стажировки в Боннском университете, когда меня представляли как россиянку (Frau Prof. Dr. A. Shadzhe aus Russland, Kaukasus, Adygeia), я идентифицировала себя сначала с Россией, а затем следовали региональная и этническая идентичности. Для немецких коллег моя этническая принадлежность была не столь значима. А в Анкарском университете (Турция), меня представили, идентифицируя сначала с этнической идентичностью – Кавказом, а затем с Россией (профессорэу Шъуаджэ Асыет Адыгэ хэкужъым щыщ).

Итак, иерархическое место этнокультурной идентичности может определяться ситуацией. Однако как субъективное ощущение самотождественности своей этнической культуре она не исчезает, и на рациональном уровне порой ее трудно определить. В большей мере этнокультурная идентичность иррациональна. А для человека, находящегося за пределами своей страны – в глобальном мире, это чувство откладывается глубоко в сознании и постоянно сопровождает его. Например, П. Сорокин,

4.2. Глобализация культурной идентичности

находясь в эмиграции в США, создал теорию стратификации и социальной мобильности, но, тем не менее, не только не мог забыть родной коми-пермяцкой деревни, но и в теоретической работе часто обращался к российским мотивам (альтруистическая любовь, триединая истина, интегральная сущность человека) [15].

Этнокультурная идентичность в условиях глобализации, безусловно, обостряется и трансформируется. Одновременно усложняются идентификационные модели этнокультурной идентичности. А это, пожалуй, самая острая сфера, поскольку кризисная субъективная идентичность проецируется в область этнической культуры.

Глобализация этнокультурной идентичности ставит проблему во всех полиэтнических обществах: *какова перспектива развития культурной самобытности и этнокультурной идентичности?*

Глобальный свободный рынок не может заменить национальное и этническое самосознание. Корни этнического самосознания изменяются медленно, особенно эталоны культурной самобытности. Они исторически формировались у каждого этноса, по ним определяют свою этнокультурную идентичность. Именно этнокультурные ценности формируют первоначально мировоззрение человека, его миропонимание. Не случайно ведь существует концептуальная разница в мироощущении и миропонимании кавказца и западного человека. Поэтому представляется важным не растерять этнокультурные ценности, не допускать их исчезновения. Встает проблема сохранения культурного разнообразия, этнического разнообразия, а значит, и разнообразия этнокультурных идентичностей в условиях глобализации.

Ф.Х. Кессиди, размышляя над проблемой влияния глобализации на культурную идентичность, отмечает, что глобализация не в состоянии породить нового человека, т.е. человека вне определенного этноса. Поэтому надежды иных интеллектуалов на интеграцию культур, т.е. образование единой (мировой) культуры и даже «слияние» в обозримом будущем этносов (наций и народов)

в некий планетарный суперэтнос или «мегаобщество», представляются проблематичными. Это иллюзия, утопия, выдающая желаемое за действительное, реально осуществимое [16]. Тем не менее следует признать тот факт, что глобализирующемуся миру/цивилизационному процессу присущи две противоположные, но одинаково равноправные тенденции: взаимодействие культур и сохранение этнических культур.

В контексте вышесказанного укажем на два положения. *Первое.* Бытие, в частности бытие этноса и этнической культуры, в условиях глобализации определяется иначе, чем в XIX веке. Бытие становится социальной задачей, подразумевающей вживание в социокультурный опыт. В культурных традициях укоренены разные виды креативности, которые могут продолжить свое историческое бытие, преобразуя культурные формы своего существования.

Второе связано с сохранением этнического разнообразия, являющегося основой разнообразия этнокультурной идентичности. Сегодня «любая этническая единица безальтернативна и абсолютно ценна сама по себе». За этническим разнообразием следует «лингвистическое, конфессиональное, архитектурное и т.д., вплоть до разнообразия культур». Сегодня, в условиях активизирующейся глобализации древняя проблематика разнообразия беспрецедентно актуализируется [17].

Важно понимание имеющихся проблем и возможных моделей «синтетических» форм этнокультурной идентичности в условиях активизирующейся сетевой культуры, которые могут способствовать становлению нового типа идентичности – сетевой идентичности.

Совершенно справедливо, что важным условием для саморазвития этнических культур в современном глобализирующемся мире являются понимание необходимости поддержания этнокультурного разнообразия и достижение этнополитического согласия. Тогда можно избежать перехода прогнозируемых рисков в реальность [18].

Уровень национальной и наднациональной идентичности. Глобализация оказывает активное влияние на

наше культурное самосознание, а точнее, во многом его разрушает. Не случайно сегодня появляется множество публикаций относительно будущего национальной идентичности. Все страны обеспокоены своей национальной идентичностью.

Здесь важно вспомнить, что в современной гуманитарной науке существует различное ценностное отношение к национальному. В этом плане показателен постмодернистский дискурс рассматриваемой проблемы. Активно дискутируемый вопрос в этой области – это замещение национальной идентичности свободными наднациональными или глобальными идентичностями в эпоху постмодернизма.

Что будет представлять собой наднациональная идентичность? Каково будет сознание людей, идентифицирующих себя с наднациональным сообществом?

Действительно, в условиях глобализации стали появляться наднациональные сообщества и идентичности. Так, обратившись к процессам европейского объединения, начавшимся в последние десятилетия XX века и к началу XXI столетия, можно сказать, что европейское сообщество переживает кризисные тенденции, в частности кризис идентичности. Согласно формулировкам Ю. Хабермаса, горячего сторонника и теоретика европейской интеграции, сейчас в центр внимания со всей остротой выдвигается вопрос о «европейской идентичности» и общеевропейских ценностях. Не вдаваясь в анализ внутренних противоречий объединенных стран, обратимся лишь к состоянию сознания людей, вовлеченных в интеграцию и глобализацию. Согласно опросам, лишь малая часть населения интегрирующихся государств приемлет «космополитические ценности», тогда как подавляющее большинство (более 85%) идентифицирует себя с локально-региональными, национальными ценностями и ориентирами [19].

Принимая во внимание возможность создания и существования наднациональных идентичностей, хочется надеяться, что они не могут быть замещены космополитической культурой.

Подведем итог. Рассматривая многосложную и многоаспектную идентичность как сложную открытую систему, важно отметить, что:

– на современном этапе представляется целесообразным вести речь о процессе идентификации, поскольку в условиях глобальной сетевой культуры модернизируется идентичность, формируются новые виды идентичности;

– сохранение множества культур и множества культурных идентичностей – это разнообразие человечества, поэтому необходим поиск сохранения этого богатства.

Примечания:

1. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. / пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – С. 35–43.

2. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – С. 176.

3. Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 80.

4. Шадже А.Ю. Национальная идентичность // Многоуровневая идентичность. – М.–Майкоп, 2006. – С. 100–111.

5. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. – М.: – Изд-во «Весь мир», 2004. – С. 34–35.

6. См.: Астафьева О.Н. Культурно-цивилизационные грани глобализации // Глобализация : учебник / под общ. ред. В.А. Михайлова и В.С. Буянова. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – С. 183.

7. См.: Уханов Е.В. Идентичность в сетевых коммуникациях // Философские науки. – М., 2009. – № 10. – С. 60.

8. Там же. – С. 65.

9. Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 105.

10. Пржиленский В.И. Идентичность: обретать, выбирать или конструировать? // Идентичность в сетевых коммуникациях // Философские науки. – 2009. – № 10. – С. 37.

11. Астафьева О.Н. Многообразие моделей этнокультурной идентичности в современном информационно-коммуникативном пространстве // Глобализация и перспективы современной цивилизации. – М.: КМК, 2005. – С. 123.

12. См.: Там же. – С. 124.

13. Шадже А.Ю., Шеуджен Э.А. Северокавказское общество: опыт системного анализа. – М.–Майкоп: ООО «Аякс», 2004. – С. 59.

14. См.: Этнология – антропология – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: Материалы международной научной конференции, состоявшейся 3–5 апреля 2008 г. – М.: Изд-во «Весь мир», 2009. – С. 134.

4.3. Диалог – условие сохранения разнообразия

15. См.: Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. – 2003. – № 6. – С. 57.

16. См.: Кессиди Ф.Х. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 76, 79.

17. См.: Тотюнник Ю.Г. Социальные постнеклассические практики. К постановке проблемы // Постнеклассические практики: определение предметных областей: Материалы международного междисциплинарного семинара / под общ. ред. О.Н. Астафьевой. – М.: МАКС-Пресс, 2008. – С. 122–124.

18. Астафьева О.Н. Многообразие моделей этнокультурной идентичности в современном информационно-коммуникативном пространстве // Глобализация и перспективы современной цивилизации. – М., 2005. – С. 119.

19. Мотрошилова Н.В. Идеи единой Европы: философские традиции и современность. Часть первая. // Вопросы философии. – 2004. – № 11. – С. 3.

4.3. Диалог – условие сохранения разнообразия

 современных условиях актуализируется диалог. Особое значение и смысл его обусловлены необходимостью сохранения человечества, цивилизации, культурного разнообразия и т.д. Диалог играет важную роль в изменяющемся мире. В глобализирующемся мире определение значимости диалога связано с переосмыслением нашего бытия, смысла нашего существования и предназначения.

В российском обществе, в частности Северо-Кавказском регионе, уровень культуры диалогического мышления не является высоким; неэффективно используются диалогические институты в современных условиях; эвристический потенциал диалога сполна не изучен и не используется в практике. Это продиктовано многими факторами: отсутствием демократических традиций в стране, существовавшим длительное время монологическим мышлением и т.д.

Каков смысл диалога в контексте постнеклассической науки? Как эффективнее использовать эвристический потенциал диалога в современных условиях?

Попробуем поразмышлять над этими вопросами в заключительном параграфе данной книги, т.е. о диалоге как основании сосуществования разных видов разнообразия на разных уровнях.

Отправным положением моих рассуждений является известное высказывание М.М. Бахтина, имеющее жизненный смысл и большую значимость: «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается» [1].

Приведенные слова можно понимать довольно широко. Не делая глубокого философского анализа, отмечу, что идея диалога впервые зародилась на Западе. Как известно, восточная мудрость не нуждалась в диалоге (да разве только была необходимость в диалоге с Богом).

Древние греки первыми заговорили о диалоге, осмыслив его как философское понятие. Слово «диалог» понималось древними греками как форма общения, которая употреблялась для изложения проблем с помощью диалектики. Первоначально диалог понимался в философии как разновидность спора. Причем утверждение собственной позиции в диалоге было подчинено поиску истины, что представляло собой одинаковую ценность для обеих сторон. Такое понимание диалога идет от Сократа. Формой его философствования был диалог, предполагающий совместный поиск истины в ходе бесед и споров. По Сократу, вне настоящего диалога нет мудрости подлинной; диалог – это «живая и одушевленная речь знающего человека», а письменная речь – это «отображение» диалога.

В Новое время идея диалога трансформируется, она переходит в теорию общественного договора, которая стала «аксиомой европейской политической философии и правовой теории». Случайно ли появление диалогической формы мышления в греческом полисе и дальнейшее развитие ее (безусловно, в модифицированной форме) в Новое время?

По словам В.М. Межуева, это связано с тем, что у человека появляется потребность в диалоге, когда он на-

чинает осознавать себя индивидуальностью. В диалоге «участвуют люди, осознавшие свою индивидуальность и, как следствие этого, свою универсальность, свою принадлежность к человеческому роду» [2]. Лишь древнегреческая культура и культура Новоевропейского времени формируют индивидуальность.

В конце XIX – начале XX веков диалог утрачивает свое прежнее значение как чисто философский жанр и выходит на политическую авансцену.

Для нас представляет интерес философское осмысление диалога применительно к антропо-социокультурным системам. При этом следует помнить важный *методологический подход*, помогающий прояснить новые (современные) культурные смыслы, связанные с рассматриваемой проблемой. А.А. Гусейнов абсолютно точно обозначил, что, констатируя диалог культур, диалог цивилизаций, иногда конфликт цивилизаций, следует помнить, что «в действительности взаимодействуют не цивилизации и культуры, а взаимодействуют люди, группы людей, принадлежащие к разным культурам и цивилизациям» [3]. Значит, *вступают в диалог субъекты – люди, индивиды, группы, являющиеся носителями разных культур и цивилизаций*. Руководствуясь этим положением, будем рассматривать диалог.

В 20-е годы XX века М. Бубер и М. Бахтин начинают рассматривать диалог в контексте этических и эстетических проблем, а затем расширяют исследовательское поле диалога: определяют человеческое бытие как «диалогическую жизнь»; объясняют психологические процессы сознания человека через «внутренний диалог» и т.д. Например, «для Бахтина «диалог» – корень и основание для всех определений человеческого бытия – бытия, обращенного к «Ты»; бытия, только в таком обращении и существующего» [4]. Здесь важно отметить, что бахтинский диалогизм дает «форму понимания личности» и четко ставит проблему соотношения диалога и диалектики.

Развивая идею диалога Бахтина, В.С. Библер рассматривает диалог как «диалог культур». По мнению Библера, ход мыслей о предельном логическом смысле идеи «диало-

га» вырастает именно из осмысления всеобщности идеи культуры. «Идея диалога (диалога логик; культуры как диалога логик; логики как диалога культур...) есть – в самом своем истоке – идея *смысла человеческого бытия*» [5]. Именно с этого периода диалог трактуется широко, что позволило обратиться к его социокультурному смыслу.

В условиях формирования новых диалогических институтов интересными представляются исследования М.С. Кагана, отмечавшего достаточно точно, что специфика диалога (в отличие от коммуникации как способа передачи информации) в том, что диалог связывает людей как субъектов во всех масштабах культурного «субстрата» субъектности, и все формы диалога по своей культурной сути являются способом разрешения противоречий, альтернативным насилию, ибо насилие есть следствие отношения к другому как к объекту, а диалог – отношение к другому как к субъекту. «Диалог адресован конкретному Другому, но, в отличие от монолога, не с целью ему нечто сообщить (это аксиологически нейтральная функция коммуникации), а чтобы реализовать обладающую высшей ценностью функцию человеческого общения – совместными усилиями его участников, оказывающихся партнерами в общем действии, выработать объединяющую их новую информацию» [6].

Анализируя диалог, можно было бы расширить его специфику, т.е. аксиологическое его понимание, обратив особое внимание на возможность изменения ценностно-мировоззренческих установок участников диалога. Это связано с «внутренним диалогом» каждого субъекта-участника. Согласно В. Лекторскому, «диалог между мною и другим предполагает целую систему внутренних диалогов, в том числе: моим образом самого себя и тем образом меня, который, с моей точки зрения, имеется у другого человека (М. Бахтин в этой связи развивает диалектику: «я для себя», «я для другого», «другой для себя», «другой для меня» и т.д.)» [7].

Подобное переосмысление «я» в процессе диалога, опирающееся не только на понимание и восприятие «другого», но и критическое осмысление своего «я» (своей

точки зрения, ценности, мировоззрения, мысли и т.д.), формирует другое мышление и действие, толерантное отношение к другому, а также направлено на свободную самореализацию индивида. Такое новое понимание онтологии «я» и «другого» позволяет определить новый смысл рассматриваемого феномена, придать ему качественную определенность, выявить его сущность и подняться на новый уровень мышления.

Диалог проявляется во всех сферах человеческого бытия. В обыденном сознании распространено понимание природы диалога как смысла или беседы только *двоих*. Между тем диалогичность не сводится только к двум субъектам-участникам. Природу диалога определяет не формально-численная характеристика участников, а характер взаимодействий между ними.

Особенностью бытия человека является разнообразие его форм существования. Это и определяет наше диалогическое состояние. Мы постоянно находимся в диалогическом общении, т.е. ведем «внутренний» или «внешний» диалог с другим – то ли с людьми разных ценностно-мировоззренческих установок, то ли с природой, то ли со временем. Последнее выводит на осмысление соотношений прошлого, настоящего и будущего, т.е. на их диалог в культуре [8]. Первая, исторически зафиксированная форма этого отношения – подчинение настоящего прошлому; такова суть традиционной культуры во всех исторических модификациях от первобытности до Возрождения, поскольку сама суть традиционности состоит в безоговорочном (разумеется, по интенции, а не реализации, которая не может быть абсолютной по отношению к какой бы то ни было установке) подчинении настоящего прошлому, тут можно было бы сказать, что настоящее отдает прошлому «право на монолог».

Вторая позиция, также монологическая, но с противоположно направленным вектором монолога – наиболее последовательно воплотилась в идеологии модернизма, с его культом новизны, оригинальности, непохожести на прошлое, полным разрывом с традицией, доходившим до

провозглашения «смерти искусства» в классическом его понимании, «смерти» классической философии, науки, морали, в появлении на арене культуры некоего «антиискусства» и «контркультуры», в ощущении надвигающейся и неотвратимой гибели западной цивилизации, т.е. всей цивилизации.

И только третья позиция оказывается диалогической в точном смысле этого понятия, подразумевающего полноправие «Собеседника» (В.И. Вернадский) и поиск такого с ним контакта, который, не устранив ни его, ни своей самостоятельности, своеобразия, суверенности, свободы, одним словом, субъектности, породил бы ясное их духовное единство, «единство многообразия», говоря предрасной формулой древних греков.

В современных условиях продолжается поиск диалогического контакта с Другим. Человечество (этносы, нации, классы, государства и т.д.) может спасти себя, если осознает свое единство и единство с природой. Возрастает роль диалога как основного инструмента мышления еще и потому, что он предполагает различные подходы и позиции, обеспечивая диалектику преемственной связи.

Известно, что диалог является необходимым и достаточным условием существования и воспроизводства общества, сосуществования власти и народа, разных этносов и конфессий и т.д. Ценность диалога в обществе в том, что он восполняет ущербность монологической власти.

Более того, история любой страны (и любого общества) включает процесс решения проблемы на основе диалога или монолога. Российский опыт дает крайне интересную историю этих попыток. Для дальнейших размышлений обозначим еще важный *методологический инструментарий*: *диалог имеет свою специфику в том или ином обществе*. И следует отметить, что диалог может быть воспринят лишь в той мере, в какой эта мера сформировалась в предшествующей культурно-исторической традиции.

Что касается северокавказского опыта, то диалог, диалогическое мышление проявлялись не столько через слово, сколько через дела. Социокультурная основа формиро-

4.3. Диалог – условие сохранения разнообразия

вания диалога в регионе связана с выявлением и оценкой его значимости в сознании и поведении индивида. Здесь диалог способен варьировать ситуацию в целом.

Диалог находит разные формы своего бытия в этносах. К сожалению, в современных условиях произошла трансформация диалогических институтов. Сегодня необходим анализ диалога и выявление его эвристического потенциала с преломлением в практическую плоскость. Отсутствие такой работы создает напряженность на разных уровнях нашего бытия. Конфликтные ситуации, напряженность, вытекающие из политических условий и создаваемые некоторыми политиками, идеи ряда политических (и общественных) организаций настраивают один народ против другого. Такие ситуации активизируются и в связи с имеющимися проблемами и противоречиями в России и российских регионах.

Роль диалога возрастает в полиэтничном и поликонфессиональном северокавказском обществе. Именно здесь явно проявляется ценность диалога: он уменьшает негативные тенденции благодаря тому, что диалогическое взаимодействие, выступая как цель или как средство, нацелено на со-существование с другим, на взаимодействие с ним.

Известно, что национальная политика государства должна быть построена на диалоге и должна представлять собой постоянный диалог с его народами, нацеленный на согласование их интересов. Нет диалога – нет национальной политики. Между тем отсутствие готовности вести диалог, переговоры и привело к тому, что «Северный Кавказ разгорается» периодически. Северокавказское общество будоражит «новое появление террористов-смертников». Все это и многое другое заставляют вернуться к нетрадиционным формам работы, в основе которых лежит ценностное содержание диалога.

Ныне в современном северокавказском обществе множество проблем связано и с этническими меньшинствами, и с этническим большинством – русскими. Локальные проблемы усугубляются новыми проблемами,

вызванными современной глобализацией. И социально-экономических трудностей немало. Однако не следует их использовать для дихотомического противостояния «мы» – «они». Куда сложнее и важнее проявление корректности, мудрости, толерантности и способствование взаимопониманию на основе диалога.

Развитие северокавказского общества может и должно осуществляться через совершенствование имеющихся нетрадиционных диалогических институтов в обществе и формирование новых в соответствии с требованиями современности. Представляется, что необходимо формировать культурные, нравственные, правовые основания ведения диалога. С одной стороны, это зависит от зрелости общества, с другой – степень зрелости общества определяется развитостью диалогических институтов. Известно также, что слабость общей культурной среды диалогизации между властью и интеллигенцией, между властью и наукой подрывает творческий потенциал общества, создает напряженность в обществе, тормозит его развитие и воспроизводство.

Диалог – это не данность «свыше», он должен формироваться. Несмотря на то, что не существует простых и готовых рецептов формирования диалогического мышления, целый ряд факторов играет в этом процессе большую роль, будь то политические, социальные, экономические и т.д. Однако проблема диалога может и должна осмысливаться на определенных социокультурных ценностях, способствующих глобальному диалогу.

Диалог – основа нелинейного мышления. Классическое понимание онтологии ориентировано на «монокоординаты»: монолог, иерархию, монизм. В постнеклассической науке диалог приобретает иной смысл. Известно, что линейное мышление опасно: в политике оно может привести к догматизму. Нелинейное мышление нацелено на диалог, позволяющий мыслить совместно и признать разнообразие не только биологическое, но и социокультурное.

В современных условиях, в условиях поликультурной среды целесообразно проявлять терпимость к другому,

понимая смысл его слов. «Говорить на языке другого, по уровню его сознания (принцип открытости), без потери собственного «Я» (принцип автономности) – безусловно, принадлежит к высшим способностям духовного порядка» [9], т.е. вмещать в себя другое, не отождествляясь с ним. Такое мышление – синергийный тип мышления, отмечаемое специалистами как совместно совершаемое духовное действие определенной направленности, является мышлением будущего. Нелинейное мышление формирует подлинный диалог, который не уничтожает друг друга, а трансформирует ценностно-мировоззренческие установки его участников. Ценность такого мышления еще и в том, что оно будет способствовать преодолению дезинтеграционных тенденций в нашей стране и в российском северокавказском обществе.

Диалог остается серьезной эпистемологической проблемой. В диалоге встречаются люди с разными целями, ценностно-мировоззренческими ориентациями, разным сознанием и т.д. Здесь закономерен вопрос: возможен ли диалог с любым человеком?

В поисках ответа на поставленный вопрос следует остановиться на одной особенности синергетической методологии изучения сложных систем. Дело в том, что сложные системы, в том числе и общество, организованы иерархическим образом. Сама часть может быть целым, если она состоит, в свою очередь, из более мелких частей на нижележащем уровне организации мира. *«Часть может быть сложнее целого* (по своему поведению, по спектру возможных форм), если она имеет более высокий показатель нелинейности по сравнению с целым. В случае человека в обществе, безусловно, человек сложнее любой социальной группы или общества, ибо его нелинейность выше. Сильная нелинейность означает, что соответствующее структурное образование на своем уровне организации обладает более сложным спектром форм – структур и возможных режимов развития... Высокая нелинейность и целостность человеческой индивидуальности воплощаются в свободной человеческой деятельности» [10].

«Свободная человеческая деятельность» диктуется сознанием, пониманием или непониманием жизни как абсолютной ценности, мировоззрением, жизненными целями и т.д. Поэтому не в каждом случае и не с каждым человеком отношение «я и ты» может быть сведено к понятию «мы». Осознанию единства «я и ты» не способствуют также авторитаризм, волюнтаризм, жестокость и т.д., одним словом, линейное мышление человека.

Современная, постнеклассическая наука описывает универсальную сущность диалога с помощью идей сотворения, коэволюции на основе взаимодействия «своего» и «другого». Диалогическое взаимодействие рассматривается как взаимодействие «открытых» участников, обогащающихся в процессе диалога. Такой диалог ведет к взаимопониманию.

Нелинейное мышление нацелено на осознание необходимости глобального взгляда на мир. Это означает, что в сознании человека укрепляется мысль о парадигме целостности мира. Единство мира проявляется в целостности общества, биосферы, ноосферы, мироздания и т.д. Внутри этой целостности находится человек. Новое диалогическое мышление не противопоставляет человека миру природы и не разрывает единства природы и человека, равно как человек не противопоставляет себя другому человеку. Нелинейное мышление подразумевает признание многовариантности, альтернативности процессов развития и вероятностный характер предвидения будущего. Только диалог способен сохранить и развивать социокультурное разнообразие, создавая новые условия для взаимодействия.

Понятно, что в условиях глобализации все проблемы не могут быть решены на основе диалогического принципа. Да и наладить подлинный, равноправный диалог сложно. Другими словами, диалог не является исчерпывающим средством, но он выступает как оптимальное условие, как цель на пути выживания человечества и сохранения биологического и социокультурного разнообразия.

Для реализации этой цели сделан важный шаг: в 2001 г. принята «Всеобщая декларация ЮНЕСКО о

культурном разнообразии» (Приложение 1). В статье 1 «Культурное разнообразие как общее достояние человека» говорится: «Формы культуры изменяются во времени и пространстве. Это культурное разнообразие проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество. Будучи источником обменов, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений».

Проецируя положения Всеобщей декларации ЮНЕСКО на нашу страну, можно сказать, что: 1) многоэтничность и многоконфессиональность – наше уникальное достояние, богатство, нуждающееся в защите; 2) духовное единство народа, общие ценности, проверенные временем и составляющие важный смысл для российского народа, являются таким же значимым фактором, как экономический и политический, которым следует дорожить; 3) культура, наука, образование нуждаются в защите от законов рынка. Солидарна с В. Садовничим, отмечающим с болью тот факт, что «высшая школа сегодня в значительной мере потеряла опыт воспитания молодежи. И одна из главных причин этого в том, что в России, как и во всем мире, на смену гумбольдтовской модели классического университета пришла модель бизнес-университета. Воцарился академический капитализм» [11].

Наконец, *о роли философии в формировании диалогического мышления*. Сама философия является диалогичной, формирует высокую культуру мышления: исследовательскую культуру, культуру общения. Философия напрямую связана с выработкой нового стиля мышления и новой системы ценностей, она формирует ценностно-мировоззренческие ориентации человека, основы межчеловеческих отношений – нравственность, защиту и сохранение нравственных ценностей.

Философия нацелена на диалог. Ее императив – это толерантный подход к признанию многообразия мнений, взглядов, концепций, стремящихся к истине, но она не дает истину в последней инстанции. Философия выводит человека на понимание себя через Другого с помощью диалога. Всю образовательно-воспитательную систему она наполняет фундаментальностью и ценностным содержанием. Представляется, что реформа образования бессмысленна без философии.

О роли и месте философии в жизни человека можно сказать словами К. Ясперса: философии не может не быть, пока живут люди, а задача философии – помочь стать подлинным человеком посредством понимания бытия. Думается, страна, ищущая выход из глубокого системного кризиса и свою достойную нишу в глобализирующемся мире, должна понять и помнить об этом.

Подведем итог: в современных условиях возрастает роль диалога. Ценность диалога в том, что он выводит на новый уровень осмысления нашего бытия: существование «другого» рядом и взаимодействие с ним неизбежно. Научиться способствовать диалогу, а не отчуждению и уничтожению, открыть себя «другому» и принять «другого» в процессах взаимодействия на любом уровне важно и нужно для сохранения *разнообразия и выживания*.

В современном северокавказском обществе важно понимание конструктивного социального потенциала диалога в преодолении дезинтеграционных тенденций и использовании его в практической деятельности. Есть смысл вспомнить о том, что методология народного миротворчества основана также на диалоге. Диалог должен и может стать политическим инструментом и методом неполитического решения северокавказских проблем.

Наконец, завершая размышления о диалоге, обозначу важный вопрос. Осмысление нашего будущего возможно сквозь призму нелинейного мышления, а это значит, что наше существование и со-существование, наше сотрудничество и взаимопонимание возможны лишь на основе диалогических взаимоотношений. При этом важно от-

метить необходимость поиска каждым из нас способов гармоничного сосуществования «Я» с «Другим» и с Природой. Эвристическая ценность диалогического мышления в том, что оно ориентировано на взаимопонимание участников-субъектов и формирование личности нового типа с гуманистическими ценностно-мировоззренческими установками.

Примечания:

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. – М., 1979. – С. 294.
2. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – С. 387.
3. Гусейнов А.А. Приветственное слово участникам конференции // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития: Материалы международной конференции. Москва, Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 13–16 сентября 2007 года / под общ. ред. В.К. Егорова. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – С. 63.
4. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин или поэтика культуры. – М., 1991. – С. 27.
5. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1990. – С. 229–232.
6. Каган М.С. Глобализация культурных процессов: становление диалогического мышления // Глобализация: синергетический подход. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – Ч. 2. – С. 381.
7. Лекторский В.А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Наука в культуре. – М., 1998. – С. 92.
8. См.: Каган М.С. Указ. соч. – С. 382–383.
9. Герасимова И.А. Совместное мышление как искусство: опыт философско-синергетического исследования // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 139.
10. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетические принципы коэволюции сложных систем // Глобализация: синергетический подход. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – Ч. I. – С. 17.
11. Садовничий В. Доклад о высшей школе // Поиск. – 2009. – № 13. – С. 5.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

 завершая книгу «Российская идентичность на Северном Кавказе», не хочется ставить на этом точку и подводить какие-то итоги, поскольку сама жизнь, сложные геополитические, культурно-цивилизационные, этнические и конфессиональные процессы в этом регионе в условиях модернизации России не позволяют сделать окончательные выводы. Авторский коллектив, осмыслив определенный этап в рамках идентификационного проекта, отдает себе отчет в том, что эта книга – лишь очередная попытка междисциплинарного анализа идентификационных процессов в поликультурном регионе. Исследовательские рамки были сужены по ряду объективных причин, что не позволило решить некоторые задачи, поставленные в начале работы. Тем не менее хочется надеяться, что книга принесет определенную пользу для понимания смысла многих северокавказских проблем и дальнейшего научного исследования российского Северного Кавказа.

Прежде чем перевернем последнюю страницу, считаем важным отметить ряд соображений в контексте рассматриваемой проблемы.

Первое. Множественность идентичностей (идентичность этноса, региона, страны, цивилизационного сообщества и идентичность граждан Земли) позволяет человеку задуматься над вопросом «кто я есть?» по отношению не только к своей культуре и своему этносу, но и по отношению к другому человеку, другой культуре (русской и мировой) и окружающему миру, наконец, осоз-

нать единство человеческого рода и свое единство с природой. Соотнесение себя с миром обогащает сознание и самосознание, расширяет социокультурное поле, формирует земную идентичность и земное сознание. Это более высокий уровень идентификации человека, когда он начинает понимать, что надо, говоря словами Э. Морана, научиться «бытию-здесь» на планете и «быть-здесь», т.е. научиться жить, совместно владеть, общаться, объединяться не только в своей этнической общности, своем регионе, своей стране, но и на планете. «Быть не только представителями одной культуры, но и представителями Земли. Мы должны посвятить себя не овладению и господству, а обустройству, улучшению и пониманию» [1]. Лишь на этом уровне можно сохранить себя и научиться *мудрости* жить вместе.

А как понять мудрость нам, современным россиянам? Ведь это понятие однозначно и четко не определяется в науке. Более того, его значение в одной культуре не совпадает со значением в другой.

В поисках ответа на поставленный вопрос обратимся к размышлениям знаменитого французского антрополога Клода Леви Стросса. Мудрость – «это знание того, кто мы есть на этой Земле, что мы осознаем, что мы здесь живем, что мы стараемся сделать все лучшее, что можем, ...что мы знаем о том, что мы только гости на этой Земле в нашем временном пребывании здесь, мы люди, и перед лицом космического времени все это не имеет большого значения. Именно это сознание должно быть осознано нашим разумом, для того чтобы нам привить известную скромность» [2].

Второе касается довольно щепетильного вопроса, волнующего многих россиян, – религиозной идентичности, которая, вероятно, активизируется в будущем. Американский социолог и футуролог Э. Тоффлер, ссылаясь на прогнозы редакторов Всемирной энциклопедии христианства Д. Баррета и Т. Джонсона, отмечает, что к 2025 году число христиан вырастет на 30%, с 2 миллиардов до 2,6. Ислам растет гораздо быстрее. К 2025 году мусульман будет 1,8 миллиарда, что означает 50% роста за четверть века. В то время как темпы роста населения

на Земле замедляются, две главные мировые религии – христианство и ислам – неуклонно увеличивают число своих приверженцев. Место России, как всегда, окажется посередине всех этих процессов.

В связи с этим, пожалуй, трудно прогнозировать соотношение религиозной и этнической идентичностей в рассматриваемом регионе. Можно выразить уверенность в том, что актуальной останется проблема, с одной стороны, межрелигиозного диалога и, с другой – религиозно-светского диалога.

Наконец отметим, что дальнейшее изучение культурно-идентификационных процессов в России и ее регионах будет происходить в условиях кризиса. Поэтому представляется важным обозначить следующий методологический ориентир, стимулирующий не только творческую мысль, но и позволяющий осознать свою ответственность перед будущим. В этой связи обратимся к философской мысли К.Х. Делокарова, осуществляющего анализ эволюции базовых смыслов современной цивилизации в контексте постнеклассической науки: в кризисно-переломные этапы истории человек встает перед вопросами, которые он должен решить, если хочет выжить; кризис выступает как испытание человека, всей функционирующей культурной традиции, поскольку кризис, в зависимости от реакции человека на него, может вести как к летальному исходу, так и к появлению новых, более совершенных форм бытия. Далее: «Кризис испытывает социальные организмы на устойчивость, заставляя более осмысленно и ответственно относиться к словам и действиям. Тем самым кризис активизирует ценности и парадигмальные установки общества. Кризис потому придает жизни дополнительную интенсивность, которая, с одной стороны, приводит к распадению многих сложившихся до кризиса отношений, падению авторитетов и программных целей, но с другой – к образованию новых союзов между людьми, группами, партиями, поиску новых смыслов. Это приводит к мобилизации защитных механизмов социального организма, формированию новых, более адекватных изменившимся условиям ценностей» [3].

Безусловно, это методологическое положение связано и с другим: идентификационные процессы необходимо осмысливать, выявляя новые ценности и смыслы в условиях модернизации нашей страны. Заметим, что в России модернизация может и должна иметь свой собственный «национальный» стиль – это национальные особенности нашей страны, и в первую очередь это этнокультурное и конфессиональное разнообразие. С этим нельзя не считаться.

Выявление особенностей культурно-идентификационных процессов Северо-Кавказского региона в условиях модернизации России и глобализации считаем важным и нужным, поскольку это позволит выйти на новый уровень осмысления управления полиэтничным регионом, т.е. направления саморазвивающейся системы на основе нелинейного мышления. При этом нам представляется, что можно предложить исследовательскую стратегию в изучении культурно-идентификационных процессов в регионе. Приоритетными направлениями этой программы могут стать следующие.

На концептуальном уровне:

- разработка категории «креативность» в пространстве традиции и инновации поликультурного региона, представляя возможные формы и модусы существования традиции в условиях модернизации полиэтноконфессионального общества;

- обработка понятий «российская нация», «российская идентичность», а также апробация новых понятий, выражающих и формирующих функционирование российского общества;

- построение нелинейной модели формирования российской национальной идентичности и патриотизма как интеграционной основы полиэтноконфессионального региона;

- разработка концепции практического использования органами регионального управления нелинейной модели формирования российской национальной идентичности и патриотизма и эффективное использование ее ценностного потенциала.

На конкретно-эмпирическом уровне:

- определение доминирующих идентификационных маркеров в полиэтноконфессиональном регионе; опре-

деление понятия «российская идентичность» в сознании респондентов;

– изучение общественного мнения о культурно-идентификационных процессах на Северном Кавказе.

На прикладном уровне:

– разработка рекомендаций к инновационной образовательной программе по патриотическому воспитанию учащейся молодежи для научно-образовательных учреждений Республики Адыгея;

– разработка прогноза культурно-идентификационных процессов, обоснование инновационных методов прогностического моделирования активности социокультурных практик как культурной динамики модернизирующегося общества.

Перечисленные подходы к изучению культурно-идентификационных процессов на Северном Кавказе отражают не только исследовательские задачи дальнейшего изучения идентичности, но и являются составной частью осмысления процессов идентификации в сложной системе «полиэтноконфессиональный регион» в условиях модернизации и глобализации.

Думается, что за дальнейшую судьбу нашего общего дома, именуемого РОССИЕЙ, в ответе не только практики-политики, но и ученые, чье слово может играть как созидательную, так и разрушительную силу. По-видимому, исследовательская культура должна обучить людей вести новый диалог человека с человеком, новый диалог человека с природой и нести гражданскую ответственность за судьбу РОССИЙСКОГО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.

Примечания:

1. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – С. 65.

2. Беседа с Клодом Леви-Строссом Константина фон Барлевена и Галлы Наумовой // Вопросы философии. – 2009. – № 5. – С. 77.

3. Делокаров К.Х. Эволюция базовых смыслов современной цивилизации в контексте постнеклассической науки // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – С. 34.

**Всеобщая декларация ЮНЕСКО
о культурном разнообразии¹**

Приложение I. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии

Генеральная конференция, будучи привержена цели обеспечения в полном объеме прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и в других общепризнанных правовых актах, таких, как два Международных пакта 1966 г., один из которых касается гражданских и политических прав, а другой – экономических, социальных и культурных прав, напоминая о Преамбуле Устава ЮНЕСКО, которая гласит, что «...для поддержания человеческого достоинства необходимо широкое распространение культуры и образования среди всех людей на основе справедливости, свободы и мира; поэтому на все народы возлагается в этом отношении священная обязанность, которую следует выполнять в духе взаимного сотрудничества», напоминая также о статье I Устава, в которой перед ЮНЕСКО, среди прочего, ставится задача рекомендовать заключение «международных соглашений, которые она сочтет полезными для свободного распространения идей словесным и изобразительным путем», ссылаясь на положения, касающиеся культурного разнообразия и осуществления культурных прав, которые указываются в принятых ЮНЕСКО международных правовых актах², вновь подтверждая, что культура должна рассматриваться как совокупность присущих

¹ Резолюция принята по докладу Комиссии IV на 20-м пленарном заседании 2 ноября 2001 г.

² К их числу относятся, в частности, Флорентийское соглашение 1950 г. с Найробийским протоколом к нему 1976 г., Всемирная конвенция об авторском праве 1952 г., Декларация принципов международного культурного сотрудничества 1966 г., Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г., Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., Декларация о расе и расовых предрассудках 1978 г., Рекомендация о положении творческих работников 1980 г. и Рекомендация о сохранении фольклора 1989 г.

обществу или социальной группе отличительных признаков духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных и что помимо искусства и литературы она охватывает образ жизни, «умение жить вместе», системы ценностей, традиции и верования¹, *констатируя*, что культура находится в центре нынешней дискуссии по вопросам самобытности, сплоченности общества и развития экономики на базе знаний, *утверждая*, что уважение разнообразия культур, терпимость, диалог и сотрудничество в обстановке доверия и взаимопонимания являются лучшим залогом международного мира и безопасности, *стремясь* к утверждению более широкой солидарности, основанной на признании культурного разнообразия, осознании единства человечества и развитии межкультурных обменов, *считая*, что процесс глобализации, стимулируемый быстрым развитием новых информационных и коммуникационных технологий, хотя и представляет вызов для культурного разнообразия, вместе с тем создает условия для нового диалога между культурами и цивилизациями, *сознавая*, что в рамках Организации Объединенных Наций на ЮНЕСКО возложены конкретные полномочия обеспечить сохранение и содействие плодотворному разнообразию культур, *провозглашает* следующие принципы и принимает настоящую Декларацию:

Самобытность, разнообразие и плюрализм

Статья 1. Культурное разнообразие как общее достояние человечества

Формы культуры изменяются во времени и пространстве. Это культурное разнообразие проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество. Будучи источником обменов, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества,

¹ Определение соответствует выводам Всемирной конференции по политике в области культуры (МОНДИАКУЛЬТ, Мехико, 1982 г.), Всемирной комиссии по культуре и развитию («Наше творческое разнообразие», 1995 г.) и Межправительственной конференции по политике в области культуры в целях развития (Стокгольм, 1998 г.).

как биоразнообразии для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений.

Статья 2. От культурного разнообразия к культурному плюрализму

В нашем обществе, которое становится все более разнообразным, следует обеспечить гармоничное взаимодействие и стремление к сосуществованию людей и сообществ с плюралистической, многообразной и динамичной культурной самобытностью. Политика, поощряющая интеграцию и участие всех граждан, является залогом социальной сплоченности, жизнеспособности гражданского общества и мира. В этом смысле культурный плюрализм представляет собой политический ответ на реалии культурного разнообразия. Культурный плюрализм, неразрывно связанный с демократией, создает благоприятную среду для культурных обменов и расцвета творческих способностей, питающих жизненные силы общества.

Статья 3. Культурное разнообразие как фактор развития

Культурное разнообразие расширяет возможности выбора, имеющиеся у каждого человека, оно является одним из источников развития, рассматриваемого не только в плане экономического роста, но и как средство, обеспечивающее полноценную интеллектуальную, эмоциональную, нравственную и духовную жизнь.

Культурное разнообразие и права человека

Статья 4. Права человека как гарантия культурного разнообразия

Защита культурного разнообразия является этическим императивом, она неотделима от уважения достоинства человеческой личности. Она подразумевает обязательство уважать права человека и основные свободы, особенно права лиц, принадлежащих к меньшинствам, и права коренных народов. Недопустимо ссылаться на культурное разнообразие для нанесения ущерба правам

человека, гарантированным международным правом, или для ограничения сферы их применения.

Статья 5. Культурные права как фактор, благоприятствующий культурному разнообразию

Культурные права составляют неотъемлемую часть прав человека, которые являются универсальными, неразделимыми и взаимозависимыми. Необходимым условием для развития творческого разнообразия является реализация в полном объеме культурных прав, как они определены в статье 27 Всеобщей декларации прав человека и в статьях 13 и 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Соответственно, каждый человек должен иметь возможность для самовыражения, творчества и распространения своих произведений на любом языке по своему выбору, и в частности на своем родном языке; каждый человек имеет право на качественное образование и профессиональную подготовку в условиях полного уважения его культурной самобытности; каждый человек должен иметь возможность участвовать в культурной жизни по своему выбору и придерживаться своих культурных традиций при условии соблюдения прав человека и основных свобод.

Статья 6. К культурному разнообразию, доступному для всех

Обеспечивая свободное распространение идей словесным и изобразительным путем, следует добиваться, чтобы все культуры могли быть объектом самовыражения и распространения. Залогом культурного разнообразия является свобода выражения мнений, плюрализм средств информации, многоязычие, равный доступ к возможностям для художественного творчества, к научно-техническим знаниям, в том числе в цифровой форме, и обеспечение всем культурам доступа к средствам выражения и распространения идей.

Культурное разнообразие и творчество

Статья 7. Культурное наследие как источник творчества

Каждое творчество черпает свои силы в культурных традициях, но достигает расцвета в контакте с другими

культурами. Вот почему необходимо сохранять, популяризировать и передавать будущим поколениям культурное наследие во всех его формах, отражающих опыт и чаяния человечества, создавая тем самым питательную среду для творчества во всем его многообразии и поощряя подлинный диалог между культурами.

Статья 8. Предметы и услуги культурного назначения – товар особого свойства

В условиях нынешних экономических и технических перемен, которые открывают широкие возможности для творчества и нововведений, особое внимание следует уделять разнообразию творческого предложения, справедливому учету прав авторов и творческих работников, а также специфике предметов и услуг культурного назначения, которые, будучи носителями самобытности, ценностей и смысла, не должны рассматриваться как обычные предметы или потребительские товары.

Статья 9. Политика в области культуры как катализатор творчества

Политика в области культуры, обеспечивая свободное распространение идей и произведений, должна создавать условия, благоприятствующие производству и распространению разнообразных товаров и услуг культурного назначения с помощью индустрий культуры, располагающих средствами, необходимыми для их утверждения на местном и глобальном уровнях. Каждое государство при соблюдении своих международных обязательств само разрабатывает политику в области культуры и проводит ее в жизнь теми методами, которые оно считает наиболее соответствующими, в том числе путем оперативной поддержки и создания надлежащей нормативно-правовой базы.

Культурное разнообразие и международная солидарность

Статья 10. Укрепление творческого потенциала и возможностей распространения культурной продукции в глобальном масштабе

В условиях наблюдаемого в настоящее время дисбаланса в глобальных потоках товаров культурного назначения и обменах ими следует укреплять международное

сотрудничество и солидарность, опираясь на которые все страны, в том числе развивающиеся страны и страны переходного периода, смогут создать устойчивые индустрии культуры, способные конкурировать на национальном и международном уровнях.

Статья 11. Налаживание партнерства между государственным сектором, частным сектором и гражданским обществом

Сохранение и поощрение культурного разнообразия, являющегося ключевым фактором устойчивого человеческого развития, невозможно обеспечить только силами рынка. Поэтому необходимо вновь подчеркнуть важнейшую роль государственной политики, осуществляемой в партнерстве с частным сектором и гражданским обществом.

Статья 12. Роль ЮНЕСКО

В силу своего мандата и функций ЮНЕСКО несет ответственность за:

(а) содействие учету провозглашенных в настоящей Декларации принципов в стратегиях развития, разрабатываемых различными межправительственными организациями;

(b) выполнение информационных функций и координацию усилий государств, международных правительственных и неправительственных организаций, гражданского общества и частного сектора по совместной разработке концепций, задач и политических решений в поддержку культурного разнообразия;

(с) проведение дальнейшей нормотворческой работы, а также деятельности по привлечению внимания общественности и укреплению потенциалов в затрагиваемых настоящей Декларацией областях, относящихся к ее компетенции;

(d) содействие осуществлению Плана действий, основные направления которого фигурируют в приложении к настоящей Декларации.

***Приложение II** – Основные направления плана действий по осуществлению Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии*

Государства-члены обязуются принимать надлежащие меры в целях широкого распространения Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии и содействии ее эффективному претворению в жизнь, в частности путем сотрудничества в достижении следующих целей:

1. Углубление международной дискуссии по вопросам культурного разнообразия, в частности касающимся его связи с развитием и его влияния на разработку политики как на национальном, так и на международном уровне; активизация, в частности, деятельности по анализу целесообразности принятия международного правового акта по культурному разнообразию.

2. Продвижение работы по определению как на национальном, так и на международном уровне принципов, норм и методов, а также средств, способствующих привлечению внимания общественности, и форм сотрудничества, наиболее благоприятствующих сохранению и поощрению культурного разнообразия.

3. Поощрение обмена знаниями и наиболее эффективной практикой в области культурного плюрализма с целью содействия созданию в неоднородных обществах условий для интеграции и участия в его жизни людей и групп, имеющих разные культурные корни.

4. Более глубокое понимание и уточнение содержания культурных прав как неотъемлемой части прав человека.

5. Сохранение языкового наследия человечества и содействие самовыражению, творчеству и распространению идей на максимально возможном числе языков.

6. Поощрение языкового разнообразия – при сохранении уважения к родному языку – на всех уровнях образования везде, где это возможно, а также изучения нескольких языков с самого раннего возраста.

7. Содействие с помощью образования осознанию позитивной роли культурного разнообразия и совершенствование в этих целях разработки школьных программ и подготовки преподавателей.

8. Включение по мере необходимости в процесс обучения традиционных педагогических подходов с целью сохранения и оптимизации свойственных той или иной культуре методов коммуникации и передачи знаний.

9. Содействие распространению «грамотности в области цифровых технологий» и совершенствованию навыков использования новых информационных и коммуникационных технологий, которые следует рассматривать одновременно как учебные дисциплины и как педагогические средства, способные повышать эффективность услуг в области образования.

10. Расширение языкового разнообразия в киберпространстве, а также содействие всеобщему доступу через глобальные сети к любой информации, являющейся общим достоянием.

11. Борьба в тесном сотрудничестве с компетентными учреждениями системы Организации Объединенных Наций за преодоление «цифрового разрыва» путем расширения доступа развивающихся стран к новым технологиям, оказания им помощи в освоении информационных технологий, содействия распространению местной культурной продукции в цифровой форме и упрощения для этих стран доступа к мировым цифровым ресурсам образовательного, культурного и научного характера.

12. Поощрение производства, сохранения и распространения разнообразных по содержанию материалов через средства информации и глобальные информационные сети и повышение в этих целях роли общественных служб радио- и телевидения в изготовлении высококачественной аудиовизуальной продукции, в частности путем содействия созданию совместных механизмов, способствующих распространению такой продукции.

13. Разработка политики и стратегий сохранения и популяризации культурного и природного наследия, в частности устного и нематериального и борьба с незаконной торговлей товарами и услугами культурного назначения.

14. Уважение и защита традиционных знаний, в частности накопленных коренными народами; признание роли традиционных знаний, особенно в вопросах охраны окружающей среды и управления природными ресурсами, и поощрение синергии между современной наукой и знаниями местного населения.

15. Оказание помощи в обеспечении мобильности творческих работников, деятелей искусства, исследователей,

ученых и работников умственного труда, а также в разработке программ и налаживании международного сотрудничества в научных исследованиях наряду с усилиями по сохранению и наращиванию творческого потенциала развивающихся стран и стран переходного периода.

16. Обеспечение охраны авторского права и смежных прав в интересах развития современного творчества и обеспечения справедливого вознаграждения за творческий труд при одновременной защите прав членов общества на доступ к культуре в соответствии со статьей 27 Всеобщей декларации прав человека.

17. Оказание помощи в создании или укреплении индустрий культуры в развивающихся странах и странах переходного периода и в связи с этим содействие в развитии необходимых инфраструктур и в подготовке соответствующих специалистов, оказание поддержки в формировании жизнеспособных местных рынков и расширение доступа культурной продукции этих стран на мировые рынки и к международным распределительным сетям.

18. Разработка политики в области культуры, благоприятствующей осуществлению принципов, провозглашенных в настоящей Декларации, в том числе путем использования механизмов оперативной поддержки и/или создания необходимой нормативно-правовой базы при соблюдении международных обязательств каждого государства.

19. Активное привлечение различных групп гражданского общества к разработке государственной политики сохранения и поощрения культурного разнообразия.

20. Признание и поощрение возможного вклада частного сектора в популяризацию культурного разнообразия, а также содействие в создании с этой целью условий для диалога между государственным и частным секторами.

Государства-члены рекомендуют Генеральному директору учитывать цели, намеченные настоящим Планом действий, при осуществлении программ ЮНЕСКО и ознакомить с ним учреждения системы Организации Объединенных Наций и другие заинтересованные межправительственные и неправительственные организации для повышения эффективности мероприятий по поддержке культурного разнообразия.

**К десятилетию научного направления
«Культурная составляющая инновационной
модели развития полиэтничного региона
в условиях модернизации России и глобализации»**

Краткая история формирования научного направления и полученные научные результаты. Научное направление «Культурная составляющая инновационной модели развития полиэтничного региона в условиях модернизации России и глобализации» (руководитель – доктор философских наук, профессор А.Ю. Шадже) неявно формировалось на базе лаборатории социальной экологии Института экологии горных территорий Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук в рамках научной школы члена-корреспондента РАН А.К. Темботова. Заведовал лабораторией в отделе при Адыгейском государственном университете кандидат философских наук, доцент О.Н. Дамения. Концепция Темботова «о биологическом эффекте высотнопоясной структуры горных ландшафтов (А.К. Темботов, 1957–2000)» вывела нас, работников лаборатории, на новое осмысление социокультурного, отчасти этнокультурного разнообразия Кавказского региона.

Работая по гранту Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 02-06-80218), нами проводилось совместное исследование характера и направления развития этносоциальных процессов на Кавказе в условиях глобализации. В исследовании, проведенном в лаборатории Института экологии горных территорий КБНЦ РАН, модельный объект изучения – Кавказ – рассматривается нами не как искусственный конгломерат этносов, а как единый организм с общим для них жизненным пространством. Он представляет собой уникальный горный регион, обладающий специфическими особенностями. Одна из них – этнокультурное разнообразие. Здесь исторически оформилось оригинальное (самобытное) социокультурное пространство, в котором благодаря повседневному опыту сложились этнокультурные традиции.

Использование методов и принципов междисциплинарного анализа, в частности, концепции «о биологическом эффекте высотно-поясной структуры горных ландшафтов (А.К. Темботов, 1957–2000)», социокультурного подхода позволило нам получить следующие новые научные результаты:

- выявлена специфика этнической идентичности и ее ценностный потенциал;

- определена однотипность исторически сложившихся на Кавказе этносоциальных общностей;

- установлено единство природного и социокультурного разнообразия Кавказа, а также природных и социальных основ антропогеоценоза;

- сформулирована гипотеза о кавказской культуре как о суперэтническом, самоидентифицирующем и системообразующем формировании, которое достаточно определено выделяется из окружающего социокультурного мира.

Работая в лаборатории социальной экологии, мы пришли к следующему выводу: горный Кавказ породил оригинальное (самобытное) социокультурное пространство, в котором сформировались специфические отношения между человеком и природой, составляющие основу мировоззренческой картины человека. Эти особенности связаны с исторически сложившимся отношением к природе, земле, другим людям, пониманием добра и зла, свободы и справедливости. Они определяли мотивацию деятельности человека.

В 2002 г. на базе открывшейся лаборатории этнокультурных проблем в Адыгейском государственном университете официально было оформлено наше научное направление.

Ряд особенностей научного направления:

- а) научное направление собрало под «свое крыло» исследователей разных поколений и разных специальностей гуманитарного знания;

- б) предметом деятельности направления стали актуальные проблемы Северного Кавказа в рамках классической, неклассической и постнеклассической наук;

- в) работа ведется в основном в рамках исследовательских проектов.

В рамках научного направления защитили докторские диссертации: по философии С.А. Ляшева на тему «Личность в традиционной культуре адыгов» в 2004 г. в Ростовском государственном университете (ныне ЮФУ) и по политологии З.А. Жаде на тему «Геополитическая идентичность России в условиях глобализации» в 2007 г. в Кубанском государственном университете. Сегодня профессора С.А. Ляшева и З.А. Жаде активно занимаются научной работой, готовят аспирантов, издают монографии. За последние пять лет под руководством А.Ю. Шадже защищено 5 кандидатских диссертаций, С.А. Ляшевой – 7, З.А. Жаде – 3. Кандидатские диссертации защитили члены научного направления Е.С. Куква, И.В. Клушина, А.Ю. Муляр, А.Н. Шаповаленко.

Дамения О.Н. – директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия, автор концепции «кавказская культура».

Ляшева С.А. является начальником управления аспирантуры и послевузовского образования, выступала с научными докладами в Венгрии, Таиланде и во Франции.

Жаде З.А. заведует кафедрой теории и истории государства и права и политологии, член Совета по политологии Учебно-методического объединения (УМО) по классическому университетскому образованию РФ, зав. лабораторией этнокультурных проблем.

Куква Е.С. и Клушина И.В. работали по грантам Министерства образования и науки РФ, стажировались в Институте социологии РАН по направлению «Этносоциология» и на социологическом факультете Санкт-Петербургского университета.

Шаповаленко А.Н. удостоен второй премии в номинации молодые ученые и аспиранты на III Ждановских чтениях в 2008 г.

Муляр А.Ю. работала по гранту РГНФ, участница Первой Школы молодых ученых ЮФО «Социальные реалии в современной России» (Вешенская, 13–18 мая 2007 г.).

Шадже А.Ю. читала лекции в Анкарском университете «Национальные и религиозные ценности адыгов» (Турция, май 1997 г.), Боннском университете «К проблеме

этнического фактора в кавказской культуре» (Германия, ноябрь 2001 г.) и цикл лекций по курсу «Логика и теория аргументации» в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону, апрель 2007 г.). Стипендиатка DAAD в 2001 г., проходила месячную научную стажировку в Боннском университете (ноябрь 2001 г.), руководитель ряда исследовательских проектов. Некоторые работы переведены на английский, немецкий и турецкий языки.

В состав научного направления входят аспиранты и студенты-старшекурсники.

Объект исследований – Северный Кавказ. Исследования нацелены на определение сущности и основных тенденций развития Северо-Кавказского региона с учетом его этноразнообразия и поликонфессиональности. Использование методологической парадигмы постнеклассической науки позволило познать функционирование полиэтничного общества как исторически сложившейся сложной самоорганизующейся системы, неразрывную связь ее гносеологического, онтологического и аксиологического аспектов. В такой системе «общие параметры порядка» дополняются важным аспектом – этническим, оказывающим активное влияние на развитие полиэтничного региона. В силу доминантной роли этнического фактора этнокультурные традиции составляют смысловую основу самобытности, являются системообразующими и наиболее устойчивыми элементами, благодаря которым происходит саморазвитие системы. В то же время этнокультурные паттерны и ценности, являющиеся «информационными структурами – кодами» (В.С. Степин), выступают в роли трансляторов этносоциального опыта.

Цель научного направления – исследование роли культуры и ее ценностного потенциала в разработке инновационной модели развития полиэтничного региона.

Задачи научного направления:

- исследование этносоциальных процессов в новой парадигме развития;
- изучение динамики социокультурных изменений на Северном Кавказе в условиях инновационной модели развития;

- осмысление культурной динамики глобализации в Северо-Кавказском регионе;
- рассмотрение проблем конфликтогенности Кавказа в контексте культурно-цивилизационных трансформаций;
- изучение трансформации региональной (кавказской) идентичности;
- определение интеграционного потенциала взаимного сосуществования идентичностей разных типов и уровней;
- выявление специфики деятельности научной интеллигенции в условиях модернизации традиционного общества;
- определение значимости этнического и религиозного факторов в северокавказском обществе;
- изучение вектора воздействия исламского фактора на личность в поликультурном пространстве;
- проведение мониторинговых исследований религиозного сознания в Республике Адыгея;
- обоснование когнитивных возможностей постнеклассической парадигмы в исследовании концептов «полиэтноконфессиональный регион», «национальная идентичность», «патриотизм»;
- изучение процессов российской национальной идентификации в современной, постнеклассической парадигме;
- установление характерологических черт и особенностей идентичности в Северо-Кавказском регионе;
- анализ механизма функционирования системы «полиэтноконфессиональный регион» в условиях глобализации;
- определение социокультурного содержания взаимосвязи национальной идентичности и патриотизма как целостного, системного феномена;
- установление особенностей культурно-идентификационных процессов Северо-Кавказского региона в рамках постнеклассической парадигмы;
- обоснование консолидирующей функции российской национальной идентичности и патриотизма;
- построение нелинейной модели формирования российской национальной идентичности и патриотизма

как интеграционной основы полиэтноконфессионального социума;

– разработка концепции практического использования нелинейной модели органами государственного управления и научно-образовательными учреждениями для сохранения целостности России и ее национальной безопасности.

Основные научные результаты, полученные за 1998–2009 гг.

– разработано понятие «кавказская культура», изучены ее существенные признаки;

– определена однотипность исторически сложившихся на Кавказе этносоциальных общностей;

– установлено единство природного и социокультурного разнообразия Кавказа, а также природных и социальных основ антропогеоценоза;

– разработано понятие «кавказская идентичность» в онтологическом, гносеологическом и аксиологическом аспектах;

– определены методологические подходы к раскрытию типологического своеобразия структурной организации исторически сложившейся в Кавказском регионе социокультурной системы;

– изучено функционирование кавказского, в частности северокавказского общества, как исторически сложившейся сложной самоорганизующейся системы;

– выявлена значимость этнического фактора, его роль и место в регионе;

– определена специфика религиозной идентичности, сложившаяся под воздействием традиционных верований и представлений;

– разработана структура конфессиональных характеристик личности в поликонфессиональном культурном поле;

– определены особенности религиозной толерантности в поликонфессиональной среде;

– изучена роль научной интеллигенции в формировании нелинейного мышления;

– определены методологические подходы к раскрытию содержания российской национальной идентичности;

- исследована многоуровневая идентичность в регионе;
- выявлена специфика этнической идентичности и ее ценностный потенциал;
- установлена корреляция религиозной, этнической и региональной идентичности на Северном Кавказе;
- разработана концепция о региональных особенностях культурно-цивилизационного взаимодействия;
- построена модель социокультурного развития Северо-Кавказского региона в условиях трансформации российского общества;
- исследовательский коллектив разработал концепцию идентичности, развивая понимание социальной идентичности Э. Эриксона: социальная идентичность трактуется с точки зрения полипарадигмальности как многоуровневая идентичность, как структура-процесс; выделяемые уровни: этническая, региональная, российская национальная и религиозная идентичности не составляют альтернативу, наоборот, взаимопроникают и взаимодополняют друг друга.

Результаты исследований по данному направлению опубликованы и апробированы на международных и российских конференциях, конгрессах и симпозиумах. Результаты исследований получили положительную оценку в рецензируемых журналах отечественной науки и у зарубежных коллег: немецких кавказоведов, антропологов Калифорнийского университета США и конфликтологов Англии.

Перспективы развития научного направления. Дальнейшие исследования будут нацелены на изучение этнокультурного разнообразия Северо-Кавказского региона в условиях глобализации, на осмысление специфики конфликтов на Кавказе через культурно-цивилизационный дискурс и построение модели сосуществования и взаимодействия российской, региональной и этнической идентичностей в Северо-Кавказском регионе в условиях модернизации России и глобализации. Исходя из системного осмысления проблемы межкультурного и междивизиационного диалога на региональном, российском и глобальном уровнях, будет исследована культурная составляющая инновационной модели развития полиэтничного региона.

Завершая, хочу выразить искреннюю благодарность коллегам – дорогим мне людям, с которыми я начинала исследования по Кавказу. Признательна ректору Адыгейского государственного университета, доктору социологических наук, профессору Р.Д. Хунагову, предоставившему возможность поработать в лаборатории социальной экологии Института экологии горных территорий Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук; проректору по научной работе, доктору биологических наук, профессору А.В. Шахановой. Выражаю благодарность работникам отдела научных исследований и инновационных программ, которые всегда поддерживали наши инициативы. Я также благодарна своим аспирантам, достойно исследующим предлагаемые мною научные проблемы, до которых мои руки не дошли бы в жизни, и работа с которыми нацеливает меня на совместный творческий поиск.

Участие авторов в грантах и некоторые их публикации за 1998–2010 гг.

Участие авторов в течение 1998–2010 гг. в НТП, ЕЗН, грантах (РФФИ, РГНФ, Минобразования РФ, международных грантах):

1. Проект Министерства образования РФ (ЕЗН) «Кавказская культура и цивилизационные процессы в России» (1999–2003 гг.). Руководитель проекта – Шадже А.Ю.

2. DAAD. Международная программа по обмену академическими кадрами. Германия, Боннский университет. «Ценность этнического фактора в кавказской культуре» (2001). Руководитель и исполнитель проекта – Шадже А.Ю.

3. Грант Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Социокультурные процессы на Северном Кавказе в условиях трансформации России» (2002). Руководитель проекта – Шадже А.Ю.

4. Грант по центру Федеральной программы (ФЦП) «Повышение открытости российского общества и динамика толерантности» (2002). Исполнитель – Шадже А.Ю.

5. Проект Министерства образования РФ (ЕЗН) «Разработка модели полиэтнического общества Северного Кавказа в условиях модернизации России» (2003–2005 гг.). Исполнитель – Шадже А.Ю.

6. Хозяйственный договор с Институтом социологии РАН. Региональные аспекты электорального поведения россиян на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания 2003 года. Послевыборный опрос избирателей. Проект Института социологии РАН. Исполнитель – аспирантка кафедры Куква Е.С.

7. Проект Министерства образования РФ (ЕЗН) «Выявление этнокультурной специфики модернизации Северо-Кавказского региона» (2004–2005 гг.). Исполнитель – Шадже А.Ю.

8. Грант Минобразования РФ для поддержки аспирантов вузов России. Научная интеллигенция в условиях трансформирующегося полиэтнического общества (2004) Шадже А.Ю., аспирантка Клушина И.В.

9. Проект «Формирование современной российской идентичности и патриотизма как консолидирующей основы поликонфессионального и полиэтничного социума» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», подпрограммы по Югу России «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе». 2006–2008 гг.; Российская академия наук; регистрационный номер: 00-06-61. Исполнитель – Шадже А.Ю.

10. Хозяйственный договор с ЦИК Республики Адыгея «Повышение электоральной активности студенческой молодежи Республики Адыгея» (2009). Руководитель – Шадже А.Ю., исполнители – Жаде З.А., Куква Е.С., Ляушева С.А., аспиранты кафедры.

11. Договор с Министерством образования и науки Республики Адыгея «Противодействие этническому и религиозному экстремизму на Северном Кавказе» (2009). Руководитель – Ляушева С.А., исполнители – Жаде З.А., Шадже А.Ю., аспиранты кафедры.

12. Проект Министерства образования РФ (ЕЗН) «Культурно-идентификационные процессы в Северо-Кавказском регионе в условиях глобализации» (2009–2013). Руководитель – Шадже А.Ю., исполнители – Жаде З.А., Куква Е.С., Ляушева С.А.

13. Проект в рамках междисциплинарного направления ЮФУ «Гуманитарные технологии и модели развития человеческого капитала и толерантных социоэкономических сообществ в полиэтничном регионе Юга России». Исполнитель – Ляушева С.А.

14. Совместный европейский проект в сфере содействия реформе учебных программ ETF-JP-00013-2008 «Образовательная программа бакалавриата по направлению «Социальная работа» (Темпус). Исполнитель – Ляушева С.А.

15. Договор с Центральной избирательной комиссией Республики Адыгея «Актуальные вопросы повышения правовой культуры и образования в сфере избирательного права и избирательного процесса» (2008). Руководитель – Жаде З.А.

16. Договор с Центральной избирательной комиссией Республики Адыгея «Молодежь и выборы: формы и методы повышения электоральной активности» (2009). Руководитель – Жаде З.А.

17. Проект Ставропольской краевой организации общества «Знание» России «Информационно-просветительская деятельность как ресурс развития региона» (2009). Исполнитель – Жаде З.А.

18. Проект Исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии «Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики» (2010). Исполнитель – Жаде З.А.

Некоторые публикации авторов исследовательского коллектива за 1998–2010 гг.

Монографии:

1. Повышение открытости общества и динамика толерантности: проблемы формирования толерантного сознания в полиэтничной социокультурной среде (Коллективная монография). – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2003. – 208 с.

2. Многоуровневая идентичность / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляужева, А.Ю. Шадже. – М.: Российское философское общество; Майкоп: ООО «Качество», 2006. – 245 с.

3. Жаде З.А. Векторы геополитической идентичности. – Майкоп: ООО «Качество», 2007. – 335 с.

4. Жаде З.А. Миграционные процессы и проблемы адаптации : монография / отв. ред. В.В. Константинов. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2009. – 184 с.

5. Ляужева С.А. Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность (философско-культурологический анализ). – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. – 11 п.л.

6. Ляужева С.А. Религиозный фактор межкультурной коммуникации на Северном Кавказе / Ф.А. Барков, С.А. Ляужева, В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2009. – 204 с. (12,8/10 п.л.).

7. Шадже А.Ю. Гуманизм и полиэтническая Россия / под общ. ред. Р.Д. Хунагова. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. (Соавторы: Волков Ю.Г., Хунагов Р.Д.). – 10,75 п.л.

8. Шадже А.Ю. Северокавказское общество: опыт системного анализа. – М. – Майкоп, 2004. (Соавтор: Шейден Э.А.). – 13,0 п.л.

9. Шадже А.Ю. Этнические ценности как философская проблема. – М. – Майкоп, – 2005. – 9 п.л.

10. Шадже А.Ю. Доказываем, опровергаем, спрашиваем, спорим... – М.–Майкоп, 2008. – 7,98 п.л.

Книги:

1. Шадже А.Ю. Кавказ: взгляд из Бонна. – Майкоп–Бонн, 2002. – 4,4 п.л.

2. Shadzhe A. Zum Problem des ethnischen Faktors in der kaukasischen Kultur. – Edingen – Neckarhausen, 2003. – 1,0 п.л.

Учебные пособия:

1. Обществознание : коллективное учебное пособие / под ред. Р.Д. Хунагова и В.И. Маргиева. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – 390 с.

2. Ляушева С.А. Ислам у адыгов Северо-Западного Кавказа : учебное пособие. – Майкоп, 2001. – 3 п.л.;

3. Ляушева С.А. Культурология : учебно-методический комплекс / А.А. Нагой, С.А. Ляушева. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – 108 с. (6,7 п.л.)

4. Шадже А.Ю. История и философия науки: учебно-методический комплекс. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – 4,7 п.л.

Статьи Жаде З.А.:

1. Россия и Кавказ: от противостояния к диалогу // Россия в новое время: центральное и периферийное в системе культурного диалога: Материалы Российской межвузовской научной конференции. 28–29 апреля 1999 г. – М.: Изд-во Рос. гос. гум. ун-та, 1999. – С. 119–121.

2. Особенности Северного Кавказа в системе геополитических координат // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов. (27–28 августа 1999 г.). – Ростов-н/Д.: Изд-во СКАГС, 2000. – С. 46–48.

3. Геополитические аспекты национальной политики современной России // Северный Кавказ в условиях глобализации. Тезисы Всероссийской научно-практической

конференции (22–23 мая 2001 г.). – Майкоп: Изд-во Адыг. гос. ун-та, 2001. – С. 429–433.

4. О взаимосвязи этнических и геополитических факторов в современной России // IV Конгресс этнографов и антропологов России (Нальчик, 20–23 сентября 2001 г.). – М.: Ин-т этнол. и антроп. РАН, 2001. – С. 85–86.

5. Северный Кавказ в контексте современных геополитических реалий // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции (Ставрополь, 11–15 сентября 2001 г.). – М. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. – Ч. 1. – С. 69–71.

6. Геополитические последствия распада СССР (на примере Северного Кавказа) // Распад СССР: 10 лет спустя. Доклады и выступления научной конференции: в 2 т. – М.: Издат. дом РИГ-ИЗДАТ, 2002. – Т. 2. – С. 248–250.

7. Современные проблемы геополитики Кавказа // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия Общественные науки. – Ростов-н/Д., 2002. – № 3. – С. 139–140.

8. Этнополитические конфликты в фокусе геополитики // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Материалы IV Международного конгресса. Симпозиум III. Геополитика, проблемы безопасности и миротворчества на Северном Кавказе (Пятигорск, 21–24 сентября 2004 г.). – Пятигорск: Изд-во Пятиг. гос. лингв. ун-та, 2004. – С. 36–38.

9. Этнический фактор в современном политическом развитии России // Государство и общество: философия, экономика, культура: Доклады и выступления. – М.: ЛЕ-НАНД, 2005. – С. 285–287.

10. Национальные интересы и безопасность России в контексте геополитики // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2005. – № 2. – С. 54–58.

11. Этнонациональная геополитическая идентичность: к постановке проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2006. – № 1. – С. 119–123.

12. Уровни геополитического измерения бытия современного мира // Тезисы докладов. IV Всероссийский конгресс политологов «Демократия, безопасность и эффективное управление: новые вызовы политической науки». – М.: Рос. ассоц. пол. науки, 2006. – С. 112–113.

13. Геополитическая составляющая российской идентичности // Реформы в России и Россия в реформирующемся мире. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 17 февраля 2006 г.: в 2 ч. – СПб.: Изд-во Балт. гос. тех. ун-та, 2006. – Ч. 2. – С. 143–149.

14. Глобализация и вызовы Северо-Кавказской этничности // Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность). Материалы Краевой научно-практической конференции. – Краснодар: Традиция, 2006. – С. 94–99.

15. Феномен геополитической идентичности // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ. – Армавир, 2006. – № 4. – С. 120–124.

16. Геополитическое измерение современной политической реальности // Научная мысль Кавказа. – Ростов-н/Д., 2006. – Дополнительный выпуск № 2. – С. 73–76.

17. Геополитическая идентичность в контексте глобализации // Человек. Сообщество. Управление. – Краснодар, 2006. – Приложение. – С. 185–196.

18. «Этничность» и «этническая идентичность»: концептуальный анализ понятий // Общество и право. Краснодар, 2006. – № 3. – С. 66–72.

19. Геополитическая идентичность в условиях формирования российской идентичности // Россия и современный мир: проблемы политического развития. Материалы II Международной межвузовской научной конференции. Москва, 13–14 апреля 2006 г.: в 2 ч. – М.: Ин-т бизнеса и политики, 2006. – Ч. 1. – С. 134–146.

20. Геополитическая идентичность: в поисках современной парадигмы // Роль идеологии в трансформационных процессах в России: общенациональный и региональный аспекты. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 20–21 апреля 2006 г.: в 2 ч. – Ростов-н/Д.: Сев.-Кав. науч. центр выс. шк., 2006. – Ч. 2. – С. 138–142.

21. Этнополитические конфликты на Северном Кавказе: геополитический дискурс // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество. Сборник тезисов на Международной научно-практической конференции. – Ростов-н/Д.: Изд-во Сев.-Кав. акад. гос. службы, 2006. – С. 50–53.

22. Региональная идентичность в условиях глобализации: опыт геополитического анализа // Государственно-правовая система России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Майкоп: Аякс, 2006. – С. 84–89.

23. Региональная идентичность с точки зрения геополитики // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2006. – № 4. – С. 95–100.

24. Дискурс геополитической идентичности в отечественной науке // Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады первой Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: Издат. дом «Дискурс Пи», 2006. – С 47–49.

25. «Этничность» и «этническая идентичность» // Методология социального познания. – Ростов-н/Д.: ООО «ЦВВР», 2006. – С. 102–110.

26. Региональная компонента идентичности // Гуманитарная мысль Юга России. – Краснодар, 2006. – № 3. – С. 59–73.

27. Геополитический анализ этнополитических конфликтов на Северном Кавказе: к постановке проблемы // Бюллетень отдела социально-политических проблем Кавказа Южного научного центра РАН. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 136–137.

28. Полиэтническое общество в условиях трансформации: опыт Республики Адыгея // Национальная политика и культура в современных условиях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. – Уфа: Пилем, 2006. – Ч. 1. – С. 48–51.

29. Этническая и региональная идентичности как факторы современного политического процесса // Перспективы политического развития России: Материалы Всероссийской научной конференции. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. соц.-экон. ун-та, 2007. – С. 217–220.

30. Российская многоуровневая идентичность в предметном поле политологии // Россия и современный мир: проблемы политического развития. Материалы III Международной межвузовской научной конференции: в 2 ч. – М.: Ин-т бизнеса и политики, 2007. – Ч. 2. – С. 499–517.

31. Будущее России в контексте национально-цивилизационной идентичности // 1917–2007: Уроки СССР и будущее России (ресурсно-энергетические, экономико-политические и социокультурные параметры): Доклады и выступления. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – С. 218–220.

32. Региональная идентичность как политологическая проблема // Формирование гражданской личности в современной России: потенциал и модели межнационального и межконфессионального взаимодействия. Материалы международной научно-практической конференции. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2007. – С. 88–93.

33. Конструктивный потенциал этнического фактора / Р.Д. Хунагов, З.А. Жаде // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 1. – С. 348–352.

34. Цивилизационная идентичность России в глобализирующемся мире // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар, 2007. – № 1. – С. 78–88.

35. Проблема идентичности в современных социальных теориях // Философия и общество. – 2007. – № 2. – С. 173–184.

36. Идентичность в трансформационных процессах в России: региональный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. – 2007. – № 5. – С. 60–65.

37. Феномен многоуровневой идентичности: цивилизационная составляющая // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия Общественные науки. Ростов-н/Д. – 2007. – № 5. – С. 19–24.

38. Региональная идентичность в российском пространстве (на примере Северного Кавказа) // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 527–537.

39. Северный Кавказ: этнополитические конфликты в контексте геополитической идентичности // Социокуль-

турные проблемы кавказского региона в контексте глобализации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – С. 3–14.

40. Геополитическое мировидение: теоретическая ретроспектива идей // Вестник АГУ. – 2007. – № 1. – С. 423–431.

41. Геополитическая идентичность как системное образование // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: Тезисы докладов региональной научной конференции. – Ростов-н/Д.: ЮНЦ РАН, 2007. – С. 49–50.

42. Этническая и региональная идентичности как факторы современного политического процесса // Перспективы политического развития России: Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. И.Н. Тарасов. – Саратов: СГСЭУ, 2007. – С. 217–220.

43. Россия в современном мире: проблемы концептуализации цивилизационной идентичности // Россия и Восток: проблема толерантности в диалоге цивилизаций: материалы IV Международной научной конференции: в 2 ч. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2007. – Ч. 1. – С. 230–235.

44. Идентичность в геополитическом измерении // Актуальные проблемы безопасности в условиях конфликтной ситуации на Юге России: материалы международной научно-практической конференции. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2007. – С. 219–222.

45. Актуализация идентичности в условиях глобализации // VII Конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. – Саранск, 2007. – С. 171.

46. Новая Россия: геополитическая и цивилизационная идентичность // Новая Россия: проблема доверия в современном российском политическом сообществе : сборник научных статей: в 4 ч. – М.: Изд-во Рос. гос. гум. ун-та, 2007. – Ч. 3. – С. 123–128.

47. Геополитическая идентичность Северного Кавказа в системе национальной безопасности России // Устойчивое развитие Северного Кавказа: проблемы и перспективы. Материалы круглого стола. – Майкоп: Аякс, 2007. – С. 29–48.

48. Современная политическая реальность в геополитическом ракурсе // Региональные политические исследования. – 2007. – № 1. – С. 49–54.

49. Соотношение этнической и религиозной идентичностей (на примере Северного Кавказа) // Ислам и политика на Северном Кавказе: история и современность / Материалы Всероссийской научной конференции. – Карачаевск: КЧГУ, 2007. – С. 79–84.

50. Геополитическая идентичность России: концептуальный анализ // Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы. Международная научная конференция. Тезисы докладов, Москва, 22–23 ноября 2007 г. – М.: РАПН, 2007. – С. 94–96.

51. Геополитическое мироощущение как уровень измерения политической реальности // Мировые процессы, политические конфликты и безопасность / редкол. Л.И. Никовская и др. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2007. – С. 25–35.

52. Научная элита России в поисках смысла идентичности // Элиты и будущее России: взгляд из регионов. Выпуск первый. Сборник материалов международной научно-практической конференции. / отв. ред. В.Г. Игнатов. – Ростов-н/Д.: СКАГС, 2007. – С. 221–224.

53. Северный Кавказ: влияние геополитического фактора на региональную идентичность // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. Материалы Всероссийской научной конференции: в 2 ч. – Карачаевск: КЧГУ, 2008. – Ч. 1. – С. 187–196.

54. Геополитические доминанты национальной безопасности и вызовы российской идентичности // Геополитика, проблемы безопасности и миротворчества на Северном Кавказе. Симпозиум IV. Материалы V Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – С. 24–26.

55. Северный Кавказ в контексте глобализационных изменений: геополитический анализ // Материалы Второго (очередного) съезда ученых-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 27 февраля 2006 г.) / отв. ред. М.Д. Розин. – Ростов-н/Д.: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. – С. 151–156.

56. Региональная идентичность как фактор современного политического процесса // Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Второй Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О.Ф. Русаковой. Том 2. (Серия «Дискурсология». Выпуск 6). – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2007. – С. 84–86.

57. Проблема идентичности в политико-правовом измерении // Россия как социальное и правовое государство: в поисках оптимальной модели / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Майкоп: АГУ, 2008. – С. 204–208.

58. Российская идентичность как многоуровневая структура // Неклассическое общество: векторы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Владимир: ВЮИ, 2008. – С. 32–38.

59. Республика Адыгея: проблемы адаптации и трансформации идентичности мигрантов // Миграционные процессы на Юге России: реалии, проблемы и перспективы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Выпуск первый. / отв. ред. А.В. Понеделков. – Ростов-н/Д.: СКАГС, 2008. – С. 61–64.

60. Северный Кавказ в контексте современных геополитических реалий // Полиэтничный макрорегион: язык, культура, политика, экономика. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 108–110.

61. Геополитическое мироустройство, мировидение и мироощущение // Вестник АГУ. – 2008. – Выпуск 2. – С. 235–239.

62. Идентичность как междисциплинарная проблема современной науки // Вестник АГУ. – 2008. – Выпуск 8. – С. 368–373.

63. Новая Россия: поиски цивилизационной идентичности // Россия и современный мир: проблемы политического развития: в 2 ч. / под ред. Д.В. Васильева. – М.: Институт бизнеса и политики, 2008. – Ч. 2. – С. 202–204.

64. Цивилизационная идентичность России в изменяющемся мире // Поликультурные основания формирования

ния общероссийской идентичности / ред. колл. Н.Г. Денисов. – Краснодар: КГУКИ, 2008. – С. 57–62.

65. Этническая идентичность: выбор исследовательской парадигмы // Этнокультурные и этнополитические процессы в XXI веке. – Уфа: Гилем, 2008. – С. 341–345.

66. Патриотизм как фактор укрепления российской идентичности // Патриотизм и интернационализм как источники Победы советского народа в годы Великой Отечественной войны. – СПб. – Майкоп: ООО «Качество», 2008. – С. 109–120.

67. Цивилизационная составляющая российской идентичности // Социогуманитарная ситуация в России в свете глобализационных процессов / под ред. Н.Л. Панковой – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 136–140.

68. Идентичность: этническая и религиозная составляющие (на примере Северного Кавказа) // Ценностные и социокультурные основы воспитания духовности и субъектности личности: сборник научных статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: РГППУ, 2008. – С. 131–136.

69. Концепт российской многоуровневой идентичности // Материалы XVII Недели науки МГТУ: XIII Всероссийская научно-практическая конференция «Образование – наука – технологии». – Майкоп: Изд-во ООО «Аякс», 2008. – С. 59–62.

70. Геополитические процессы на Северном Кавказе в контексте формирования российской идентичности // Чеченцы в сообществе народов России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2 т. – Назрань: Пилигрим, 2008. – Т. 1. – С. 367–374.

71. Концептуальные подходы к исследованию феномена идентичности в российской науке // Научный журнал «Теория и практика общественного развития». – 2008. – № 2. – С. 66–71.

72. Россия – Северный Кавказ: проблемы идентичности и геополитического позиционирования // Наука – 2008 / Ежегодный сборник научных статей ученых и аспирантов АГУ. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. – С. 254–260.

73. Трансформация геополитической идентичности России в контексте национальной безопасности // Национальная идентичность России и демографический кризис / Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Казань, 13–14 ноября 2008 г.). – М.: Научный эксперт, 2009. – С. 1330–1350.

74. Идентификационные процессы на Юге России: геополитическая компонента // Идентичность и интеграция: опыт России и Германии (Юг России – Кавказ). Сборник материалов Международной научной конференции. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009. – С. 101–115.

75. Российская идентичность в геополитическом измерении // Российская политика XXI века: неполитический потенциал политического. Материалы Международной научной конференции: в 2 ч. – М.: РГГУ, 2009. – Ч. 2. – С. 253–264.

76. Развитие гражданского патриотизма как фактор укрепления российской идентичности // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия: межрегион. научн.-практ. конф. (XVI Адлерские чтения). – Краснодар: Традиция, 2009. – С. 145–148.

77. Опыт политико-административного управления этноконфессиональными отношениями в Республике Адыгея // Стратегии управления социально-экономическими и политическими процессами в регионе: история и современность: Материалы научно-практической конференции: в 2 ч. – Ростов-н/Д. – Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009. – Ч.1. – С. 403–412.

78. Россия в глобализирующемся мире: вызовы XXI века и проблема обеспечения национальной безопасности // Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. – Новосибирск: Параллель, 2009. – Том III. – С. 319–320.

79. Многоуровневая структура российской идентичности // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. / редкол.: В.А. Тишков. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. – С. 222–223.

80. Специфика полиэтничного и поликонфессионального общества: взгляд из Республики Адыгея // Полити-

ка развития и политико-административные отношения: сб. науч. ст. – Краснодар: КубГУ, 2009. – С. 276–285.

81. Юг России в условиях геополитической трансформации // Политическая наука на Юге России: итоги двадцатилетнего развития. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Выпуск 1. – Ростов-н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009. – С. 111–115.

82. Геополитические параметры идентификационного поиска в России // Противодействие этническому и религиозному экстремизму на Северном Кавказе. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – С. 263–270.

83. Влияние модернизации на формирование российской идентичности // Влияние глобализации на политико-правовую систему Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Майкоп: Издатель А.А. Григоренко, 2009. – С. 15–21.

84. Геополитические аспекты обеспечения национальной безопасности России // Проблемы глобальной политики и безопасности современной России: Материалы междунар. научн. конф: в 2 ч. – СПб.: БГТУ, 2009. – Ч. 2. – С. 175–180.

85. Российская модернизация и проблемы идентичности // Российское общество и государство: актуальные проблемы на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / сост. и общ. ред. А.С. Тимошук. – Владимир: ВЮИ, 2009. – С. 29–34.

86. Трансформация геополитической идентичности России в контексте национальной безопасности // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник / редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. – Вып. 4. Ч. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 238–244.

87. Концепт идентичности в социально-гуманитарных науках // Этнокультурные технологии формирования российской идентичности в полиэтничном регионе: сб. науч. ст. по матер. II междунар. науч.-практ. конф. / ред. колл. В.Е. Науменко, Н.Г. Денисов, Т.В. Коваленко. – Краснодар: ООО «Альфа-Полиграф+», 2009. – С. 25–32.

88. Патриотические основания российской идентичности // Молодые голоса в науке. Выпуск четырнадцатый. – Майкоп: Ред.-изд. отдел АГУ, 2009. – С. 4–15.

89. Особенности цивилизационной идентичности России // Россия и россияне: особенности цивилизации. Материалы Международной научной конференции / отв. ред. В.А. Колосов, А.Г. Деменев. – Архангельск: АГТУ, 2009. – С. 39–42.

90. Специфика российской цивилизационной идентичности // Философские, научные и духовно-нравственные проблемы глобализации. Материалы Международной научно-практической интернет-конференции / Л.Е. Моторина, Т.А. Попова. – М.: ООО «Широкий взгляд», 2009. – С. 55–57.

91. Молодое поколение России: проблемы формирования гражданской идентичности // Молодежь и ее участие в выборах: формы и методы повышения электронной активности: Материалы региональной научно-практической конференции / отв. ред. З.А. Жаде. – Майкоп: ООО «Качество», 2009. – С. 101–109.

92. Российская цивилизационная идентичность: некоторые подходы к осмыслению феномена // Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия: сб. науч. трудов. – Саратов: ПАГС, 2009. – С. 108–110.

93. Геополитические трансформации в полиэтничном макрорегионе в условиях формирования российской идентичности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2009. – № 1. – С. 115–123.

94. Геополитическое содержание идентификационных процессов на Юге России // Геополитика и безопасность. Аналитический и научно-практический журнал. – 2009. – № 2–3 (6–7). – С. 56–61.

95. Идентичность как объект гуманитарных исследований // Культура, искусство, образование на рубеже веков: Материалы III Международной научно-практической конференции. Выпуск 4. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. – С. 16–23.

96. Формирование идентичности в полиэтноконфессиональном регионе // Диалог государства и религиозных объединений в пространстве современной культуры: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 185–193.

97. Этническая идентичность в иерархии социальных идентичностей // Материалы IV Всероссийской научной конференции Сорокинские чтения «Отечественная социология: обретение будущего через прошлое. Южный федеральный округ» / отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-н/Д.: Антей, 2009. – С. 199–202.

98. Глобализация и плюрализация российской идентичности // Международная научно-практическая конференция «Образ России в контексте формирования культуры толерантности внутри страны и за рубежом» : сборник тезисов. – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. – С. 31–34.

99. Становление гражданской идентичности молодежи в условиях модернизации государства и общества // Социально-демографические проблемы молодежи в условиях мирового экономического кризиса: Материалы Международного научно-практического семинара (Москва, 23–24 ноября 2009 г.) / ред. С.В. Рязанцев. – М.: Изд-во «Экономическое образование», 2009. – С. 464–468.

100. Плюрализация идентичности в модернизирующемся обществе // Россия в процессе модернизации: социально-политические аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 3 т. / науч. ред. А.А. Варгумян. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2010. – Т. 3. – С. 85–92.

Статьи Куквы Е.С.:

1. Этническая идентичность в условиях глобализации // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса (16–20 октября 2002 г): в 3 т. – Ростов-н/Д., 2002. – Т. 3. – 0,1 п.л.

2. Специфика этнической идентичности в полиэтничном регионе // Наука-2002. Материалы научной конференции молодых ученых и аспирантов АГУ (22–25 апреля 2002 г.). – Майкоп, 2002. – 0,25 п.л.

3. Этническая идентичность на Северном Кавказе в контексте глобализации // Альтернативы глобализации: человеческий и научно-технический потенциал России. Доклады и выступления / под ред. А.В. Бузгалина. – М., 2002. – Т. 1. – 0,15 п.л.

4. П.А. Сорокин: социологическая концепция ценностей // Научная конференция молодых ученых и аспирантов. Материалы научно-практической конференции докторантов, аспирантов и соискателей АГУ (24–26 апреля 2001 г.). – Майкоп, 2002. – 0,2 п.л.

5. Этническая идентичность жителей Республики Адыгея (по материалам социологического опроса) // Наука-2003. Материалы научной конференции молодых ученых и аспирантов АГУ (22–25 апреля 2003 года). – Майкоп, 2003. – 0,35 п.л.

6. Модернизационное воздействие на этнокультурную сферу северокавказского общества: поиски стабильности // Устойчивое развитие Юга России: состояние, проблемы, перспективы. Сборник тезисов выступлений на конференции / отв. ред. В.Г. Игнатов. – Ростов-н/Д, 2003. – 0,3 п.л.

7. Актуальность северокавказской идентичности для жителей Республики Адыгея // Путь в науку: молодые ученые об актуальных проблемах социальных и гуманитарных наук. – Ростов-н/Д., 2003. – Вып. 4. – 0,15 п.л.

8. Социологическая характеристика этнической идентичности в Республике Адыгея // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе: Материалы Международной научной конференции 18–20 сентября 2003 г. – Балашов, 2003. – 0,2 п.л.

9. Гуманитарные науки: исследовательские подходы к этнической идентичности // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции СГУТИК. – Сочи, 2002. – 0,3 п.л.

10. Гражданское общество и этническая толерантность // Гражданское общество России: проблемы формирования и развития (Материалы межвузовской конференции, состоявшейся в г. Майкопе). – Майкоп, 2003. – 0,4 п.л. (Соавтор: Шадже А.Ю.)

11. Феномен многоуровневой идентичности: северокавказский опыт // Путь в науку: молодые ученые об актуальных проблемах социальных и гуманитарных наук. – Ростов-н/Д., 2004. – Вып. 5. – Ч. 2. – 0,25 п.л.

12. Особенности социокультурной трансформации северокавказского общества // Социальное развитие России: состояние, проблемы, перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (15–16 апреля 2005 г.). – Майкоп, 2005. – 0,3 п.л.

13. Общероссийская идентичность в полиэтничном регионе // Вестник АГУ. – 2006. – № 2. – 0,2 п.л.

14. Гражданская идентичность как фактор устойчивого развития // Устойчивое развитие Северного Кавказа: проблемы и перспективы. Сборник материалов «круглого стола». 18 апреля 2007. – Майкоп, 2007. – 0,2 п.л.

15. Перспективы формирования национальной идентичности в контексте современной миграционной ситуации // Миграционные процессы на Юге России: реалии, проблемы, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции. – Ростов-н/Д., 2008. – 0,2 п.л.

16. Социокультурные параметры этнической идентичности славянского и адыгейского населения в Адыгее // Диалог культур: славяне в социокультурном пространстве Северо-Западного Кавказа. – Майкоп, 2009. – 0,5 п.л.

17. Проект образовательного стандарта по курсу истории русской культуры для общеобразовательных школ Республики Адыгея (10–11 классы) // Там же. – 0,4 п.л. (В соавторстве: Денисова Н.Н., Бурькина Л.В., Луганская Г.Б.).

18. Этническая и гражданская идентичность: смена приоритетов? // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов: материалы Всероссийской научной конференции (21–22 сентября, Ростов-на-Дону). – Ростов-на-Дону, 2009. – 0,2 п.л.

19. Политическая и электоральная активность студенческой молодежи // Вестник АГУ. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология». – Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – Вып. 9. – 0,4 п.л. (В соавторстве: Шадже А.Ю., Муляр А.Ю.).

20. Политический портрет студента Адыгеи: каков он? // Молодежь и ее участие выборах: формы и методы по-

вышения электоральной активности: Материалы региональной научно-практической конференции, 28 апреля 2009 г. – Майкоп, 2009. – 0,4 п.л. (В соавторстве: Шадже А.Ю., Муляр А.Ю.).

21. Многоуровневая идентичность полиэтноконфессионального российского региона: позиции национальной идентичности // Этнокультурные технологии формирования российской идентичности в полиэтничном регионе: сб. науч. ст. по матер. II междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: ООО «Альфа-полиграф+», 2009. – 0,3 п.л.

22. Российская национальная идентичность: официальная и обыденная // Идентичность и интеграция: опыт России и Германии (Юг Росси – Кавказ). Сборник материалов круглого стола в рамках международной научно-практической конференции 22 июня 2009 г. (Ростов-на-Дону). – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. – Ч. I. – 0,3 п.л.

23. Этнокультурная идентичность казачества России // Вопросы казачьей истории и культуры: Выпуск 5. – Майкоп: ООО «Качество», 2010. – 0,3 п.л.

Статьи Ляушевой С.А.:

1. Суфизм: философские аспекты исламского мистицизма // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1999. – № 4. – С. 12–20.

2. Философские аспекты суфизма // Азия и Африка сегодня. – 2000. – № 4. – С. 55–62.

3. Состояние и перспективы ислама в Адыгее (материалы пробного исследования) // Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник научных статей. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. – Вып. 1. – С. 84–91.

4. История православия у адыгов // Православие в исторических судьбах Юга России / Южно-российское обозрение ЦСРИиП ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 20. Сб. статей. – Изд. 2-е доп. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – С.124–131.

5. Приоритеты образования: воспитание толерантной личности // Образование. Пространство RU. – 2004. – № 3–4. – С. 46–48.

6. Религиозная ситуация в Республике Адыгея и механизмы формирования религиозной толерантности // Кавказ, ЕС и Россия: проблемы стабильности. – М.: Центр стратегических и политических исследований; Фонд Розы Люксембург, 2004. – С. 97–104.

7. Традиция и механизмы культурной адаптации // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: возможность и границы совместимости / Южно-российское обозрение ЦСРИиП ИПШК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 23. Сб. статей. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – С. 88–100.

8. Этническая идентичность и конфессиональные характеристики личности // Известия вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. Приложение. – 2004. – № 9. – С. 24–32.

9. Религия в контексте семиотики (к вопросу о методике преподавания культурологических дисциплин) // Тезисы: VI Международная конференция «Исторические источники Евразийских и Северо-Африканских цивилизаций» (Майкоп, 3–6 октября 2005). – М.: Институт востоковедения РАН, 2005. – С. 105–106.

10. Конфессиональные характеристики личности // Философия и будущее цивилизации: Тез. докл. и выступл. IV Росс. философ. конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): в 5 т. – М.: Современные тетради, 2005. – Т. 4. – С. 641–642.

11. Молодежь в науке: проблемы и перспективы омоложения кадров // Материалы III Всероссийской научной конференции молодых ученых «Наука. Образование. Молодежь» (3–4 февраля 2006 г.). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2006. – 298 с. – С. 3–6.

12. «Ядро культуры» и «базовые культурные характеристики» как категории теории культуры // Философия, социология, культурология (ФСК) АРИГИ. – Майкоп: Изд-во АРИГИ, 2006. – Вып. 5. – С. 39–47.

13. Философия культуры: Рабочая программа курса // Философия, социология, культурология (ФСК) АРИГИ. – Майкоп: Изд-во АРИГИ, 2006. – Вып. 5. – С. 190–197.

14. Послевузовское профессиональное образование: поиск современной методологии // Наука. Образование. Молодежь: Материалы IV Всероссийской научной конференции молодых ученых (8–9 февраля 2007 года). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2007. – Часть I. – С. 10–12.

15. Молодежь в науке и инновационное развитие России // Молодежь. Инновации. Будущее: Тезисы Межрегиональной научно-практич. конф. студентов и молодых ученых Юга России (25–26 сентября 2007 года). – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 3–8.

16. Летний методологический университет как инновационная форма реализации творческого потенциала студента / З.Х. Курмалиева, С.А. Ляшова, Ф.К. Тугуз // Воспитательный потенциал современного образовательного пространства: Материалы Всеросс. научно-практич. конференции (21.12.2007). – Бирск: Бирский гос. соц.-пед. акад., 2007. – С. 208–213.

17. Молодежь – будущее российской науки // Наука. Образование. Молодежь: Материалы V Всероссийской научной конференции молодых ученых (7–8 февраля 2008 года). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. – С. 8–11.

18. Патриотизм в системе ценностей современной России // Сборник материалов республиканской научно-практической конференции по вопросам патриотического воспитания детей и молодежи. – Майкоп: Министерство образования и науки РА, 2008. – С. 6–7.

19. Межкультурные взаимодействия в контексте соотношения традиции и новации // Наука-2008: Ежегодный сборник научных статей ученых и аспирантов АГУ. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. – С. 260–268.

20. СНО: соуправление и возможности социализации вузовской молодежи / З.Х. Курмалиева, С.А. Ляшова, Ф.К. Тугуз // Модернизация студенческого самоуправления в высшей школе: Материалы международной научно-практической конф. (28–29.02.2008). – Ростов-н/Д: РИНХ, 2008. – С. 262–266.

21. Роль Летнего методологического университета в интеграции научно-исследовательской деятельности студентов АГУ // Проблемы и задачи организации НИРС: Материалы семинара-совещания в

рамках Всероссийского смотра-конкурса научно-технического творчества студентов вузов «Эврика-2008» (19–20.11.2008, Новочеркасск). – Новочеркасск: «Луч», 2008. – С. 93–96.

22. Современное образование: гуманизация и гуманитаризация // *Ab ovo: Студенческий научный журнал АГУ*. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – № 10. – С. 8–9.

23. Гуманитарные приоритеты современного образования // *Наука. Образование. Молодежь: Материалы VI Всероссийской научной конференции молодых ученых (5–6 февраля 2009 года)*. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – Т.1. – С. 3–5.

24. Роль института кровной мести в регулировании конфликтов / С.А. Ляужева, Ф.Т. Цику // *Перспектива-2009: Материалы Межд. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых*. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – Т. 2. – С. 124–129.

25. Этнические и религиозные мотивы модной одежды / С.А. Ляужева, Т.С. Данилова // *Перспектива-2009: Материалы Межд. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых*. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – Т. 2. – С. 43–45.

26. Религиозная идентичность в современной культуре / С.А. Ляужева, А.А. Нагой // *Вестник АГУ. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология»*. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – Вып. 9. – С. 221–225.

27. Маргинальная культура в аспекте межкультурных взаимодействий // *Наука. Философия. Общество: Материалы V Российского философского конгресса*. – Новосибирск: Параллель, 2009. – Том II. – С. 304.

28. Межкультурное взаимодействие и этномаргинальные культуры // *VIII Всероссийский конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов*. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. / редкол. В.А. Тишков. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. – С. 227.

29. Религиозный экстремизм в контексте маргинализации // *Противодействие этническому и религиозному экстремизму на Северном Кавказе: Материалы*

Межрегиональной научно-практической конференции (11–14 ноября 2009 года). – Майкоп: Редакционно-издательский отдел АГУ, 2009. – С. 233–236.

Статьи Шадже А.Ю.:

1. Социокультурные сценарии будущего: судьба национальных ценностей // Вестник АГУ. – Майкоп, 1998. – № 1. – С. 21–24.

2. Этнос и нация: опыт понятийного анализа. – Майкоп, 1999. – 24 с. (Соавтор: Беретарь Н.Г.) .

3. Обычное право и его роль в гармонизации межэтнических отношений // Этнические проблемы современности. Выпуск 5. Проблемы гармонизации межэтнических отношений в регионе: Материалы научной конференции (14–15 сентября 1999 г.) – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – С. 149–152.

4. Природа и человек: методологические заметки // Международная научно-практическая конференция «Биосфера и человек» (Материалы конференции). Группа авторов. – Майкоп: Изд-во АГУ, 1999. – С. 344–348.

5. Этническая идентичность и поликультурное образование // Вестник Пятигорского лингвистического университета. – Пятигорск, 1999. – № 4. – С. 49–52.

6. Права человека и права этноса (методологические замечания) // Социально-гуманитарные знания. – М., 1999. – № 6. – С. 280–286.

7. Гуманистическое измерение прав человека и прав этноса // Северо-Кавказский юридический вестник. – Ростов-н/Д., 1999. – № 3.

8. Кавказская цивилизация или кавказская культура? // Научная мысль Кавказа. СКНЦ ВШ. – Ростов-н/Д., 2000. – № 2. – С. 36–45.

9. Путь к государственным языкам // Образование города на пути к XXI веку. Проблемы, исследования, опыт, перспективы. – Майкоп, 2000. – С. 117–131.

10. Ценностный потенциал этнического фактора // Ценностные основания государственной власти управления России на рубеже веков. – Ростов-на-Дону – Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2000. – С. 87–89.

11. Северный Кавказ в условиях глобализации // Социально-гуманитарные знания. – М., 2001. – № 6. – С. 298–304.

12. Кавказский фактор в современной России // Социологические исследования. – М., 2001. – № 3. – С. 77–80. (Соавтор: Хунагов Р.Д.).

13. Феномен кавказской идентичности // Очерки кавказской культуры. – Майкоп, 2001. – С. 128–145.

14. Роль этнического фактора в миротворческом процессе (на примере Кавказа) // Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения. МГИМО МИД России (23–24 мая 2000 г.) – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 185–191; Статья перепечатана в журнале: Россия и мусульманский мир – 2002. – №7. – С. 46–52.

15. Права человека и права этноса в полиэтническом обществе // Становление государственности Адыгеи. Очерки и документы конституционного строительства (1989–2001 гг.). – Майкоп, 2001. – Т. 2.

16. Этнокультурные ценности в условиях глобализации // Северный Кавказ в условиях глобализации. Тезисы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Р.Д. Хунагова. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. – С. 101–103.

17. Специфика взаимодействия человека и природы в кавказском социокультурном пространстве // Международная научно-практическая конференция «Биосфера и человек» (Материалы конференции). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. – С. 417–420.

18. Ценностный смысл экокультурных традиций кавказских народов // IV конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября, 2001 г. Тезисы докладов. – М., 2001. – С. 204.

19. Феномен кавказской идентичности // Научная мысль Кавказа. СКНЦВШ. – Ростов-н/Д., 2002. – № 1.

20. Динамика социокультурных трансформаций на Северном Кавказе // Социально-гуманитарные знания. – М., 2002. – № 5. – С. 59–71. (Соавтор: Дамения О.Н.).

21. Специфика социокультурных изменений на Северном Кавказе в условиях трансформации России // Вестник АГУ. – 2002. – № 3–4 – С. 59–64. (Соавтор: Дамения О.Н.).

22. Философия ценностей. Исторический и логико-методологический аспекты // Философия в реформируемом обществе. – Краснодар, 2002. – С. 343–358.

23. Северный Кавказ в условиях глобализации: как совместить традицию и современность? // Альтернативы глобализации: человеческий и научно-технический потенциал России. Доклады и выступления / под ред. А.В. Бузгалина. – М., 2002. – Т. 2. – С. 68–69.

24. Синергетический подход к изучению полиэтнического общества // Вопросы истории и методологии. – Майкоп, 2003. – С. 17–23.

25. Толерантность в ценностной системе трансформирующейся России // Социально-гуманитарные знания. – М., 2003. – № 5. – С. 228–242 (Соавтор: Дамения О.Н.).

26. Взаимодействие систем «человек» и «природа» в Кавказском регионе: холистический взгляд // Международная научно-практическая конференция «Биосфера и человек» (материалы конференции). Группа авторов. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2003. – С. 227–232.

27. Социокультурная основа реформ в изменяющейся России (на примере северокавказского региона) // Новая политика для новой экономики: альтернативы рыночному и консервативному фундаментализму. Доклады и выступления / под ред. А.В. Бузгалина. – М.: Слово, 2003. – С. 291–292. (Соавтор: Дамения О.Н.).

28. Социокультурные ценности как фактор стабильности на Кавказе // Кавказский регион после холодной войны: пути стабилизации. – Ростов-н/Д., 2004. – С. 132–142.

29. Социокультурная составляющая стабилизационной модели развития Северного Кавказа // Кавказ, ЕС и Россия: проблемы стабильности. – М., 2004. – С. 148–153.

30. Права человека в полиэтническом социуме // Материалы XXI Всемирного философского конгресса «Философский пароход». Доклады российских участников. – Краснодар – М., 2004. – С. 370–375.

31. Этносоциальные процессы современности в новой парадигме развития // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): в 5 т. – М., 2005. – Т. 4. – С. 651–652.

32. Природа ценности в социально-гуманитарных науках (некоторые методологические замечания) // Философия науки: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Межд. конф. – Краснодар, 2005. – С. 172–176.

33. Новый глобальный язык: угроза или реальность? // Актуальные проблемы двуязычия и их речевая реализация в полиэтнической среде. Сборник материалов Всерос. научно-практ. конф. – Майкоп, 2005. – С. 123–126.

34. Ценность образа жизни в северокавказском обществе // VI Международная конференция «Исторические источники Евразийских и Северо-Африканских цивилизаций». – М.: ИВРАН, 2005. – С. 162–164.

35. Новые грани глобализации // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 2. – С. 345–352.

36. Системное осмысление историографии // Социально-гуманитарные знания. – М., 2006. – № 3. – С. 347–351.

37. Формирование образа «мы – россияне» в российском регионе (к постановке проблемы) // Роль идеологии в трансформационных процессах в России: общенациональный и региональный аспекты. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 168–174.

38. Глобализационное воздействие на этнокультурное разнообразие // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские чтения, 26–27 мая 2006 года. – СПб., 2006. – С. 193–194.

39. Этнические конфликты на Северном Кавказе в контексте российской идентичности // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 95–98.

40. Современная глобализация и проблемы этнических культур // Глобализация и социальные изменения в современной России. – М., 2006. – С. 93–96.

41. Модернизация национальных ценностей в контексте устойчивого развития // Устойчивое развитие Север-

ного Кавказа: проблемы и перспективы. – Майкоп: Изд-во «Аякс», 2007. – С. 79–88.

42. Северокавказское общество: теория и методология исследования // Материалы Второго (очередного) съезда ученых-кавказоведов (Ростов-на-Дону, 27 февраля 2006 г.) / отв. ред. М.Д. Розин. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. – С. 13–21; Перепечатано: Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2007. – С. 13–21.

43. Формирование российской национальной идентичности в северокавказском регионе // Гражданская идентичность и патриотическое воспитание в полиэтничном регионе. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2007. – С. 203–218.

44. К переосмыслению северокавказского общества // Социально-гуманитарные знания. – М., 2007. – № 5. – С. 287–300.

45. Межкультурный диалог на Северном Кавказе в условиях глобализации // Взаимодействие народов и культур на юге России: история и современность. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2007. – С. 106–107.

46. Ценность диалога в полиэтничном социуме // Вестник Российского университета дружбы народов. – М., 2007. – С. 206–213. – Серия «Социология».

47. Диалог как условие сосуществования // Социальный конфликт. – Ростов-на-Дону – Ставрополь, 2007. – 1.0 п.л.

48. Права человека и права этноса: социокультурное измерение // Россия как социальное и правовое государство: в поисках оптимальной модели. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (14–15 марта 2008 года). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2008.

49. Переосмысливая кавказскую идентичность сегодня // Поликультурные основания формирования общероссийской идентичности: матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / редколл. Н.Г. Денисов и др. – Краснодар, 2008. – С. 36–41.

50. Взаимодействие природы и человека: ценностное измерение // Сборник материалов «Медико-экологичес-

кие и социально-экономические проблемы семейного от- дыха, пути решения». – Анапа, 2008. – С. 264–269.

51. Русский язык как объединяющий фактор рос- сийских этносов // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: Тезисы докладов Все- российской научной конференции (9–10 октября 2008 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов- на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 357–359.

52. Chadje A. Yu. Coexistence of ethnic identities as the factor of stability in the northern Caucasus // *European Society or European Societies: a View from Russia* / Ed. by V.A. Mansurov. – М.: Maska, 2009. – P. 225–227 (на ан- глийском языке).

53. Формирование национальной идентичности как научная проблема // Социально-гуманитарные науки и мир в XXI веке. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2009. – Ч. II. – С. 248–258.

54. Русский язык в условиях формирования рос- сийской нации // Социально-гуманитарные знания. – М., 2009. – № 2. – С. 68–76.

55. Проблема сосуществования общероссийской и этнической идентичностей в северокавказском регионе // Идентичность и интеграция: опыт России и Герма- нии (Юг России – Северный Кавказ). Сборник материа- лов международной научно-практической конференции 15–17 июня 2009 г. (г. Пятигорск). – Ростов-на-Дону: Изд- во СКАГС, 2009. – С. 50–63.

56. Региональная элита и формирование обще- российской идентичности // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: Материалы Всероссийской научной кон- ференции (9–10 июня 2009 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред акад. Г.Г. Матишев. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – С. 338–340.

57. Диалог: теория и региональная практика // Юж- ный федеральный округ: динамика межэтнических от- ношений в меняющемся этнополитическом простран- стве: Материалы научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009. – С. 220–231.

58. Правовая культура в условиях формирования общероссийской гражданской идентичности // Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России, всерос. конф. (Адлер, 2009). – Краснодар: Традиция, 2009. – С. 522–525.

59. Переосмысливая роль культурных традиций в формировании общероссийской идентичности // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов: Материалы Всероссийской научной конференции (21–22 сентября 2009 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишев. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – С. 353–356.

60. Проблема культурной идентичности в условиях глобализации // Наука. Философия. Общество: Материалы V Российского философского конгресса 25–28 августа 2009. – Новосибирск: Параллель, 2009. – Т. 2. – С. 278–279.

61. Региональное измерение глобализации // Россия и Запад: проблемы и перспективы взаимодействия. Материалы международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2009. – С. 214–220.

62. К проблеме управления в полиэтничном макрорегионе // Стратегии управления социально-экономическими и политическими процессами в регионе: история и современность: Материалы научно-практической конференции: в 2 ч. – Ростов н/Д–Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009. – С. 345–351.

63. Российская национальная идентичность как консолидирующий фактор на Северном Кавказе // Противодействие этническому и религиозному экстремизму на Северном Кавказе. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (11–13 ноября 2009 г.). – Майкоп, 2009. – С. 8–14.

64. Культура в условиях глобализации: как совместить традицию и современность? // Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства», Москва, МГУ, 20–23 мая 2009 г. / под общ. ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина: в 2 т. – М.: Макс Пресс, 2009. – Т. 1. – С. 557–560.

65. Формирование российской национальной идентичности на Северном Кавказе как региональная проблема // Этнокультурные технологии формирования российской идентичности в полиэтничном регионе: сб. науч. ст. по матер. II междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: ООО «Альфа-Полиграф», 2009. – С. 193–199.

66. Диалог как условие сосуществования // Кавказская цивилизация: историко-культурное наследие народов Юга России. Сборник материалов круглого стола. – Магас, 2009. – С. 152–161.

67. Глобализация: региональный дискурс // Человек – объект и субъект глобальных процессов. Материалы Международной научной конференции 20 ноября 2009 г. – СПб., 2009.

68. Ценность русского языка // Диалог культур: славяне в социокультурном пространстве Северо-Западного Кавказа. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. – С. 9–14.

69. Множество идентичностей в условиях глобализации: региональный дискурс // Россия в процессе модернизации: социально-политические аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции (5–6 марта 2010 г.): в 3 т. / научный редактор А.А. Вартумян. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2010. – Т. 3. – С. 195–203.

70. Смысл памяти // Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания Кавказской войны. Исторические чтения / ред. Э.А. Шейден ; отв. за вып. Н.А. Почешхов. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – С. 14–20.

71. Николай Бердяев о нации и национальных отношениях (по сборнику Н.А. Бердяева «Судьба России») // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп: Изд-во АГУ. – 2010. – Вып.1. – С.11–17. – Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология».

72. Ценность патриотизма в условиях современности // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности: материалы конференции. – Краснодар: Традиция, 2010. – С. 529–531.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета.

Сфера научных интересов: геополитика, идентичность, геополитическая идентичность, многоуровневая идентичность, национальная безопасность, патриотизм.

Куква Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, ученый секретарь Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета.

Сфера научных интересов: этническая идентичность, российская национальная идентичность, этнокультурное пространство Северо-Кавказского региона.

Ляшова Светлана Аслановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, начальник управления аспирантуры и послевузовского образования, Заслуженный деятель науки Республики Адыгея.

Сфера научных интересов: теория культуры, культурология, философия культуры, религиозная идентичность, религиоведение.

Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, Заслуженный деятель науки Республики Адыгея.

Сфера научных интересов: методология науки, социальная синергетика, социальная философия, социокультурные процессы в контексте глобализации, культурная идентичность, межкультурный диалог.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Хунагов Р.Д.)	7
ГЛАВА 1. ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ МНОГОУРОВНЕВУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ	10
1.1. Опять идентичность?! (Куква Е.С., Шадже А.Ю.)	10
1.2. Идентичность в новой парадигме развития (Шадже А.Ю.)	20
ГЛАВА 2. МОДИФИКАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ	43
2.1. Этнокультурная размерность российской национальной идентичности (Куква Е.С.)	43
2.2. Идентичность в контексте российской гражданственности и патриотизма (Жаде З.А.)	65
ГЛАВА 3. РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	90
3.1. Религия в контексте взаимодействия культурных традиций и инноваций (Ляужева С.А.)	90
3.2. Факторы развития религиозной идентичности (Ляужева С.А.)	112
ГЛАВА 4. МНОЖЕСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	143
4.1. Северный Кавказ в поисках геополитической идентичности (Жаде З.А.)	143
4.2. Глобализация культурной идентичности (Шадже А.Ю.)	167
4.3. Диалог – условие сохранения разнообразия (Шадже А.Ю.)	181

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (Шадже А.Ю.)	194
<i>Приложение 1.</i>	
Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии	199
<i>Приложение 2.</i>	
К десятилетию научного направления «Культурная составляющая инновационной модели развития полиэтничного региона в условиях модернизации России и глобализации» (Шадже А.Ю.)	208
<i>Приложение 3.</i>	
Участие авторов в грантах и некоторые их публикации за 1998–2010 гг.	216
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	246

ISBN 978-5-901715-88-8

ISBN 978-5-9703-0270-5

Зуриет Анзауровна Жаде, Елена Сергеевна Куква,
Светлана Аслановна Ляушева, Асиет Юсуфовна Шадже

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Технический редактор Т.В. Кондрашова
Корректор Л.И. Калугина
Компьютерная верстка: И.А. Баева

Подписано в печать 27.07.2010 г. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,88.
Тираж 500 экз. Заказ № 189. ООО «Качество», 385000,
г. Майкоп, ул. Крестьянская, 221/2, тел.: (8772) 57-09-92.

